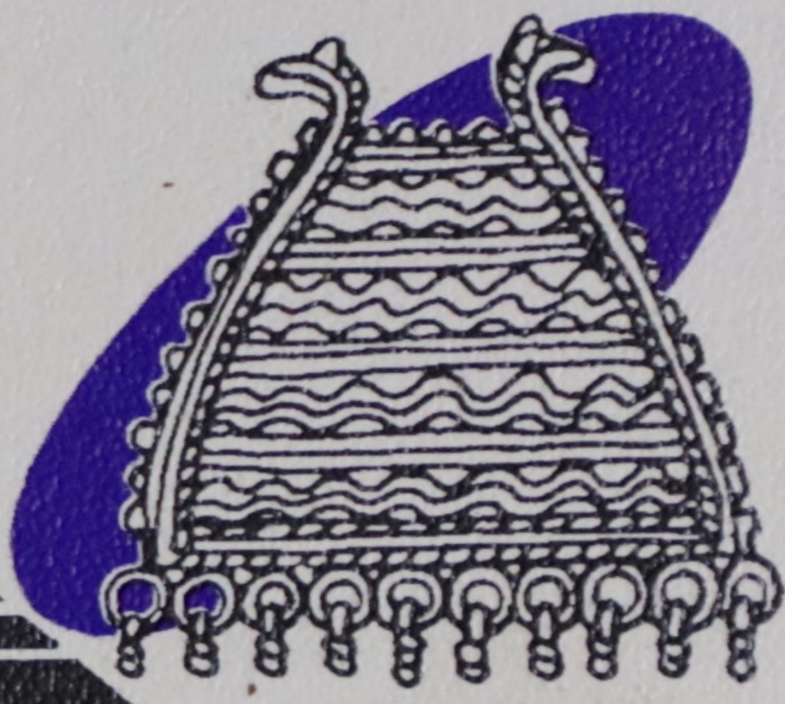
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

2.2003

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2003, №2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н.Сануков (главный редактор)
Ю.В.Андуганов (зам. главного редактора)
В.Е.Владыкин
Ю.А.Зеленеев
А.Г.Иванов
И.Г.Иванов
М.Г.Иванова
А.Д.Каксин
В.К.Кельмаков
Г.М.Керт
Н.Д.Конаков
В.Г.Кудрявцев
Т.Л.Молотова (отв. секретарь)
В.В.Напольских
Т.Б.Никитина
А.Н.Ракин
В.В.Седов
В.С.Соловьев

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© **МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева**, г.Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Чураков В. К критике воршудной теории..... 3
Кульбаева Н. К проблеме взаимоотношений Драматургии, Театра и Зрителя..... 19
Коростелев А. К вопросу о соотношении языка горных и луговых марийцев..... 31
Абукаева Л. Синтаксические фразеологизмы с местоименными постоянными компонентами в марийском языке..... 40

СООБЩЕНИЯ

Рогачев В. Типология мордовских свадебных причитаний..... 52
Христолюбова Л. О новых профессиях удмуртских женщин в первой половине XX века (трактористки)..... 57
Поздеев И. Современное состояние удмуртской диаспоры в республиках Марий Эл и Татарстан (по материалам этнографической экспедиции 2003 года)..... 70
Федосеева Н. Лагерная тема в марийской мемуарной прозе (1970–1990-е гг.)..... 79
Камитова А. Пространство и время в лирике К.Герда (на примере стихотворения «Керемет»)..... 90

ПЕРСОНАЛИИ

Лехтинен И. К юбилею Анны-Леены Сийкала..... 97

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Егоров Н. Рец.: Воронцова О.П., Галкин И.С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002. 424 с. 101
Галкин И. Рец.: Куклин А.Н. Олык-эрвел марий орфоэпий: Туныктышылан полыш. Йошкар-Ола, 2003. 144 с. 120
Мациевский И. Рец.: Минияхметова Т.М. Традиционные обряды закамских удмуртов: структура, семантика, фольклор. Тарту, 2003. 257 с. 127
Иванов И. Рец.: Beke Ödön. Mari nyeljárási szótár (Tscheremissiches dialektworterbuch). T.1-9. Savariae. 1997–2001. 3332 с. 141

ХРОНИКА

Третий Международный исторический конгресс финно-угроведов..... 145
Навстречу 10 Международному конгрессу финно-угроведов..... 148
Мамаева М. Конференция искусствоведов Республики Марий Эл..... 155
Сипуткина О. XIX Международная финно-угорская студенческая конференция IFUSCO..... 158
Садовин И. Финно-угорский календарь культурной и научной жизни 2003 года..... 160
Сведения об авторах..... 165

«Финно-угроведение», 2003, № 2.

СТАТЬИ

Владимир Чураков
Ижевск

К КРИТИКЕ ВОРШУДНОЙ ТЕОРИИ

Предлагаемая работа преследует цель ознакомить читателей, интересующихся удмуртской этнографией и историей, с критическими замечаниями в отношении системы взглядов, которую мы, учитывая значение, придаваемое ее приверженцами термину *воршуд*, далее условно называем *воршудной теорией*. Анализируемая концепция, своим «классическим» вариантом обязанная удмуртским исследователям В.Е.Владыкину и М.Г.Атаманову, представляет собой попытку решения проблемы сущности традиционной этносоциальной структуры удмуртского этноса в ее взаимосвязи с удмуртскими дохристианскими верованиями. В своей статье мы затронем лишь главные тезисы воршудной теории, опустив значительное количество мелких деталей, с которыми читатель может ознакомиться непосредственно в трудах В.Е.Владыкина и М.Г.Атаманова: в настоящий момент нам важно обратить внимание читателя на ее принципиальные ошибки, к числу каковых следует отнести: 1) употребление термина *воршуд* в значении ‘род’, 2) представление о связи удмуртской родовой организации с «матриархатом»; 3) мнение, что названия удмуртских родов происходят от «предполагаемых тотемов»; 4) констатация «племенного» характера и древности субэтнических подразделений *вятка* и *калмез*; 5) трактовка *мудора* в качестве «священного дерева» (В.Е.Владыкин) или «дома матери-прародительницы» (М.Г.Атаманов). Поскольку анализируемая теория была создана отнюдь не на пустом месте, напротив, большинство указанных положений без должного критического анализа было заимствовано ее авторами из работ своих предшественников конца XIX – начала XX вв., мы будем вынуждены в ходе проведения

критического разбора делать значительное число историографических отступлений, дабы стал ясен исходный посыл, приведший в итоге к тому или иному ошибочному утверждению.

Переходя непосредственно к критике воршудной теории, в первую очередь необходимо указать на ее грубейшую ошибку, фактически лишившую ученых возможности правильно интерпретировать накопленный этнографический материал – употребление термина *воршуд* в значении 'род', в результате чего в русскоязычной литературе стало возможным появление композита *воршудно-родовая организация*. Между тем понимание *воршуда* исключительно как покровителя рода (удм. *выжы*), определяемого в русле господствовавшего в то время в науке представления о роде как объединении «родственных семей», присутствует в трудах большинства дореволюционных исследователей (см. напр. 1, с. 26, 39; 2, с. 80–81; 3, с. 25, 27; 4, с. 3; 5, с. 32; 6, с. 209–210, 255–256). Особняком стоит лишь представление Н.Г.Первухина, обозначавшего термином *воршуд* как родового духа-покровителя, так и своеобразное социальное образование, представляющее собой род, состоящий исключительно из женщин («[следующее] значение слова *воршуд* есть род, поколение, относящееся исключительно к лицам женского пола» (sic!) (7, с. 18–19, 37). У удмуртов, таким образом, следует, по мнению исследователя, различать «женский» род-*воршуд* и род, в котором счет родства ведется по мужской линии у обоих полов (7, с. 41). Это умозаключение можно было бы расценить как досадный курьез, если бы не его последствия. Уже в работе удмуртского этнографа В.А.Максимова понятие *воршудное объединение* выступает в качестве синонима термина *род*, под которым подразумевается «коммунистическая ячейка со своим руководителем, выбираемым мужчинами и женщинами из лиц, наиболее опытных» (8, с. 54). Наконец, авторы, обратившиеся к изучению этносоциальной структуры удмуртов в конце 1960-х гг., нисколько не сомневаются, что *воршуд* – это материнский род, которому покровительствует дух *воршуд* (9; 10; 11). Именно в таком виде это положение было усвоено В.Е.Владыкиным и М.Г.Атамановым.

Между тем разграничение *воршуда* (вар. *шудвордйсь*) – духа-покровителя и рода (*выжы*) является само собой разумеющимся, поскольку состав рода никогда не совпадал с коллективом людей, поклоняющихся одному *воршуду*. Это следует из того простого факта, что по достижении определенного возраста женщина выходила замуж за представителя другого рода. Брачной церемонии предшествовал

обряд прощания женщины с духом-покровителем рода отца. После того, как брак был заключен, проводился обряд приобщения невестки к культу духа-покровителя рода супруга (1, с. 106; 5, с. 32–33; 7, с. 36). Из сказанного очевидно, что лишь мужская часть рода всю свою жизнь оставалась под покровительством *воршуда* своего рода*, женщина же, выходя замуж и продолжая принадлежать к роду отца, отказывалась от участия в религиозных обрядах своего рода и переходила к обрядам рода своего супруга. Поскольку мобильность женщин, покидавших после брака отчий дом, являлась определенным препятствием к установлению их происхождения, у них дольше, чем у мужчин, просуществовал обычай ношения на одежде своеобразного свидетельства родовой принадлежности – металлической пластинки *демдор* (< *deremdor* < *derem* "платье" + имя-послелог *dor* "у, возле, около чего-либо", т. е. 'предмет, находящийся на платье').

Итак, под воршудом удмурты подразумевали родового покровителя, основные обряды, связанные с почитанием которого, проводились в святилище *куала*. Впрочем, необходимо отметить, что этим же термином или его производными назывались и предметы, связанные с почитанием рода, – ситуация вполне закономерная. К примеру, находившийся в куале берестяной короб, в котором хранилась ритуальная посуда, остатки прежних жертвоприношений, деньги, предназначенные для организации последующих, зола из очага и т. п., обозначался термином *воршуд-куды* (7, с. 26–31; 12, с. 212). Согласно сообщениям некоторых исследователей, воршудом могли называть какую-нибудь идолоподобную фигурку, хранившуюся в куале и символизировавшую собой родового покровителя (3, с. 212; 4, с. 5; 13, с. 525–526).

Что же собою представлял род, покровителем которого являлся *воршуд* или *шудвордйсь*? В.Е.Владыкин и М.Г.Атаманов, оперируя термином *род* при описании традиционной этносоциальной структуры удмуртов, ограничиваются заявлениями, что собственно род у удмуртов давно распался, а сам термин используется «не в классическом значении». Впрочем, В.Е.Владыкин делает существенное дополнение, сообщая читателю, что под родом у удмуртов «следует понимать группу родственников типа патронимии» (14, с. 144). При этом не уточняется, какого рода патронимия понимается: как известно, М.О.Косвен – создатель *патронимической теории* – выделял патронимии первого, второго и т. д. порядков (15, с. 103). Необходимо также заметить, что, не подвергнув теоретическому

---

* Здесь мы не рассматриваем случаи типа усыновления инородца и т.п.

анализу структуру исследуемого социального объекта, один и тот же термин *патронимия* он употребляет, как отметил Ю.И.Семенов, в двух различных смыслах: 1) патронимия как группа семей, где, естественно, все не могут быть кровными родственниками, и 2) патронимия как группа людей, осознающих единство своего происхождения, т.е. являющихся кровными родственниками (16, с. 81). Подобная двусмысленность, а также ряд других затруднений, возникающих при употреблении термина *патронимия*, неоднократно провоцировали предложение отказаться от его использования (17, с. 62–63; 18, с. 74).

Не останавливаясь на анализе употребления термина *род* в отечественной литературе (об этом см.19), определим лишь наше понимание этого социального института. Как нам кажется, причиной того, что в этнографии термин *род* является одним из наименее детерминированных, стало то, что термины (слав. *род,* ирл. *clainne,* лат. *gens* и т. д.), описывающие в соответствующих языках формы социальных связей, в основе которых лежит определение генеалогического (вертикального) родства человека по мужской линии, переносятся и на социальный институт, который представлял собой небольшое самостоятельное производственно-хозяйственное объединение людей, характеризуемое агамией в вопросах отношения полов, возникшее в период позднего палеолита. Единственной формой осознания общности (горизонтального родства) людей, составлявших этот социальный организм, был тотемизм, возникший еще на стадии позднего стада пралюдей.

В отношении удмуртов, безусловно, под термином *род* следует понимать такое социальное явление, которое характеризуется принципом «генеалогического древа», иными словами это объединение лиц, ведущих свое происхождение по мужской линии от того или иного «общественнозначимого» предка, имя которого выступает в качестве обозначения совокупности его потомков. Естественное разрастание рода ведет к его сегментации и образованию ряда новых ветвей рода (подразделяющихся на «старшие» и «младшие»), члены которых могут называться по их основателям. Каждый из подобных сегментов рода сам является родом и, в свою очередь, внутри себя вновь может разделиться на отдельные роды. При этом различные формы связей (возможно, за исключением идеологической) внутри такого организма убывают пропорционально переходу от рода низшего порядка к роду высшего порядка. Таким же образом исчезает экзогамия, характерная для рода низшего порядка, каковым

у патрилинейных обществ выступает социальный организм, получивший у М.О.Косвена название «патронимия» (во втором значении, см. выше). В идеологической сфере для традиционных обществ, сохраняющих родовые связи, свойственно представление, что дух предка-родоначальника того или иного рода может оказывать влияние на судьбу своих потомков (ср. значения удм. *воршуд* и *шудвордйсь**), чем и объясняется культ предков. При этом у народов, придерживающихся традиционных верований, например китайцев, культ предков составляет основу религиозных верований, тогда как «искусственные религии» (определение Ф.Энгельса), вроде христианства и ислама, могли «вытеснить у народных масс культ старых богов (в том числе и культ предков – *В.Ч.*) только посредством культа святых» (20, с. 490), впрочем, и у народов, исповедующих «искусственные религии», отчетливо прослеживаются следы почитания предков.

Следующим заблуждением авторов воршудной теории является представление о связи родовой организации удмуртов с эпохой «матриархата». Здесь мы не будем останавливаться на причинах, побуждающих исследователей активно пользоваться давно устаревшей терминологией, и рассмотрим лишь представленную ими аргументацию относительно наличия в прошлом удмуртов «объединения родственников по материнской линии». Согласно В.Е.Владыкину и М.Г.Атаманову, в пользу этого свидетельствуют следующие факты удмуртской этнографии: 1) родовые (*воршудные* по терминологии анализируемой теории) названия, после своей «тотемической» стадии превратившись в имена женщин-родоначальниц, были унаследованы потомками последних. Традиция наследования родового имени по материнской линии в качестве пережитка частично сохранилась, «во всяком случае, еще в недавнем прошлом (20–30-е гг., а порою даже сейчас) женщину-удмуртку называли (особенно ее муж) не по имени, а по ее воршуду» (14, с. 146; 21, с. 5–6); 2) система терминов родства удмуртов, разделяющая всех родственников (удм. *чыжсы-выжсы*) человека на родственников со стороны отца и родственников со стороны матери, для

---

* *voršud* (< **vordemšud* 'пестованное счастье', т. е. счастье в образе духа предка, о котором нужно заботиться, чтобы и оно в свою очередь оказалось благосклонным к своим почитателям – ср. другое название духа-покровителя *šudvordis* 'рождающий счастье').

обозначения которых в терминах родства употребляется компонент *чуж-*, «отражает структурные образования той далекой эпохи, когда счет родства вели отдельно по материнской, а затем отцовской линии» (14, с. 258).

Мы уже отмечали, что мнение о *воршуде* как о роде восходит к рассуждениям Н.Г.Первухина. Еще раз подчеркнем, что он видел в нем своеобразный социальный институт, предполагающий счет родства и, соответственно, наследования родового имени по женской линии исключительно среди женщин. Основанный на таких умозрительных принципах род-*воршуд* сосуществовал в представлениях исследователя с вполне традиционным «родом как фамилией», предполагающим прослеживание родства человека, вне зависимости от его пола, по мужской линии (7, с. 41). Впрочем, уже в интерпретации И.Н.Смирнова мы обнаруживаем существенное расширение представлений Н.Г.Первухина. Справедливо отмечая, что «люди, связанные кровным родством, обозначались терминами корень (vyžy, vuž)», И.Н.Смирнов констатирует: «Рядом с родами, связанными сознанием происхождения от общего родоначальника, у вотяков были роды, связанные когда-то сознанием происхождения от общей родоначальницы и эта связь объединяет уже не одних женщин, но и мужчин» (выделено нами – *В.Ч.*) (3, с. 25, 140). Таким образом, на арене удмуртской истории вырисовывался типичный матрилинейный организм, который в работе М.Г.Худякова приобрел черты вполне живого социального института современного ему удмуртского общества. Отмечая, что каждый род, «который вотяки называют выжы», имеет собственное имя, «обычно тождественное с именем воршуда (родовой богини)», М.Г.Худяков далее писал: «Родовое имя, т.е. фамилия, у вотяков, как мы видим, передается не по отцу, а по матери» (22, с. 349). Все приведенные выше построения носили чистейший метафизический характер и описывали то, чего в действительности не существовало, на что неоднократно обращалось внимание в научной литературе уже с конца XIX в. (23, л.2–6; 24, с. 17–27; 25, с. 58–59), поэтому удивительным представляется то, с какой настойчивостью ряд современных исследователей, в том числе В.Е.Владыкин и М.Г.Атаманов, отстаивает давно опровергнутую концепцию «удмуртского матриархата».

Исходным звеном, послужившим для создания целой цепочки выводов, приведших в конечном итоге к становлению указанной концепции, стал весьма прозаический факт, не получивший однако в трудах большинства исследователей XIX в. верного объяснения. Собирая мате-

риал о дохристианских верованиях удмуртского народа и особенностях его этносоциальной организации, исследователи столкнулись с проблемой значения удмуртских родовых имен. Не будучи в состоянии ее решить, они обратили внимание на характер употребления последних. В ходе расспросов от удмуртов был получен ответ, что это «женские языческие имена» (3, с. 37–38). Доказательством этих слов, по мнению ученых, служил «своеобразный обычай», впервые зафиксированный И.Г.Поповым, писавшим в 1851 г.: «Замечательно и жен своих они зовут именем чумов того селения, из которых они поступили в замужество…Так, вместо Анна называют Пышья или Ташья» (26). В свою очередь, в 1888 г. Н.Г.Первухин отмечал, что «дома, в интимном разговоре, муж не называл жену ни «бабой», ни «женой», ни «хозяйкой», а также не величал ее ни по имени, ни по отчеству, но называл ее по воршуду», т.е. по родовому имени, которое, согласно взглядам исследователя, из поколения в поколение передается от матери к дочери (7, с. 37). Кроме того, на представления многих русских исследователей о «женском» характере удмуртских родовых имен могло оказать влияние то, что большинство из них имеет окончание *-а*, присущее русским женским именам. Также было замечено, что родовые имена употреблялись в случаях, связанных с культом воршуда, который вполне справедливо рассматривался в качестве культа предков. Последовал осторожный вывод: родовые имена не что иное, как имена родоначальниц или даже богинь-покровительниц отдельных удмуртских родов (1, с. 40; 7, с. 18–19; 27, с. 161). С этих позиций оставалось сделать один шаг, чтобы поднять вопрос о наличии в прошлом удмуртов периода «матриархата». И уже в 1890 г. развернутые рассуждения по этому вопросу были изложены в книге И.Н.Смирнова «Вотяки».

Обратимся же к действительности, поставившей в тупик многих исследователей. На самом деле то, что было расценено большинством из них в качестве «женского» личного имени, представляло собой родовое прозвище отца женщины (6, с. 210; 25, с. 58–59). Иными словами, имена замужних женщин, например, *Эгра, Пурга*, означают, что через своих отцов они принадлежат к родам *Эгра, Пурга*. Антропонимы типа *Педор Чабъя* означали, в данном случае, что жена Федора была взята из рода Чабъя, к которому через своего отца она принадлежала. Подобная традиция наименования замужней женщины (ср. рус. *Глебовая Всеславича* – т.е. жена Глеба, принадлежащая по отцу к роду Всеславичей), распространенная у многих народов, преследовала вполне очевидную цель – выделить жену-чужеродку

из числа кровных родственников ее мужа. Эту же цель у удмуртов, как было отмечено выше, преследовала традиция ношения женщинами *дэмдоров*.

Сохранение в воршудной теории представления, заимствованного из работы И.Н.Смирнова, о том, что свойственное для удмуртской терминологии родства разграничение родственников по отцовской и материнской линиям свидетельствует о предшествовавшем патрилинейному матрилинейного счета родства (3, с. 136), указывает на то, что ее авторы продолжают, как и их предшественник, смешивать два совершенно различных понятия – *род матери*, т.е. род (он может быть как матрилинейным, так и патрилинейным), к которому принадлежит мать человека, и *материнский род* (т. е. такой род, в котором счет родства идет по женской линии). Между тем, если бы И.Н.Смирнов в период написания своего сочинения ознакомился с работой П.А.Лавровского («Коренное значение в названиях родства у славян» СПб., 1867), то он обратил бы внимание на принципиальное тождество древнерусской системы родства, а также систем родства ряда современных славянских народов, с системой родства удмуртов. Это позволило бы ему воздержаться от поспешных выводов. Современным же авторам, из работы в работу повторяющим заблуждение И.Н.Смирнова, хотелось бы посоветовать для начала поинтересоваться, что такое *бифуркативно-коллатеральная система родства* (28; 29), а также убедиться, что основа *чыжы* (в термине *чыжы-выжы*) и основа *чуж* (в составе некоторых удмуртских терминов родства) не являются родственными и никоим образом не связаны с «матриархатом» (30, с. 308, 312).

Из сказанного следует, что ни одно из приведенных выше доказательств наличия в прошлом удмуртов матрилинейного счета родства не имеет под собой оснований. Напротив, со всей очевидностью собранный исследователями удмуртской этнографии материал выявляет патриархальный характер удмуртского традиционного общества. В пользу этого, как сможет чуть позже убедиться читатель, свидетельствуют и родовые имена, к рассмотрению которых мы переходим.

Попытки проанализировать и выявить систему в названиях удмуртских родов (еще раз обращаем внимание читателя на неуместность употребления распространенного в литературе понятия *воршудное имя* в значении «название рода», поскольку *воршуд* не является родом) предпринимали многие исследователи. Первоначально стремились на основе формальных соответствий подобрать созвучные слова удмуртского

языка. Однако подобный прием не принес ощутимых результатов, и это побудило И.Н.Смирнова сделать вывод, что подавляющее большинство удмуртских родовых имен «необъяснимы из вотского языка и должны быть отнесены к категории заимствованных и вероятнее всего у чуди» (3, с.39). Следующим шагом в изучении удмуртских родовых имен стало стремление увидеть в их некоторых повторяющихся конечных слогах тот или иной формант. При этом значение самих выделенных формантов так и не получило сколько-нибудь убедительного объяснения со стороны исследователей, писавших на эту тему в конце XIX – середине XX в. (3, с. 35–37; 9, с. 242; 22, с. 6–7; 31, с. 42).

В 70-е гг. прошлого века к изучению удмуртских родовых названий обратился М.Г.Атаманов. В 1978 г. им в качестве кандидатской работы было защищено исследование «Этнонимы удмуртов в топонимии» (21), основными выводами которого в отношении родовых имен были: 1) в их образовании участвуют «характерные» форманты *- ga/- ka, - a, - ja, - ra, - ca, - ma, - es* (фактически все разнообразие конечных слогов родовых имен объявлялось различного рода суффиксами); 2) указанные форманты присоединяются к названиям «птиц, зверей, насекомых и рыб – предполагаемых тотемов рода», который, таким образом, восходит к периоду «матриархата»; 3) поскольку «об архаичности и древности возникновения воршудно-родовых имен говорит тот факт, что все зоонимы, которые легли в основу воршудных имен, восходят к уральской, финно-угорской или пермской общности», то большинство из выделенных формантов «являются архаическими суффиксами зоонимов, восходящими к прауральскому или прафинно-угорскому периоду». Несмотря на то, что в основу подавляющего большинства этимологий был положен принцип формального соответствия родового имени, «очищенного» от форманта, тому или иному апеллятиву какого-либо уральского языка (удмуртского, коми, мансийского, и даже «чудского») данная методика получила признание у большинства исследователей, полагавших, вслед за ее автором, что ключ к пониманию значения удмуртских родовых имен найден (21, с. 2; 32, с. 6). Поддержал выводы М.Г.Атаманова и В.Е.Владыкин, отметив их «интерес и перспективность» (14, с. 274).

В действительности, как сможет убедиться читатель, в образовании удмуртских родовых имен участвует один-единственный формант *-а*, на который первым обратил внимание еще М.Бух (33, с. 136) и о котором в своей рукописи П.М.Сорокин писал: «При обзоре приведенных названий (родовых имен – *В. Ч.*) бросается в

глаза общее у большинства окончание - *а* или *-я*, составляющее какой-то особый суффикс... Представляю знатокам финских наречий судить о моей догадке, но я считаю эти звуки *а* и *я*, несомненно, суффиксами: 1) притяжательного значения и 2) значения богатства, изобилия какого-нибудь свойства» (23, л.8 об., 9). По мнению исследователя, выделенный им в составе родовых имен суффикс прибавлялся к прозвищам родоначальников отдельных родов. Таким образом, П.М.Сорокин первым описал лингвистическую модель, в соответствии с которой образовано подавляющее большинство названий удмуртских родов. Следует только уточнить, что суффикс *-а* в функциональном плане соответствующий, к примеру, германским родовым суффиксам *-ing, -ung* (*Karoling*) и славянским *-ичи, -овичи* (*Рюриковичи*), очевидно, восходит к прапермскому показателю собирательного множественного числа **-а*, вытесненному в современных пермских языках более «молодыми» формами множественного числа (удм. *-(j)os*), но в качестве пережитка сохраняющийся в языке коми (подробн. см. 34, с.84–91) и в названиях удмуртских родов.

В пользу нашего предположения свидетельствуют такие родовые имена, как *Юбер-а, Удэг-а*, а также отмеченные для родовых прозвищ *Бигра, Поска* формы *Бигер-а, Посэк-а*, где *Юбер, Удэг, Бигер, Посэг* – это удмуртские мужские антропонимы (ср. *Юберь* Бектамышев, *Удешко* Бырдычев, *Бигер* Вася, Исуп *Посегов*). Прибавляясь к эпониму, оканчивающемуся на гласный, суффикс собирательного множественного числа провоцировал появление вставочного *-j-*, после чего оказавшийся в слабой позиции гласный производной основы выпадал (напр. *Бёдья* < *Бёди* + *- а*, в случаях, когда в ауслауте антропонима находился *-i*, он мог непосредственно перед суффиксом *-а* перейти в *-j*, подобно тому, как это происходит в сходных условиях в языке коми). Если показатель собирательного множественного числа прибавлялся к мужскому антропониму, который оканчивался на согласный, то предшествовавший ему гласный, оказавшийся в слабой позиции, также в большинстве случаев выпадал, а следующий согласный испытывал действие закона регрессивной ассимиляции (напр. *Можга* < *Мошег* + *- а*).

Теснейшую связь с проблемой удмуртских родов в рамках воршудной теории обнаруживает вопрос о роли «древних» племен *ватка* и *калмез* в этногенезе удмуртов. Собственно «племенной» характер указанным подразделениям удмуртов придали исследователи XIX в. (см. напр. 35, с. 93). Их последователям оставалось, ссылаясь на

авторитет предшественников, закрепить эту точку зрения в качестве «историографической традиции» и, развивая ее, попытаться выяснить происхождение названий и родовой состав обоих «племен». Попробовав справиться с последней задачей, М.Г.Худяков вынужден был констатировать преждевременность такой классификации «за отсутствием достаточных данных» (22, с. 355). Этот же автор, приводя слова мордовского этнографа М.Е.Евсевьева о том, что у части мордвы существует «воспоминание о каком-то народе, делившемся на два племени – 'Кельмаз' и 'Ветьке'», весьма осторожно намекая на удмуртские «племена» *калмез* и *ватка*, вопрошает: «Не имеем ли мы в данном случае дела с отголоском той отдаленной эпохи, когда мордва где-либо соседила с вотяками?» (22, с. 15).

Давая на этот вопрос в принципе утвердительный ответ (часть удмуртов была ассимилирована булгарами, что послужило поводом к закреплению в мордовских языках за чувашами удмуртских «племенных» названий), авторы воршудной теории весьма стойко придерживаются точки зрения, согласно которой оба названия происходят от тотемов. Якобы тотемом первого «племени» являлась рыба (для этого удм. *kalmez* сопоставляется с прибалтийско-финским *kala* 'рыба' и *mies~mees* 'человек' (sic!), а второго – 'выдра' или 'бобр' (удм. *vatka* < *vad* 'выдра; диалект. бобр' + *-ga* – «аффикс, широко представленный в воршудно-родовых именах удмуртов» (при этом не объясняется, в соответствии с какими фонетическими законами удмуртского языка произошел переход *vadga* > *vatka*) (14, с. 255; 32, с. 190). Особенно много внимания удмуртским «племенам» уделяет М.Г.Атаманов: он выясняет их родовой состав, восстанавливает историю каждого «племени». По необъяснимым причинам в ходе реконструкции «племенной» территории калмезов в качестве доказательства их проживания в том или ином районе Прикамья им используются топонимы *Калмаш*, не имеющие никакого отношения к удмуртскому *kalmez* и связанные с тюркским по происхождению антропонимом, который в прошлом был распространен и среди удмуртов. Можно было бы привести еще целый ряд подобного рода «аргументации», но и указанного выше достаточно, чтобы усомниться в справедливости констатации «племенного» характера субэтнических подразделений удмуртов и «тотемическом» характере их названий.

Пришло время вернуться к адекватному восприятию происхождения названий обеих локальных групп, едва ли охватывающих даже половину удмуртского народа. Еще Г.Е.Верещагин пояснял для читателей своих произведений, что удмурты, называющие себя *ватка*, являются выход-

цами «из Вятки или из Вятской страны» (2, с. 76, 79), а удмурты, живущие в местностях, орошаемых Кильмезью (удм. Калмез), называют себя калмезами (36, с. 787). Действительно, это является единственным логичным объяснением происхождения названий удмуртских локальных групп. Удмуртское *vatka* представляет собой закономерное отражение русского *Vatka* – первоначально гидронима, а позднее и соответствующих урбонима и хоронима (37). Таким образом, сам термин, буквально означающий «вятчане», появился не ранее возникновения Вятского государства. Несколько труднее определить время появления термина *kalmez*, поскольку неизвестным остается происхождение удмуртского названия реки. Однако небезосновательное предположение о тюркских корнях гидронима (38, с. 132) позволяет представить хотя бы относительную дату его возникновения. Заканчивая данный анализ, отметим справедливость слов М.Е.Евсевьева: у мордвы действительно существуют указанные им этнонимы, которые используются не для двух «племен» одного народа, как это следует из интерпретации его слов М.Г.Худяковым, а для обозначения двух разных народов – чуваш (*vet'ke*) и татар (с данным значением в мордовском словаре Х.Паасонена в качестве «тайных слов» отмечены мокшанское *k'el'maj, k'el'maz* и эрзянское *k'äl'mas*).

В завершение критики воршудной теории мы остановимся на взглядах ее авторов относительно сущности термина *мудор* – явления весьма неоднозначно трактуемого авторами XVIII – XIX вв. Так, Ф.-И.Страленберг в своей *Tabula Polyglota* слову *mador* дает перевод 'Gott' (39). Н.П.Рычков и И.Г.Георги, описывая интерьер куалы, отмечали, что *мудор* – небольшая дощечка, которую оба исследователя обозначили словом «жертвенник», украшенная травой или древесными ветками и особо почитаемая удмуртами (40, с.159–160; 41, с. 55). Н. П. Рычков также добавлял: «Они (удмурты – *В. Ч.*) хранят только одно дерево, стоящее в дремучем лесу, которое избрав их прародители назвали Модором, и потомки их довольствуются ветвями на них вырастаемыми» (40, с. 161). Некоторые авторы указывали на синонимичность слов *мудор* и *воршуд* (1, с. 26). Наконец, с распространением христианства термин *мудор* стал употребляться в значении 'икона, образ'.

Как отмечалось в начале данной статьи, в вопросе о значении мудора взгляды В.Е.Владыкина и М.Г.Атаманова отличаются. Первый, полагаясь на сообщение Н.П.Рычкова, склонен, как и И.Н.Смирнов, считать, что мудор в древности обозначал священное дерево, ветвями которого украшали полочку в куале, на которой, как правило, находился воршудный короб (3, с. 217; 14, с. 147, 288).

По мнению же М.Г.Атаманова, термин *мудор* означает «дом матери-прародительницы» (< *му* 'женщина-мать' + *дор* 'дом, обиталище'). Якобы в прошлом, в период «матриархата», так должны были обозначать культовую постройку, на смену которой позднее пришла *куала* (32, с. 26).

Разбор приведенных версий, пожалуй, лучше начать с последней, которая, собственно говоря, является «творческой» переработкой идеи А.Ф.Трефилова, считавшего, что *мудор* – «это передний восточный угол куалы», который символизировал «центральную точку родовых земель», «появление понятия мудор связано с возникновением матриархата, когда мать – му становится центром, исходной точкой развития родового коллектива» (42). Если бы даже не было опровергнуто само основание подобной версии, т. е. доказано отсутствие у удмуртов материнского рода, вышеизложенную этимологию термина *мудор* нельзя было бы принять исключительно по лингвистическим причинам (в удмуртском языке никогда не существовало лексемы *ти* 'мать'). Относительно версии, отстаиваемой В.Е.Владыкиным, можно отметить следующее. С тем же основанием, с каким развитие понятия *мудор* рассматривается по цепочке *священное дерево – пучок веток этого дерева, кладущийся на полку в куале – полка-жертвенник – представление о божестве – икона*, можно, в принципе, постулировать и обратный ход развития значений анализируемого термина, отбрасывая, конечно, более позднее (*икона*). Кроме того, как нам кажется, весьма прозрачное значение термина *мудор* (< *ти* 'земля, почва' + имя-послелог *дор* 'у, возле, около чего-либо') никак не увязывается с первоначальным представлением о священном дереве или даже «мировом древе», которое, по мнению некоторых исследователей, должно символизировать «вертикальную ось мироздания» – слишком приземленным оказывается первоначальное значение слова *мудор* '[находящийся] у земли'.

Предложенная нами трактовка термина *мудор* близка к таковой У.Хольмберга, писавшего: «Первоначальное значение слова лучше всего выясняется из существующего в некоторых местностях обыкновения именем мудор называть ту золу, которая берется с очага старой куалы, так, что самое слово *мудор* буквально означает земную почву» (25, с. 74; цит. по: 43, с. 52). Последующее развитие нескольких значений у термина *мудор* объясняется той ролью, которую играет очаг родового святилища и зола из него в религиозных представлениях удмуртов. «Главною святынею в куа считаются: очаг, находящаяся в нем зола и цепь, висящая над очагом. Тот, кто уходит на сторону, непременно должен взять с собою золы из

очага, иначе его покинет шуд – счастье (читай: дух-покровитель *воршуд ~ шудвордйсь – В.Ч.*)», – обобщает наблюдения исследователей П.Н.Луппов (44, с. 29). Таким образом, теснейшая взаимосвязь основного сакрального центра куалы, именовавшегося иносказательно *мудор*, с обрядами, связанными с почитанием духа-покровителя рода, в условиях отсутствия четкой, письменно зафиксированной регламентации обрядовой стороны религиозного культа, вела к непроизвольному смешению представлений об этих двух явлениях и, как следствие, параллельному употреблению терминов для обозначения материальных предметов, их олицетворяющих.

Вкратце суммируем полученные в ходе критики воршудной теории результаты. Итак, основным структурообразующим компонентом традиционного удмуртского этноса выступал патрилинейный род (т.е. такой род, в основе которого лежит принцип генеалогического древа, что дает право употреблять по отношению к любому из сегментов такого «древа» термин *род*), продолжительному сохранению идеологического единства которого, в условиях, когда христианство и ислам в Поволжье приобрели четкие этномаркирующие свойства (христианин=русский, мусульманин=татарин), способствовала приверженность удмуртов своей традиционной религии («вотской вере», как называли ее до революции), важнейшее место в которой отводилось культу предков. С представлением о возможности духа (удм. *воршуд* или *шудвордйсь*) предка-родоначальника того или иного рода-*выжы* оказывать влияние на жизнь потомков, носящих его имя, связан весь обрядовый ритуал, проводимый главным образом в *куале* – святилище, в котором находился сакральный центр, так называемый *мудор* – изначально очаг и находящаяся в нем зола. Зафиксированное деление части удмуртов на *вятка* и *калмез* является отголоском того времени, когда удмурты находились в составе различных исторических областей Вятско-Камского края (в данном случае *Вятской земли* и *Калмеза* – довольно изолированного района вдоль р.Кильмезь, входившего некогда в состав *Арской земли*).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Богаевский П. М.* Очерк быта Сарапульских вотяков // Сборник материалов по этнографии, издаваемый при Дашковском Этнографическом музее. Вып. 3. СПб., 1888.

2. *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. СПб., 1889.

3. *Смирнов И. Н.* Вотяки. Казань, 1890.

4. *Тезяков Н.* Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников (из записной книжки земского врача) // Новое слово. 1896. № 4.

5. *Харузина В. Н.* Вотяки. М., 1898.

6. *Васильев И. В.* Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. Т. XXII. Вып. 3, 4, 5. 1906.

7. *Первухин Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз 1. Вятка, 1888.

8. *Максимов В. А.* Вотяки. Краткий историко-этнографический очерк. Ижевск, 1925.

9. *Архипов Г. А.* Удмуртские этнонимы // Ономастика Поволжья. Вып.1. Ульяновск, 1969.

10. *Бушмакин С. К.* Воршудные имена и удмуртская топонимия // Ономастика Поволжья. Вып.1.

11. *Бушмакин С. К.* Воршудные имена – микроэтнонимы удмуртов // Этнонимы. М., 1970.

12. *Верещагин Г. Е.* Вотяки Сосновского края. СПб., 1886.

13. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX в. // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вып. 1–2. Вятка. 1911.

14. *Владыкин В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994.

15. *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.

16. *Семенов Ю. И.* О некоторых теоретических проблемах истории первобытности (по поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации») // Советская этнография. 1968. № 4.

17. *Першиц А. И.* Социально-экономическая терминология в понятийном аппарате этнографии // Советская этнография. 1983. № 5.

18. *Марков Г. Е.* О терминах и понятиях в этнографии // Советская этнография. 1983. № 5.

19. *Коротаев А. В., Оболонков А. А.* Род как форма социальной организации в работах дореволюционных русских и советских исследователей // Узловые проблемы истории докапиталистических обществ Востока. Вопросы историографии. М., 1990.

20. *Энгельс Ф.* К истории первоначального христианства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. XXII. М., 1962.

21. *Атаманов М. Г.* Этнонимы удмуртов в топонимии. Автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту, 1978.

22. *Худяков М. Г.* Вотские родовые деления // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете. Т. XXX. Вып. 3; Т. XXXI. Вып. 1. 1920.

23. *Сорокин П. М.* О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков. Вятка, 1895 // ГАКО. ф. 170., оп. 1, ед. хр. 127.

24. *Setälä E.N.* I. N. Smirnow's untersuchungen über die ostfinnen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1900. Vol. XVII.

25. *Holmberg U.* Permalaisten uskonto. Porvoo, 1914.

26. *Попов И. Г.* Историко-статистическая записка о селе Святицком и северо-западной части Глазовского уезда // Вятские губернские ведомости. 1851. № 45.

27. *Гаврилов Б. П.* Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880.

28. *Крюков М. В.* Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972.

29. *Семенов Ю. И.* Рец. на: Крюков М. В. Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972 // Советская этнография. 1973. № 2.

30. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

31. *Блинов Н. Н.* Языческий культ вотяков. Вятка, 1898.

32. *Атаманов М. Г.* По следам удмуртских воршудов. Ижевск, 2001.

33. *Buch M.* Die Wotjaken: Eine ethnologische Studie. Helsingfors, 1882.

34. *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

35. *Спицын А. А.* Приуральский край. Археологические розыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. I. М., 1893.

36. *Верещагин Г. Е.* Человеческие жертвоприношения вотяков // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1911. № 10, 12.

37. *Макарова Л. Н.* Древнее наименование города Кирова (Вятка – Хлынов) // Вятская земля в прошлом и настоящем. Т. II. Киров, 1992.

38. *Напольских В. В.* Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Ижевск, 2001.

39. *Strahlenberg Ph.-J.* Das Nord und Östlische Theil von Europa und Asia... Stockholm, 1730.

40. *Рычков Н. П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. Ч. 1. СПб., 1770.

41. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... Ч. 2. СПб., 1799.

42. *Трефилов А. Ф.* Замечания на статью члена-корреспондента АН СССР Д.К.Зеленина «Происхождение воршуда» // Архив УИИЯЛ УрО РАН, РФ, оп. 2-Н, ед. хр. 426 а.

43. *Емельянов А. И.* Курс по этнографии вотяков. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков (вольный перевод книги: U. Holmberg «Permalaisten uskonto»). Казань, 1921.

44. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. СПб., 1899.

Vladimir Churakov

TOWARDS TO CRITISISM OF VORSHUD THEORY

The author considers problem solution of ethnic and social structure of Udmurt traditional society framed by Vorshud theory. Detailed analysis of basic position of this theory, which were reflected in works of V.E. Vladykin and M.G. Atamanov, gives evidence about its complete insolvenment.

«Финно-угроведение», 2003, №2.

Наталия Кульбаева
Йошкар-Ола

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДРАМАТУРГИИ, ТЕАТРА И ЗРИТЕЛЯ

Марийская литература (и драматургия как ее неотъемлемая составляющая) последней четверти минувшего века – явление неоднозначное, сложное, многогранное. Именно на этот период пришлись масштабные изменения во всех сферах общественно-политической жизни нашей страны: распад СССР, крах коммунистической идеологии, становление демократии, переход к рыночной экономике и т.д. Безусловно, столь глобальные перемены не преминули сказаться на сфере культуры, литературы и искусства народов, населяющих Россию. Рубеж 80–90-х годов XX века стал своеобразным водоразделом в их развитии.

Нельзя не признать, что «перестройка» идеологии, начатая Москвой, была для политической и культурной жизни Марий Эл весьма неожиданной. Марийская литература «продолжала свое дальнейшее развитие в духе принципов партийности и народности» (1, с. 330). Во второй половине 80-х годов, когда жизнь отмела, казалось бы, незыблемые бастионы-опоры жизнедеятельности советской литературы, имя которым «принцип идейности», «принцип классового подхода», «метод социалистического реализма» и т.д., – марийская литература пережила шоковое состояние.

Не умаляя значения творческого труда многих поколений марийских писателей, беззаветно служивших марийской словесности на протяжении всей истории ее существования, надо признать, что родник марийской художественной литературы, питавший и обогащавший духовную культуру своего народа, никогда не рождал многоводный, бурный поток, несущий в себе различные подводные течения. Песенная раздумчивость, искренность (порой – наивность), чувство жизненной правды, справедливости, красоты и нерасторжимой связи с природой – вот качества, изначально свойственные марийской художественной литературе.

В настоящее время, когда особо важное значение приобрели проблемы памяти народной, а также сохранения национального своеобразия и традиций, стало очевидным, что от того, сохранит ли народ самобытные черты своей духовной и материальной культуры, неповторимость своего языка, зависит само его существование на земле.

События Октября 1917 года сыграли важную роль в дальнейшем развитии национальной литературы, создав новую социальную основу для этого. Оглядываясь на без малого вековой путь марийской художественной литературы и драматургии как самой молодой ее составляющей, следует отметить, что она изначально несла в себе элемент заданности, элемент своеобразной «дозированности». Стоило потоку художественного творчества набрать достаточную силу, стать беспокойным, бурным, рвущимся из определенных «сверху» берегов, как его довольно быстро усмиряли с помощью идеологических и административно-организационных «запруд-постановлений» и установок. Их жесткую силу в той или иной степени испытал каждый честно работающий мастер слова: как сказал поэт, «чтобы честно рисовать, надо чем-то рисковать» (Б.Заходер).

Исследователь литератур малых уральских народов Петер Домокош справедливо отмечал тот факт, что после 1917 года «распоряжения центра (практическое осуществление ленинской национальной политики) многократно увеличивали возможности развития национальных культур: за несколько лет они совершили развитие, равноценное десятилетиям, как в количественном, так и в качественном отношении; но осуществлению этих изменений способствовала энергия, накопленная на протяжении многих веков и десятилетий, проявлявшаяся в давних планах, мечтаниях, – они возникли не на пустом месте после залпов "Авроры"» (2, с. 86).

И все-таки литературу, подогнанную под рамки метода соцреализма, господствовавшего не одно десятилетие, сжившуюся с традиционными, обжитыми формами, можно сравнить с бегом в мешке: в этой затее побеждает не тот, кто хорошо бегает, а тот, кто хорошо бегает в мешке. Для марийской литературы конец 80-х – 90-х годов стал временем осознания существовавших пут, осмыслением прошлого и настоящего.

Кроме того, общественно-политический подъем, охвативший страну во второй половине 80-х годов, вернул в литературный и литературоведческий обиход большой пласт художественных произведений, имен и биографий талантливых писателей, событий и фактов из истории ее развития. Относительно целостная картина, восстановленная

вследствие этого, требовала нового взгляда на историю современности, новой оценки творчества многих писателей.

Что касается марийской литературы, через которую 1937 год пролег кровавым шрамом, почти полностью вырвав из жизни целое поколение зарождающейся национальной интеллигенции, то эпоха «гласности» открыла для исследователей и широкого читателя многие страницы недавней истории, ранее замалчиваемые или сознательно искажаемые. Буквально до конца 80-х годов положение дел было таково, что марийское литературоведение не располагало даже подлинными датами трагической гибели своих классиков. Лишь в связи со 100-летними юбилеями таких писателей, как Сергей Чавайн, Владимир Мухин-Сави, Николай Мухин и др., КГБ раскрывал объективную информацию о последних месяцах и днях их жизненного пути. (Красноречивый факт: только в сентябре 1988 года на постаменте стоящего в центре столицы Марий Эл памятника основоположнику марийской литературы С.Г.Чавайну была высечена подлинная дата смерти писателя: военный 43-й был заменен кровавым 37-м).

Ярким документом эпохи стала и «История марийской литературы». Изданная в 1989 году, но написанная несколькими годами ранее, она вобрала в себя многие противоречия времени.

Говоря о возвращенных в литературный оборот во второй половине 80-х годов произведениях, следует назвать повесть Вениамина Иванова «Ава шӱм» («Сердце матери», 1966), ждавшую встречи с читателем более 20 лет. А первая половина 90-х годов стала для марийской литературы временем «открытия» творческого наследия поэта-философа и интеллигента Валентина Колумба. Лишь спустя почти пятнадцать лет после его ухода из жизни читатель, что называется без купюр, познакомился с трагичной судьбой поэта, с ранее неопубликованными стихами и поэмами, а также с незавершенным романом в стихах «Илыше вӱд» («Живая вода»). В эти же годы был издан ряд воспоминаний писателей старшего поколения, проливших свет на события недавней истории.

Марийская драматургия, как одна из струй родника национальной литературы, является отражением ее современного состояния в целом. Будучи одним из трех родов литературы, драматургия непосредственно связана с другим видом искусства – театром. В нашем конкретном случае, в условиях существования одного национального профессионального драмтеатра, эта связь порой становится особенно жесткой. Ситуация, когда сценическое искусство целого народа представлял единственный национальный театр драмы им.М.Шкетана, существовала более 70 лет.

Десятилетиями театр по отношению к драматургии выступал в роли не только заказчика, но и монопольного пользователя. Это повлекло за собой то, что драматургическое произведение, утрачивая свою родовую независимость и самоценность, все более превращалось в сырье для спектакля. Взаимосвязи в цепи *Драматургия – Театр – Зритель* делались все более жесткими, напряженными.

В начале 90-х положение несколько изменилось. Постановлением Совета Министров МАССР от 12 апреля 1991 года был создан Марийский театр юного зрителя (Марий самырык театр). А 14 сентября 1994 года Постановлением Правительства РМЭ был создан Горномарийский театр, филиал Марийского национального театра им. М.Шкетана.

Открытие новых театров положительно сказалось на состоянии современной драматургии, усилило интерес к ней писателей, раздвинуло горизонты творческих исканий.

Более семи десятилетий истории марийского театра, а точнее истории Марийского национального театра драмы им. М.Шкетана, старейшего драматического коллектива республики, – это яркое подтверждение того, что и один в поле воин. Более 70 лет театр неустанно и самозабвенно нес марийскому народу свое искусство, приобщая его к миру прекрасного. Надо признать, что марийский театр для его зрителей всегда был больше, чем театр. Это был своего рода оазис, сберегающий подлинные ценности народной культуры. Отношение к нему зрителей можно назвать ревностным. Рубеж 80–90-х годов особенно ярко высветил оборотную сторону горячей любви зрителя к своему театру и возложения на него несвойственных для культурно-зрелищного учреждения функций. По большому счету, и драматургия, и театр работают для зрителя. Нельзя недооценивать силу влияния зрительского вкуса на развитие театра, а следовательно, и драматургии.

По своей природе марийский театр – музыкально-драматический, реалистический, придерживающийся психологически-бытовой достоверности. Это накладывает определенный отпечаток и на драматургию. В системе цепи *Драматургия – Театр – Зритель* жизненное пространство современной марийской драматургии определяется, с одной стороны, эстетической платформой театра и сформированным этим театром зрительским вкусом – с другой.

Далее, как показывает практика формирования театрального репертуара, тремя китами которого являются классика (национальная, русская, мировая), современная национальная драматургия и современная переводная пьеса, в течение одного сезона театру удается в среднем

воплотить на сцене 2–3 марийские пьесы, редко, когда больше, то есть «пропускная способность» одного театра очень невелика. По сути, его потребности в драматургическом материале могут удовлетворить 2–3 национальных автора. Так оно и было. Это тоже проявление упомянутой выше дозированности, регламентированности развития марийской литературы.

С открытием в республике двух новых драматических театров спрос на драматургические произведения значительно возрос. И без того сложная ситуация, сложившаяся к этому времени в марийской драматургии, обострилась еще более.

По мнению драматурга М.Рыбакова, возглавлявшего в 80-е годы Союз писателей республики, одна из причин кризисного состояния драматургии заключалась в угасании зрительского интереса к спектаклям марийского театра, а это результат того, что «падает интерес молодых литераторов к сочинительству драматических произведений» (3, с. 21). А в условиях, когда молодой смены почти нет, основная тяжесть репертуара продолжает давить на плечи зрелых драматургов. «Я с гордостью смотрю на афишу Марийского театра, когда вижу там названия пьес У.Шекспира, М.Горького, А.Островского, Гарсиа Лорки, Б.Брехта… Радуюсь тому, что на марийской сцене так хорошо чувствуют себя герои пьес талантливого татарского драматурга Т.Миннулина. И все-таки, по моему глубокому убеждению, основу ее репертуара должны составлять пьесы марийских авторов» (3, с. 20–21).

Ситуацию в марийской драматургии рубежа 80–90-х годов точно передал драматург В.Регеж-Горохов, возглавлявший в тот период литературно-драматическую часть театра им.М.Шкетана: «Для театра сейчас почти никто не пишет. Лет пять как молчит Коршунов, хорошо еще Миклай Рыбаков каждый год дает нам по пьесе. А где молодые? Если говорить откровенно, то нам выбирать не из чего» (4).

Обеспокоенность современным состоянием марийской драматургии явно чувствовалась и в словах главного режиссера Марийского театра юного зрителя О.Иркабаева, изложившего во время презентации нового театра художественную программу. В частности, он сказал, что Марий самырык театр видится ему как творческая лаборатория молодой национальной драматургии (5).

Итак, в марийской драматургии рубежа 80–90-х остро возникла проблема дефицита молодых авторов.

Как объективную данность следует признать, что драматургия – вид литературного творчества – является одним из наиболее сложных. Если, как говорится, стихи «пишет каждый в девятнадцать лет», то в драматургию приходят, как правило, в более зрелом возрасте, со

сложившимися взглядами и принципами, имея за плечами определенный жизненный и литературный опыт. Кроме того, создание пьесы требует от его автора знания теории и законов драматургии, с одной стороны, и процесса воплощения пьесы на театральной сцене, то есть театральной кухни, – с другой. Иными словами, начинающему драматургу необходима учеба, необходима школа.

В советское время молодые драматурги объединялись под эгидой секции драматургии СП республики. Большую помощь в работе оказывало участие в творческих семинарах. Так, в июле 1987 года в Чувашии состоялся зональный семинар молодых драматургов. Его работой руководил секретарь правления СП РСФСР марийский драматург Н.Ф.Рыбаков. Результатом участия в семинаре В.Якимова, к примеру, стала оригинальная пьеса-сказка о колдуне, уничтожающем хлеб, «Кинда-Кунда» (*кинде* – по-марийски «хлеб»). Другим участником семинара от нашей республики был В.Абукаев-Эмгак.

Год спустя Всероссийский семинар молодых драматургов проходил в Марийской АССР, на базе профилактория «Лесная сказка». Марийскую драматургию на нем представляли В.Абукаев-Эмгак и Г.Гордеев.

После некоторого перерыва, в середине 90-х годов, СП РФ вновь продолжил практику проведения творческих семинаров молодых драматургов. Участником одного из них был Ю.Байгуза.

Следует отметить, что и В.Абукаев-Эмгак, и Ю.Байгуза, и Г.Гордеев, и В.Якимов пришли в драматургию, уже имея в своем творческом багаже опубликованные произведения, сборники стихов и прозы.

Итак, как показала жизнь, для начинающего драматурга крайне необходимо знание специфики театра, его законов, а также непосредственное творческое общение с режиссером. Если обратиться к биографиям марийских драматургов, то многие из них в свое время работали актерами – это М.Шкетан, А.Конаков, А.Волков, Н.Арбан, К.Коршунов, В.Регеж-Горохов. Завлитами театра в разные годы были С.Чавайн, А.Волков, К.Коршунов, В.Горохов, Г.Гордеев, В.Абукаев-Эмгак. А М.Рыбаков – выпускник театроведческого факультета Ленинградского театрального института им. А.Н.Островского.

В 90-е годы национальные театры республики приложили немалые усилия для выхода из кризисной ситуации в драматургии. Марийский ТЮЗ, например, пошел по пути создания постоянно действующей лаборатории.

Следует отметить, что творческая лаборатория молодого драматурга – неформальное образование – работает и дает свои

положительные результаты на протяжении всей истории этого театра. Лаборатория нацелена на оказание конкретной действенной помощи начинающему автору. Пьесы многих из них создавались и дорабатывались непосредственно в театре, а затем в нем и ставились. На сцене ТЮЗа были поставлены пьесы молодых авторов Геннадия Гордеева, Вячеслава Абукаева-Эмгака, Василия Домрачева, Валерия Абукаева, Валерия Якимова, Александра Петрова, Игоря Фадеева. Признанием успешной работы лаборатории стала Государственная премия в области театрального искусства им. М.Шкетана за 1998–1999 гг., которой удостоены драматург Г.Гордеев, режиссер О.Иркабаев и художник Н.Ефарицкая за постановку исторической трилогии «Князь Ӧртӧмӧ» (1993), «Болтуш» (1994) и «Не преклонюсь!..» (1997).

Что касается театра им.М.Шкетана, старейшего в республике драматического коллектива, то для него работа со своими авторами на протяжении всей его истории существования была неотъемлемой частью жизнедеятельности: национальный театр немыслим без национальной драматургии. Но все же основное внимание театр уделял работе с ведущими драматургами, сложившимися зрелыми мастерами слова. Репертуар театра 70–80-х годов в основном составляли пьесы Н.Арбана, А.Волкова, М.Рыбакова, К.Коршунова и В.Регеж-Горохова. Пьесы молодых авторов ставились крайне редко. Среди новых имен, появившихся на афишах театра в последние два десятилетия минувшего века, можно назвать Л.Яндакова, В.Филиппова (авторов зрелого возраста), В.Абукаева-Эмгака, чья комедия-первенец «Ушкал йомын огыл» («Корова не потерялась») была поставлена в 1985 г., С.Элембаеву (тогда студентку МарГУ, написавшую несколько пьес, среди которых «Чонтамык» («Покаяние», 1997), и «Кумыкталтше кас» («Испорченный вечер», 1999), ставившиеся на основной сцене театра и его горномарийского филиала), и Ю.Байгузу. Как правило, спектакли по пьесам молодых были проходными работами театра. Исключением можно считать драматургию Ю.Байгузы, оказавшую заметное влияние на творческий почерк театра последнего десятилетия XX века. Его драмы-притчи «Порсын лӱҥгалтыш» («Шелковые качели», пост. 1993 и 1999) и «Поргем ӱмбалне ӱжара» («Заря над пропастью», 1998), а также комедии «Кресӱдыр» («Крестница», 2002) и «Шӧртньӧ лудо» («Золотая утка», 2002) стали заметным явлением в театральной жизни республики.

За послевоенный период развития марийской драматургии произошло несколько смен творческих поколений. Традиции Сергея Николаева, Николая Арбана, Арсия Волкова, Ахмета Асаева,

работавших в 40–50-х годах, талантливо продолжили и обогатили вступившие в литературу в 60-е годы Миклай Рыбаков, Константин Коршунов, а затем и Василий Регеж-Горохов. В начале 90-х годов произошла очередная смена поколений пишущих для театра авторов. Конечно же, понятие «смена поколений» весьма условное. Так, А.Асаев в преддверии своего 85-летия создал ряд пьес, современных по звучанию, тематике и оригинальных по жанровой форме. Его фантасмагория «Юлмар ден Юмын ӱдыр» («Юлмар и Дочь бога») – это размышление зрелого мастера над вопросом: искусство – оно от Бога или от лукавого? А дилогия «Курымаш-влак» («Судьбы») – осмысление трагических судеб марийских писателей первого поколения, старших современников и учителей драматурга.

В настоящее время с уверенностью можно сказать, что лицо современной марийской драматургии определяет творчество В.Абукаева-Эмгака, Ю.Байгузы и Г.Гордеева.

Как уже отмечалось, общественно-политический подъем середины 80-х годов заметно активизировал деятельность марийского театра и национальной драматургии, выявив новые имена, определив круг актуальных проблем и тем.

Итак, деятельность трех профессиональных театров республики в 90-е годы обусловила активизацию творческих процессов в области драматургии, раздвинула границы ее художественных исканий.

Следует отметить еще один объективный фактор, оказывающий значительное влияние на развитие драматургии. Как известно, любая пьеса создается для того, чтобы быть поставленной на театральной сцене. Российский театр к концу XX века окончательно оформился как театр *режиссерский*. В условиях, когда режиссер становится безраздельным творцом и хозяином спектакля, есть опасение, что драматургия может быть сведена до положения сырьевого материала для театральных постановок. Это, безусловно, проявление крайней позиции, но тем не менее лишь высокие художественные достоинства драматургического материала позволяют пьесе в процессе ее воплощения на сцене сохранить свою литературно-родовую значимость, целостность и идейно-эстетическое своеобразие. Как показывает жизнь, в современном сценическом искусстве лицо любого театра во многом определяется масштабом личности и таланта возглавляющего его творческую деятельность лидера-режиссера. Так, в широком смысле принято говорить о театре Вс.Мейерхольда, театре Г.Товстоногова, театре Л.Додина или театре Р.Виктюка.

Что касается марийского профессионального театрального искусства, то последняя четверть века его истории во многом определяется творческими поисками трех режиссеров: С.С.Кирилловой и В.А.Пектеева в Национальном театре, О.Г.Иркабаева – в ТЮЗе. К слову сказать, в конце 80-х годов в нашем театре сложилась беспрецедентная ситуация: впервые в республике в одном театре одновременно работали три режиссера-профессионала. Театр по отношению к драматургии в лице именно этих трех человек выступал в роли основного заказчика. В условиях, когда в театрах были упразднены художественные советы, именно главный режиссер определял и репертуарную политику, и художественную платформу всего театра. А когда и театральное искусство, и драматургию представляет небольшое число людей, это нельзя не брать во внимание.

Как известно, театр – это искусство современников, именно он наиболее оперативно и остро реагирует на изменения духовной жизни и общественно-политической жизни общества. В этом плане театр близок публицистике, хотя формы его реагирования совершенно иные. Драматург, уловив, разглядев в жизни крупную проблему, воплощает ее в конфликте конкретных персонажей. Чем масштабнее проблема, чем теснее она связана с кругом духовно-нравственных ценностей, тем более продолжительное время пьеса остается актуальной. (Должно быть, в этом один из секретов долгой жизни классических произведений).

Один из законов театрального творчества гласит: что на сцене не современно – то не художественно. Ставя пьесу, театр по отношению к драматургии выступает как гибкое звено, быстро реагирующее на изменения в жизни и театральной моде. Как бы талантливо ни была написана пьеса, если она воплощается на сцене усилиями плохо оснащенного в профессиональном отношении коллектива, лидеры которого далеки от столбовой дороги развития российского и европейского театра, результат неизбежен – художественная самодеятельность (в нарицательном смысле этого понятия). Отсюда вытекают два важных момента, которые опосредованно также сказываются на состоянии драматургии. Во-первых, творческий потенциал труппы, уровень мастерства составляющих ее актеров, т.е. профессиональная оснащенность работающих на сцене актеров в определенной степени влияет на результат труда драматурга. Например, роль главной героини, пожилой труженицы-марийки Серапи, в имевшей огромный успех (22 аншлага!)

трагикомедии «Эргымлан кузык» («Приданое для сына», 1988), была создана Миклаем Рыбаковым специально для актрисы театра им.М.Шкетана Марии Митрофановой, с учетом ее творческих возможностей и индивидуальности. Эта роль стала одной из вершин в творческой биографии актрисы, принесла спектаклю любовь зрителя. Приведенный пример лишний раз подтверждает мысль о том, что драматург должен хорошо представлять, для какой именно труппы он пишет, знать театральный процесс.

Во-вторых, не следует упускать из виду, что марийский театр – явление уникальное, неповторимое, единственное в мире, с одной стороны, но это часть единого мирового театра – с другой. С момента зарождения и до распада СССР он, главным образом, рассматривался как часть советского театрального искусства «национального по форме, социалистического по содержанию». Такой подход уравнивал все театры, ориентировал театральное искусство всех народов на единый образец – МХАТ.

Новые горизонты творческого развития открыл для марийского театра учрежденный в 1991 году Международный фестиваль театров финно-угорских народов «Майатул». В 1997 году на его базе была создана Международная ассоциация театров финно-угорских народов, представителем которой был избран марийский режиссер В.А.Пектеев. Фестивали «Майатул», в которых участвовали театры из Финляндии, Венгрии, Карелии, Эстонии, Удмуртии, Мордовии, Коми и Марий Эл, способствовали осознанию национальных корней, своеобразия, специфики театрального искусства финно-угорских народов. В то же время он дал почувствовать глубинное родство, разорвал национальную изолированность театров братских народов. (У финно-угров России сценическое искусство, как правило, представлено творчеством одного, редко двух национальных театров).

В рамках III фестиваля «Майатул» (Йошкар-Ола, 1997) прошла международная конференция театральных деятелей «Финно-угорские театры и мировой театральный процесс», которая способствовала созданию единого театрального пространства финно-угров, а также высветила ряд проблем (теоретического, практического, организационного, педагогического и т.д. характера), общих для театров братских народов.

На IV фестивале (Йошкар-Ола, 2002) было принято решение сделать столицу Марий Эл штаб-квартирой этого театрального движения (6, с. 20–21).

На современном состоянии драматургии так же, как на жизнедеятельности театра, не могло не отразиться современное состояние марийского языка, уровень его преподавания в школе. К середине 80-х годов в

республике значительно сократилось число национальных школ. А вслед за этим и количество молодых литераторов, пишущих на марийском языке: чем уже поток владеющих марийским письменным языком, тем меньше шанс появления талантливого писателя, пишущего на нем. Проведенная в 60-е годы педагогическая реформа в области преподавания в школе родного и русского языков в идеале была призвана формировать у населения билингвизм. Но на деле вышло не свободное владение двумя языками, а, по образному выражению писателя Александра Юзыкайна, «знание двух пол-языков». Поэтому закономерен и показателен тот факт, что по данным 1988 г. средний возраст члена СП республики составлял 63 года.

Со времени присвоения марийскому языку статуса государственного языка Республики Марий Эл в системе народного образования произошли немалые позитивные перемены, что, в свою очередь, вселяет надежду на то, что родник марийской художественной словесности по-прежнему будет питать духовную культуру своего народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. История марийской литературы. Йошкар-Ола, 1989.

2. *Домокош П.* Формирование литератур уральских народов / Перевод с венгерского. Йошкар-Ола, 1993.

3. *Рыбаков Н.* С чего начинается театр? // Театральная жизнь. 1987. № 22.

4. *Регеж-Горохов В.* Чоным тарватыше тушыжо кулеш // Кугарня. 1991. 11 октябрь.

5. *Анисимов Э.* Уло ачажат, уло кресачажат: Йошкар-Олаште самырык-влаклан марий театрым почмо // Марий коммуна. 1991. 30 май.

6. См.: *Кульбаева Н.* «Майатул» – свет в пути // Йошкар-Ола театральная: Альманах. Йошкар-Ола, 2003.

Nataliya Kulbaeva

TOWARDS TO THE PROBLEM OF DRAMA, THEATRE AND AUDIENCE INTERRELATION

In conditions when during more than seven decades stage art of whole people presents one professional dramatic group (Mari national drama theatre after M. Shketan) correlation in range theatre, drama and audience became highly strict and having influence on a state and development of each other.

90 years of the 20th century became the time of overcoming crisis condition for the Mari dramatic and theatre art. Theatre became the leading unit of this process.

Organizing two new professional theatres in Mari Republic (Mari theatre fir Young Audience (1991) and Republic Theatre of Mountain Mari (1994) provokes considerable animation in drama field. To the border of the century drama became one of the most developed fields of a literary creation.

In 1990s Mari theatre made considerable step towards reaching of achievements Russian and world theatre. National drama theatre after M. Shketan became one of the best30 Russian theatres and awarded international prize «Zolotaya palmovaya vetv» (1998). Festival movement called «Mayatul» of theatres Finno-Ugric people took place in this process.

«Финно-угроведение», 2003, №2.

Александр Коростелев
Москва

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЯЗЫКА ГОРНЫХ И ЛУГОВЫХ МАРИЙЦЕВ

Ответы на вопрос о том, что следует считать диалектом, а что отдельным языком, во многих случаях носят конвенциональный характер. Различия между диалектами какого-либо языка часто оказываются более существенными, чем отличия между иными языками. Примерами могут служить, с одной стороны, такие языки, как татарский и башкирский, носители которых почти полностью понимают речь друг друга. С другой стороны, люди, говорящие на различных диалектах китайского или немецкого языка, могут не понять речь собеседника, и тем не менее в данном случае, как правило, принято говорить не об отдельных языках, а о диалектах. В связи с отсутствием четких и однозначных критериев отличия языка от диалекта более продуктивным представляется подход, при котором исследуется степень взаимопонимания между носителями разных языков или диалектов. Точка зрения на степень такого взаимопонимания может существенным образом различаться у отдельных носителей. Поэтому имеет смысл попытаться, используя социологический подход, выяснить распространенность разных мнений по данному вопросу и определить факторы, влияющие на преобладание той или иной точки зрения.

В настоящем сообщении делается попытка подойти с такой позиции к вопросу о соотношении языка луговых и горных марийцев. В научной литературе нашли отражение различные позиции исследователей в отношении того, следует ли в данном случае говорить о разных языках или об одном. Так, в пятитомном издании «Языки народов СССР» 1966 г. Е.И.Коведяева поместила две статьи, озаглавленные «Лугово-восточный марийский язык» и «Горномарийский язык» (1, с. 221–240; 2, с. 241–254). Спустя примерно 30 лет

она же в книге «Уральские языки», вышедшей в серии «Языки мира», писала уже о марийском языке и горномарийском варианте этого языка (3, с. 148–164; 4, с. 164–173). В словаре-справочнике «Государственные и титульные языки России» (2002 г.) в статье Ю.В.Андуганова «Марийский язык» речь идет о двух литературных нормах и четырех наречиях языка (восточном, горном, луговом и северо-западном) (5, с. 216–236). В Статье 1 Закона «О языках в Республике Марий Эл» дана следующая формулировка: «Государственными языками Республики Марий Эл являются марийский (горный и луговой) и русский языки. Действие марийского государственного языка осуществляется в соответствии с ареалом расселения горных и луговых мари» (6, с. 555–563). В то же время на сайте Интернета, где размещена база данных «Ethnologue», содержащая информацию о нескольких тысячах языках мира, языки горных и луговых марийцев представлены как отдельные языки (7).

Источником для данного сообщения послужили материалы массового репрезентативного опроса, проведенного почти два десятилетия назад – в 1984 году в рамках статистико-этнологического (этносоциологического) исследования на тему «Современные этнические процессы в Марийской АССР» (науч. рук. В.В.Пименов). Используются данные по массиву сельских марийцев, включившему 1200 респондентов практически из всех районов республики (кроме Юринского). Наряду с вопросами о демографических и социальных характеристиках населения, межэтнических контактах, материальной и духовной культуре, обрядах и этническом самосознании, в инструментарии содержались разнообразные вопросы по этноязыковой тематике. Анализ построен на сравнении материалов по луговым и горным марийцам. В первом случае (луговые) использовались данные по всем респондентам, опрошенным в 11 из 14 районов республики, за исключением тех, кто заявил о своей принадлежности к другой (не луговой) субэтнической группе, – всего 918 человек. Во втором случае (горные) – все опрошенные в Горномарийском районе также за исключением тех, кто принадлежал к иному (не горномарийскому) субэтносу, – 199 человек. Опрошенные в Килемарском районе в анализ не включались: они принадлежали частично к горным, частично к луговым марийцам, число их было невелико, распределение их ответов несколько отличалось от того, которое имело место в основных массивах, и, по-видимому, нуждается в дополнительном анализе.

Прежде всего, необходимо отметить, что по ряду этноязыковых показателей распределение ответов у луговых и горных марийцев было сходно. Это относится к языку раннего детства, на котором опрошенные впервые научились говорить; примерно в 98% случаев у представителей обеих групп это был соответствующий вариант марийского языка (луговой или горный). В качестве родного языка 95,5% луговых назвали марийский луговой, а 98,0% горных – горномарийский. Из оставшихся большинство в той и другой группе отметили как родные по два языка – свой вариант марийского и русский. В качестве языка, которым респонденты лучше всего владели, назван свой вариант марийского языка у 75,5% луговых и 73,9% горных, а 21,3% луговых и 24,6% горных ответили, что в равной мере владели родным и русским языком. Наконец, и в уровне владения русским языком позиции представителей двух групп были весьма близкими (см. табл. 1).

Таблица 1

Владение русским языком (в %)

	Луговые	Горные
Свободно говорят, читают и пишут	66,2	67,9
Свободно говорят, читают, но не пишут	5,5	6,0
Свободно говорят, но не читают и не пишут	3,9	3,0
Говорят с затруднением	18,4	19,6
Понимают, но не говорят	3,4	1,5
Не владеют	2,6	2,0

С учетом не слишком большого объема массива респондентов – горных марийцев – отмеченные различия нет смысла считать значимыми.

Несколько бóльшими эти различия оказались, когда речь шла о степени владения своим вариантом марийского языка. В частности, можно отметить, что письменностью на своем языке среди горных марийцев владела несколько более высокая доля опрошенных, чем среди луговых (см. табл. 2). При этом неполное владение марийским языком было связано с различными причинами. Если те, кто просто не умел писать на марийском языке, были в основном людьми пожилого возраста с невысоким уровнем образования, то небольшое число респондентов, вовсе не говоривших по-марийски или говоривших на нем с затруднением, как правило, оказывались молодыми людьми, часто со средним специальным образованием, скорее всего выросшими не в сельской марийской среде.

Таблица 2

Владение своим вариантом марийского языка (в %)

	Луговые	Горные
Свободно говорят, читают и пишут	76,9	84,9
Свободно говорят, читают, но не пишут	7,4	5,5
Свободно говорят, но не читают и не пишут	14,4	9,6
Говорят с затруднением	0,8	-
Понимают, но не говорят	0,2	-
Не владеют	0,3	-

Более существенно различия между двумя группами марийцев проявились в сфере языкового поведения. Общая тенденция состояла в том. что как в частной (язык общения дома), так и в общественной сфере (язык общения на работе, язык публичных выступлений) среди горных марийцев общалась или выступала только по-марийски большая доля опрошенных, чем среди луговых. В общественной сфере у луговых марийцев, кроме того, был выше процент тех, кто общался или выступал только по-русски. В то же время доля тех, кто употреблял оба языка, оказалась выше в частной сфере среди луговых, а в общественной – среди горных марийцев. Иными словами, у горных марийцев использование русского языка чаще сопровождалось двуязычным поведением, а у луговых – вытеснением марийского языка. Что касается использования в частной жизни только русского языка, то оно среди марийцев, тем более горных, было вообще весьма редким (см. табл. 3).

Таблица 3

Языковое поведение (в %)

	Луговые	Горные
На каком языке Вы обычно говорите дома?		
На марийском	86	95
На марийском и русском	12	5
На русском	2	-
На каком языке Вы обычно говорите на работе?		
На марийском	56	61
На марийском и русском	33	38
На русском	11	1
На каком языке Вы обычно выступаете (или стали бы выступать) на собрании?		
На марийском	44	59
На марийском и русском	20	29
На русском	36	12

Представители двух групп заметно различались и по тому, на каком языке происходило их школьное обучение. Большинство горных марийцев отметили, что обучались преимущественно на двух языках – горномарийском и русском, тогда как среди луговых наблюдался более высокий процент обучавшихся либо в основном на марийском (луговом), либо преимущественно на русском.

Таблица 4

Язык школьного обучения (в %)

	Луговые	Горные
На марийском	57	37
На марийском и русском	27	60
На русском	16	3

Обсуждение вопроса о взаимопонимании двух вариантов марийского языка имеет смысл начинать с того, как их носители оценили степень своей компетентности в отношении иного варианта этого языка, отличного от их собственного. Функциональная неэквивалентность лугового и горного, связанная как с размерами ареалов их распространения, так и с характером их использования на республиканском уровне, привела к тому, что, хотя свою возможность говорить на ином варианте и горные, и луговые сельские марийцы оценили довольно низко, горные гораздо чаще считали, что они в состоянии понять речь луговых марийцев (см. табл. 5).

Таблица 5

Владение иным вариантом марийского языка (в %)

	Луговые – марийским горным	Горные – марийским луговым
Свободно говорят, читают и пишут	3,4	3,6
Свободно говорят, читают, но не пишут	1,0	1,0
Свободно говорят, но не читают и не пишут	1,9	0,5
Говорят с затруднением	2,3	1,5
Понимают, но не говорят	16,5	42,4
Не владеют	74,9	51,0

Поэтому нет ничего удивительного в том, что и доля тех, кто считал, что носители двух диалектов не поймут друг друга, была выше среди луговых марийцев. Однако, важнее другое: среди представителей обеих групп наибольшую по численности категорию составили те опрошенные, которые считали, что общий смысл разговора лугового и горного марийца, каждый из которых будет говорить на своем варианте языка, будет все же понятен обоим собеседникам. В целом тех, кто считал два варианта языка взаимопонимаемыми (хорошо или на уровне общего смысла), оказалось около половины (среди луговых 47%, среди горных 58%). В то же время почти треть респондентов каждой группы полагала, что понять можно только отдельные фразы и слова.

Таблица 6

Если луговой и горный марийцы будут разговаривать каждый на своем диалекте, поймут ли они друг друга? (в %)

	Луговые	Горные
Хорошо поймут	7,1	13,1
Поймут общий смысл разговора	40,2	44,7
Поймут отдельные слова и фразы	32,5	32,2
Не поймут	20,2	10,0

В качестве контрольного индикатора, также фиксирующего степень понимания горными марийцами лугового варианта языка, может быть использован вопрос о том, понимают ли они передачи Марийского радио и телевидения на марийском языке. Если среди луговых марийцев их хорошо понимали 97%, а понимали с трудом – 3%, то среди горных марийцев эти передачи хорошо понимали 34%, с трудом – 54%, а вообще не понимали – 12%.

Еще одним важным показателем выступает проективный вопрос о языке, на котором респонденты общались или стали бы общаться с представителем другой группы марийцев. Почти две трети луговых и чуть больше половины горных марийцев выбрали бы для такого разговора русский язык. Остальные в большинстве случаев говорили бы на своем варианте марийского языка, реже на двух языках – своем варианте и русском. В небольшом количестве случаев опрошенные ответили, что попытались бы говорить на том варианте марийского языка, носителем которого был бы их собеседник.

Таблица 7

Выбор языка общения с марийцем другой группы (в %)

Луговые – с горным марийцем		Горные – с луговым марийцем	
На горномарийском	4	На марийском (луговом)	1
На марийском (луговом)	20	На горномарийском	29
На марийском (луговом) и русском	12	На горномарийском и русском	18
На русском	64	На русском	52

В ходе анализа данных исследования ставилась также задача определения тех признаков, которые в наибольшей степени статистически связаны с пониманием сельскими марийцами того варианта марийского языка, носителями которого они не являются, с их представлением о взаимопонимаемости этих вариантов и с выбором языка для общения с носителем иного варианта. Характер взаимосвязи этих показателей с другими признаками, как оказалось, у горных и луговых марийцев имеет некоторые особенности.

Среди тех признаков, которые связаны со знанием иного варианта марийского языка, особый интерес вызывают такие социально-демографические характеристики опрошенных, как их возраст и уровень образования. У горных марийцев среди респондентов, возраст которых во время проведения исследования не превышал 40 лет, (то есть среди родившихся после 1944 г.) наблюдался более высокий процент понимающих язык луговых марийцев (54% по сравнению с 35% среди тех, кто был старше 40 лет). Наличие среднего специального либо высшего образования выступало фактором, влиявшим на некоторое повышение доли умеющих хотя бы с затруднением говорить на луговом варианте языка (18% в отличие от 4% среди тех, кто имел образование не выше среднего).

У луговых марийцев среди лиц с образованием выше среднего отмечался более высокий процент понимающих язык горных марийцев (34% по сравнению с 14% среди респондентов с образованием не выше среднего). В то же время связь возраста с этим показателем, как видно из анализа, в действительности имела место у луговых марийцев только за счет менее высокого уровня образования пожилых групп респондентов.

Представление о взаимопонимаемости двух вариантов языка связано с различными признаками, среди которых имеет смысл выделить два – степень знания иного (неродного) варианта марийского языка и степень знания русского языка. При этом понимание другого

варианта марийского языка, а также, хотя и в меньшей степени, лучшее владение русским языком были сопряжены с более оптимистическими оценками возможности взаимопонимания носителей двух вариантов марийского, а степень влияния обоих факторов на эти оценки значительно сильнее проявлялась у горных марийцев, чем у луговых.

Знание лугового варианта языка для горных марийцев оказалось тем признаком, от которого в наибольшей степени зависел и проективный выбор языка при общении горных и луговых марийцев. При этом непонимание языка луговых марийцев было сопряжено с более частым выбором русского языка для такого общения. С более частым использованием русского языка было также связано и лучшее знание русского языка. Что же касается луговых марийцев, то у них выбор языка общения с горными марийцами в наибольшей степени зависел от уровня владения русским языком, а знание языка горных марийцев влияло на этот выбор весьма незначительно.

В заключение необходимо отметить, что приведенные данные дают нам своего рода уникальную моментальную фотографию этноязыковой ситуации в сельской марийской среде почти двадцатилетней давности. У луговых и горных марийцев они выявляют сходную картину в том, что касается языка раннего детства, выбора родного языка и степени владения русским. Несколько чаще у луговых марийцев, чем у горных, встречалось отсутствие владения письменностью на родном языке. Заметно различалось языковое поведение. В общественной сфере среди горных марийцев использование русского языка чаще сопровождалось двуязычным поведением, а среди луговых – вытеснением марийского языка. В частной жизни марийцы, в особенности горные, употребляли русский язык весьма редко. У горных марийцев в среднем чаще, чем у луговых, наблюдалось более оптимистическое отношение как к возможности взаимопонимания двух вариантов марийского языка, так и к собственной способности понять речь носителя иного варианта. Тем не менее и среди луговых, и среди горных при общении с носителем иного варианта большинство выбрали бы русский язык. Различия между луговыми и горными марийцами в вопросе о взаимопонимаемости двух вариантов марийского языка, так же, как и особенности характера взаимосвязи соответствующих показателей с другими признаками, отражают функциональную неэквивалентность лугового и горного, связанную с размерами ареалов их распространения и характером их использования на республиканском

уровне. Задача понять носителя лугового варианта языка для горного марийца оказывалась реальной и актуальной несравненно чаще, чем для лугового задача понять горного марийца, с которым он мог ни разу в жизни не встретиться. В качестве вывода следует отметить, что социолингвистический ракурс может дать весьма интересные результаты не только при изучении языкового поведения, но и при исследовании вопроса о взаимопонимаемости языков или диалектов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Коведяева Е.И.* Лугово-восточный марийский язык // Языки народов СССР. Т. III. М., 1966.

2. *Она же*. Горномарийский язык // Там же.

3. *Она же*. Марийский язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993.

4. *Она же*. Горномарийский вариант литературного марийского языка // Там же.

5. *Андуганов Ю.В.* Марийский язык // Государственные и титульные языки России. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2002.

6. Закон Республики Марий Эл «О языках в Республике Марий Эл» // Там же.

7. www.ethnologue.com

Alexander Korostelev

TOWARDS TO THE LANGUAGE CORRELATION OF MOUNTAIN MARIS AND MEADOW MARIS

The article is written on the basis of static and ethnographic facts of exploration hold in Mari Republic in 1984.

The author considers distribution of ethnic and language exponents of Meadow Maris and Mountain Maris. Ethnic and language exponents reveal similar scene between Meadow Maris and Mountain Maris in the language concerning of early childhood, choosing a native language and Russian language proficiency. In comparison with Mountain Maris Meadow Maris had not proficiency in written language. The language behaviour also differs considerably. Using of the Russian language amoung Mountain Maris often escorts bilingual behaviour and amoung Meadow Maris - displacement of the Mari language. The Maris, expecially Mountain Maris, used Russian in everyday life very seldom.

«Финно-угроведение», 2003, №2.

Любовь Абукаева
Йошкар-Ола

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С МЕСТОИМЕННЫМИ ПОСТОЯННЫМИ КОМПОНЕНТАМИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современной марийской синтаксической науке подвергнуты четкой дифференциации и подробному описанию предложения, построенные по свободным структурным схемам. Это достижение принадлежит профессору Л.П.Васиковой. Ею же была поставлена задача исследования конструкций, которые организуются по фразеологизированным отвлеченным образцам. Л.П.Васикова справедливо считает, что «фразеологизированные предложения – структуры, в которых компоненты структурной схемы предложения соединяются с распространителями схемы и образуют синтаксически неразложимое сочетание» (1, с. 30). Она отмечает: «Без составления более или менее полного списка (что является делом нелегким: фразеологизированные предложения находятся на стыке синтаксиса и фразеологии) трудно систематизировать схемы подобных предложений» (1, с. 30). Хотя исследователь не задавалась целью специально изучить фразеологизированные предложения, при описании свободных структурных схем она приводит некоторые примеры фразеологизированных конструкций.

Такие структуры неоднократно привлекали внимание и других исследователей. Так, З.В.Учаев, говоря о стилистическом потенциале имени существительного, выделяет две синтаксические конструкции с именами существительными, выражающие значение оценки, указывает их синтаксические функции. Внимание исследователя привлекли прежде всего структуры типа *Уна дечат уна улыда* ‘Вы из (всех) гостей гости’ (С.Чавайн) и *Чыла ӱдырамашлан ӱдырамаш* (А.Юзыкайн) ‘Всем женщинам женщина’ (2, с. 26). Заметим, что в таких конструкциях не столько существительное реализует определенный стилистический потенциал, сколько сама структурная организация модели предопределяет субъективно-модальное

значение оценки, т.е. в этом случае перед нами структура экспрессивного синтаксиса – синтаксический фразеологизм.

Для обозначения фразеологизированных синтаксических конструкций в лингвистике существует несколько терминов: застывшая конструкция, шаблонная фраза, синтаксические фразеологизмы (3, с. 93–100; 4, с. 214–237), фразеосхема (5, с. 63–75; 6, с. 79–89), застывший синтаксический оборот (7, с. 56–60).

На наш взгляд, наиболее приемлемым следует считать термин «синтаксический фразеологизм». Термин «шаблонная фраза» ассоциируется с клише, стандартизованными фразами, которые являются принадлежностью официально-делового стиля. Термины «застывший синтаксический оборот», «застывшая конструкция» также не в полной мере отражают грамматическую природу рассматриваемых конструкций, так как «застывшей», фразеологизированной, является сама модель. Термином «фразеосхема или фразеологизированная схема» логично обозначить модели (структурные схемы, отвлеченные образцы), по которым строятся такие предложения, противопоставляя их предложениям, построенным по свободным структурным схемам.

Синтаксические фразеологизмы (далее СФ) мы определяем как структуры экспрессивного синтаксиса, выражающие, помимо объективного содержания предложения, отношение говорящего к высказыванию и строящиеся по моделям, которые включают постоянные компоненты, воспроизводимые говорящим при конструировании предложения, и свободные компоненты. В качестве постоянных компонентов СФ в марийском языке выступают местоимения и местоименные наречия, послелоги, союзы, частицы.

Семантика таких предложений предопределяется не только лексическим составом схемы, но и ее постоянными компонентами, а также зависит от микро- или макроконтекста, конситуации и интонации. Например, СФ *Вот тиде йолташ!* ‘Вот это друг!’, *Вот тиде муро гын муро* ‘Вот это песня так песня’ имеют обобщённое значение оценки, характеристики, а именно – положительной оценки, восхищения. Объект характеризуется как обладающий необходимыми свойствами, высокой степенью признака. Однако эти же структуры могут иметь другую семантику при условии их функционирования в ином контексте или конситуации и при оформлении их иной интонацией, а именно по такой же структурной схеме организуются СФ, обладающие субъективно-модальным значением отрицательной оценки. Ср.: *Чуч гына пашам ыш пужо. **Вот айдеме!*** (8, с. 90) ‘Чуть дела не испортил. Вот человек!’

Связи и отношения компонентов не зависят от их грамматических или прямых лексических значений. Как видно из приведенных приме-

ров, ни одна из лексических единиц сама по себе не выражает значения отрицательной или положительной оценки.

Компоненты СФ соединяются не по действующим в современной синтаксической системе законам (4, с. 383). Например, в нейтральном синтаксисе вопросительное местоимение *могай* 'какой' не может вступать в синтаксическую связь с инфинитивом или наречием. В составе фразеологизированной конструкции такое соединение составляет сочетание постоянного и свободного компонента СФ, организованного по схеме «могай + (тушто / тылат) + сущ. / прил. / мест. / нар. / глаг. + (да мойн / да монь / мойн)» * : *Чатлама йӱштет, шолеман йӱрет, шокшо кечет дене ниже шопке онга-шамычет кӱртньӧ гай пенгыдемын-кӱын шинчыныт. **Могай шӱяш да мойн**, шӱдӧ ийыштат нимо лийын огытыл* (9, с. 102) 'В трескучий мороз, дожди с градом, жару эти осиновые доски застыли, как железо, затвердели. Какое сгнить да что-то, и за сто лет ничего с ними не стало'.

В отличие от предложений нейтрального синтаксиса в конструкциях фразеологизированного характера соблюдается строго фиксированный порядок следования компонентов. Так, рассмотренная выше модель СФ имеет только указанный порядок расположения компонентов, при изменении этого порядка СФ разрушается и / или мы получаем предложение, построенное по свободной структурной схеме: Ср.: ***Могай тушто кол! Ынде пӱяжат кошкен*** 'Какая там рыба! Теперь и пруд высох' и *Тушто могай кол?* 'Там какая рыба?'. Первое предложение – структура, специально приспособленная для выражения экспрессивного отрицания. Вторая конструкция – вопросительное предложение нейтрального синтаксиса, ответом на него могут служить предложения типа *Тушто пужгол* 'Там щука'. Разумеется, в первом высказывании значительна роль не только порядка компонентов, но и интонации, лексического состава синтаксического фразеологизма и контекста. Именно такой структурной организацией обусловлена и семантика, и синтаксическая функция СФ.

Система фразеологизированных конструкций в современном марийском языке охватывает широкий круг синтаксических единиц, но, несмотря на это, СФ поддаются четкой и стройной дифференциации, причем можно выявить несколько оснований для их классификации. Наиболее значимыми, на наш взгляд, являются структурный и семантический принципы.

---

* Здесь и далее в круглых скобках обозначаются факультативные компоненты модели. Знаком / разделяются вариативные компоненты схемы СФ.

В зависимости от морфологической природы постоянных компонентов фразеологизированные конструкции в марийском языке делятся на 4 типа: 1) СФ с местоименными постоянными компонентами – местоимениями и местоименными наречиями; 2) СФ с союзами; 3) СФ с послелогами; 4) СФ с частицами.

В данной работе будут подвергнуты анализу СФ с местоименными постоянными компонентами, определены особенности их структурной организации и семантики.

Структуру СФ рассматриваемого типа формируют местоимения и местоименные наречия – именно эти постоянные компоненты играют ведущую роль при построении фразеологизированной конструкции. В марийском языке посредством местоимений и местоименных наречий организуется 11 моделей СФ.

1. Модель «вопр. мест.-вопр. мест. / вопр. мест. нар.-вопр. мест. нар., а / но ...».

В качестве постоянных компонентов указанной схемы могут выступать любые вопросительные местоимения или вопросительные местоименные наречия, однако данная структурная схема находит реализацию только с местоимениями *кӧ* 'кто', *мо* 'что' и местоименным наречием *кунам* 'когда'. Следует подчеркнуть, что значение вопросительности местоименных компонентов в СФ не проявляется.

СФ рассматриваемой модели являются двучастными: первая часть организуется повтором вопросительного местоимения или вопросительного местоименного наречия, вторая часть, следующая после союза *а* или *но*, строится по свободной структурной схеме. Местоимения *кӧ* 'кто', *мо* 'что' употребляются в одной из падежных или послеложно-падежных форм: *Ужамат, пошкудем тамак шупшаш огыл пурен, шоналтышым, но луктын шым каласе.* ***Кӧм-кӧм, а Йогорым сайын палем*** (10, с. 338) 'Вижу, сосед не табаку покурить зашел, подумал, но не сказал. Кого-кого, а Йогора хорошо знаю'; ***Кӧ деч, кӧ деч, но мый тый дечет тидым вучен омыл*** (11, с. 102) 'От кого, от кого, но я от тебя этого не ожидала'.

Эта модель СФ имеет 6 структурных вариантов.

Семантика схемы – акцентирование, выделение предмета, лица, обстоятельства какого-либо действия.

2. Модель «вопр. мест. / вопр. мест. нар. + гына + уке / отриц. форма глаг.».

В конструировании СФ указанной модели участвуют вопросительные местоимения и вопросительные местоименные наречия. Например: *Корныеҥ-влак жаплан ик леведыш йымалне лийыт.* ***Кӧм гына от уж. Мом гына от кол*** (12, с. 135) 'Попутчики на время

оказываются под одной крышей. Кого только не увидишь, чего только не услышишь'; ***Кушан гына айдемым колымаш огеш авыре: корнеш, сурт коклаш, коҥгавалан*** (13, с.387) 'Где только смерть не настигает человека: в дороге, дома, на печке'. Указанные постоянные компоненты утратили свое вопросительное значение, как и свободные компоненты модели – слово *уке* 'нет' или отрицательная форма глагола.

Роль постоянного компонента *гына* 'только' двойственна: с одной стороны, эта частица участвует в формировании семантики модели, с другой стороны, она может отсутствовать, что не вносит изменений в значение СФ: ***Сатужо могай уке тыште!*** *Тарай, ситце, матер, посто, ош мамыкымат кондымо* (14, с. 75) 'Товару какого нет здесь! Кумач, ситец, материя, сукно, и белая вата привезена'; *Марий-влак семык пайремым пагалат.* ***Могай гына тутло сий дене нуно шке унаштым огыт сийле, могай гына шыма койыш дене огыт шуно? Виян пӱрӧ дене, нугыдо пура дене лывыргыше йылмышт могай мутым ок ойло, могай лыжга мурым ок муралте*** (15, с. 7) 'Марийцы любят семик. Какими только яствами они не угощают своих гостей, какими только ласковыми словами не потчуют? Какие слова не говорит, какие нежные мелодии не выводит их язык, развязавшийся от крепкой медовухи и густого кваса'.

У СФ обозначенной выше модели 11 вариантов, наличие которых обеспечивается за счет вариативности как постоянных, так и свободных компонентов.

Фразеологизированные конструкции рассмотренной модели передают субъективно-модальное значение множественности, разнообразия, распространенности.

3. Модель «кушко + сущ. в дат. п. / мест. в дат. п. + инф.».

Постоянным компонентом СФ обозначенной модели является местоименное наречие *кушко* 'куда'. Свободный компонент – инфинитивная форма глагола. В качестве вариативных компонентов выступает существительное или местоимение в дательном падеже с субъектным значением. Если инфинитив или словоформа с субъектным значением понятны из контекста, то они могут опускаться: *...Трактористлан тунем лекте, но пашалан ыш пиж* (Семон Пермаков – Л.А.). <...> *Калыкыште тидым тӱрлӧ семын умылышт: «**Куш тудлан?..** Пермак – пермакак»* (16, с. 30) 'На тракториста выучился, но работать не стал (Семен Пермаков – Л.А.). В народе это поняли по-разному: «Куда ему?.. Дурак есть дурак»'; *Арам нуно*

мемнан дене ӱчашат. ***Кушко нунылан…*** (17, с. 164) ‘Зря они с нами спорят. Куда им…’

Эта структурная схема СФ реализуется в двух вариантах.

Семантика схемы – субъективно-модальное значение невозможности.

4. Модель «мо + глаг. + (гын), (тиде) …».

В таких фразеологизированных конструкциях постоянным компонентом выступает местоимение *мо* ‘что’ в одной из падежных форм и частица *гын* ‘так’, наличие последней не является обязательным. Факультативна и роль местоимения *тиде* ‘это’. Однако эти факультативные компоненты не могут опускаться одновременно. Структура двучастная: ***Мо мыланем келшен гын – тиде тунеммаш*** (18, с. 11) ‘Что мне нравилось – так это учеба’. ***Мом мый йӧратем гын / тиде колым //*** ‘Что я люблю, так это рыбу’.

За счет наличия или отсутствия факультативных компонентов структурная схема находит реализацию в 3 вариантах.

Эта модель СФ является малопродуктивной.

Фразеологизированные конструкции указанной модели обладают значением акцентирования, выделения.

5. Модель «мо дене + сущ. в им. п. + огыл».

СФ обозначенной модели формируются на основе сочетания местоимения *мо* ‘что’ с послелогом *дене* ‘с’. Кроме того, постоянным компонентом структурной схемы является отрицательная форма 3-го лица единственного числа настоящего времени от *улаш* ‘быть’. Свободный компонент схемы – имя существительное в именительном падеже – имеет следующее категориальное ограничение: в роли наполнителя структурной схемы может употребляться только нарицательное имя существительное. Например: *Э-э, тыште илаш лиеш: пукшат, йӱктат, арня еда вургемым ваштaлтат…Паша перген шонымо ок кӱл, шер теммеш мале веле <…>.* ***Мо дене рай огыл?*** (12, с. 64) ‘Э-э, здесь жить можно: кормят, поят, каждую неделю белье меняют. О работе думать не надо, спи, пока не надоест. Чем не рай?’; *Йӧратымашым вучен йӱлышӧ, ике чонжо дене порылыкым ышташ, весын ойгыжлан ойганаш ямде улшо ӱдырамаш шӱм –* ***мо дене тиде поэтический образ огыл?*** (19, с. 148) ‘Женщина, живущая в ожидании любви, готовая душой творить добро, сопереживать чужому горю, – чем это не поэтический образ?’

Рассматриваемая модель фразеологизированных конструкций не имеет вариантов.

Эта разновидность СФ выражает значение оценки как соответствия предмета или лица норме, принятым представлениям.

6. Модель «могай + (тушто / тылат) + сущ. / прил. / мест. / нар. / глаг. + (да мойн / да монь / мойн)».

СФ, которые строятся по модели, включающей слово *тушто* 'там' или *тылат* 'тебе', и стоящее перед ним вопросительное местоимение *могай* 'какой', в качестве свободных компонентов могут включать имя существительное, имя прилагательное, местоимение, наречие, инфинитив, реже страдательное причастие в роли субстантива.

Наиболее употребительными в качестве свободного компонента схемы являются нарицательные существительные, например: *Мут кайык гай маныт. **Могай тушто кайык!** Кайыкым оптышеш кучаш але лӱен налаш лиеш, а мутым умшат гыч луктын колтет гын, кучен керт вара* (20, с. 136) 'Говорят, слово что птица. Какая там птица! Птицу можно поймать в ловушку или подстрелить, а если слово вылетит, сумей потом поймать'; – *Кастене клубыш коштат мо? – **Могай клуб!** Кочкамат – малаш* (21, с. 186) '– По вечерам в клуб ходишь? – Какой клуб! Поужинаю – и спать'.

Имена собственные в этой функции менее продуктивны: ***Могай тылат Лисук.** Ончо, кидем почкалтыш когартен* (22, с. 242) 'Какая тебе Лисук. Смотри, крапива руку мою обожгла'; – *Леонид Иоыч вет? – шыргыжале Гриша. – **Могай тушто Иоыч?** Леня – и чыла* (23, с. 206) ' – Леонид Иоыч ведь? – улыбнулся Гриша. – Какой там Иоыч? Леня – и все'.

Реализация данной модели с другими свободными компонентами может быть проиллюстрирована следующими примерами: *– Тудлан шуко лиеш, молан тыге тӧчымышт ыпде мондалтын. – **Могай шуко?** Идалыкат пеле лиеш дыр* (24, с. 160) '– С тех пор много времени прошло. Уже забылось, зачем они так сделали. – Какое много? Полтора года будет, наверно'; *Пошкудо-влак тудым шудалынат налыт: – **Могай колаш да монь.** Илаш да илаш кӱлеш* (25, с. 116) 'Соседи его и поругают: – Какое там умирать да что-то. Жить да жить нужно'; *Телым Памашенерым кӱртньӧ ий комыжла, лум-пораи ӱштын-петырен пышта. «Ну, ыпдыже лыпланышыч, коеш», – шоналтет. Уке-е! **Могай тушто лыпланыме да мойн*** (9, с. 116) 'Зимой крепкий лед сковывает Памашенер (речку – *Л.А.*), метель заметает снегом. «Ну, теперь успокоилась, видно», – думаешь. Не-ет! Какой там покой да что-то'; *А ме южгунам (**да могай южгунам? Шукыж годым!**) пагытым опчышташ тыршена* (10, с. 188) 'А мы иногда (да какое иногда? В большинстве случаев) стараемся опередить время'.

В качестве варианта рассматриваемой структуры можно отметить предложения, в которых вместо компонента *тушто* 'там' используется местоимение *тылат* 'тебе'; оно постепенно утрачивает свое категориальное и лексическое значение: – *Семен Иванович, <...> бригадир егым пуа мо? – **Могай тылат ег? Шкендын Китай паре калык уло*** (21, с. 181) '– Семен Иванович, бригадир даст людей? – Какие тебе люди? У самой народу как в Китае'.

Факультативным компонентом модели является частица *да мойн / да монь / мойн* 'да что-то, да что-то еще': *А лап верысе аланыште – **могай тушто омо да монь!** – тӱрлӧ тӱсан музык чӱчка, рвезылык кушта* (19, с. 347) 'А внизу на поляне – какой там сон да что-то еще! – играет музыка, танцует молодость'; ***Могай шырчык да мойн** – пӧрткайык еш* (9, с. 198) 'Какой скворец да что-то еще – стая воробьев'.

Основная модель СФ рассматриваемой структуры имеет 26 вариантов, которые реализуются за счет наличия или отсутствия факультативных компонентов, а также за счет варьирования структурных элементов схемы.

Субъективно-модальное значение, передаваемое СФ этой модели, – экспрессивное выражение отрицания.

7. Модель «могай (тиде) + сущ. в им. п. !».

Местоименный компонент *могай* 'какой' организует структуру следующих СФ. Компонент *тиде* 'это' является факультативным. Например: *Ончем, пундашыштыже мӱй катен шинчын, ала ӱмашсе, ала ончылийсе. Вуйым чыкен ӱпшынчам: ах, тамле... **Могай тиде юж...*** (26, с. 4) 'Смотрю, на дне мед застыл, то ли прошлогодний, то ли позапрошлогодний. Голову засунув, нюхаю: ах, вкусно... Какой это запах...'.

Модель имеет два варианта.

Для таких структур характерна семантика положительной оценки.

8. Модель «кузе + инф. + огыл».

СФ следующей группы строятся по схеме, включающей в себя в качестве постоянных компонентов местоименное наречие *кузе* 'как' и отрицательную частицу *огыл* 'не'. Свободный компонент СФ – инфинитив: Например: *Теве тый Серапи, тошто палыме улат. **Тыланет кузе полшаш огыл*** (27, с. 330) 'Вот ты, Серапи, старая знакомая. Тебе как не помочь'.

У фразеологизированных конструкций данного отвлеченного образца варианты отсутствуют.

Субъективно-модальное значение экспрессивных конструкций, строящихся по этой структурной схеме, может быть обозначено как

указание на действие, которое мыслится как необходимое, само собой разумеющееся, обязательное.

9. Модель «кузе / молан / кунам / кушко + отриц. форма глаг.».

По обозначенной структурной схеме организуются СФ, имеющие значение согласия, принятия. Постоянный компонент модели является вариативным: эта функция характерна для следующих местоименных наречий: *кузе* 'как', *молан* 'почему', *кунам* 'когда'. Свободный компонент модели – отрицательная форма глагола: – *Так манаш, миет ыле мо? – Марлан?* ***Кузе ом мий?*** *Мием ыле* (28, с. 7) '– Вообще говоря, пошла бы? – Замуж? Как не пойду? Пошла бы'; – *Кугызай, ала Какшан самырык жапетым шарныкта? –* ***Кунам тудым от шарне?!*** *Тыйын гаяк куньырий ыльым...* (29, с. 32) 'Дед, может, Кокшага напоминает твою молодость? – Когда ее не помнишь?! Как ты же, я был тихий'; – *Павай, ончал толаш виет сита? –* ***Молан ок сите.*** *Шымлым теменам гынат, йолем эше тарванылеш* (30, с. 6) '– Дядя, хватит у тебя сил, чтобы сходить посмотреть. – Почему не хватит. Хотя мне уже семьдесят, ноги еще двигаются'.

В марийском языке есть 4 структурных варианта СФ данной модели.

Значение согласия, решимость субъекта совершить действие или указание на возможность действия – такова семантика СФ этой модели.

10. Модель «(а) молан / мо + инф. + огыл».

СФ рассматриваемой структурной схемы в качестве постоянного компонента имеют в своем составе наречие *молан* 'почему' или местоимение *мо* 'что' и частицу *огыл* 'не'. Свободный компонент модели – инфинитив: *Мутлан, шошо ага пайрем, у кинде пайрем, ӱдырйӱыш, молат.* ***Молан нуным у семын пайремлаш огыл*** (20, с. 147) 'Например, весенний праздник перед полевыми работами, праздник нового урожая, девичник, другие. Почему их не праздновать по-новому'; ***Молан миен толаш огыл,*** *вет ятыр пароход ынде Ӱпӧ гыч Москвашке шумеш коштеш* (30, с. 312) 'Почему не съездить, ведь теперь много пароходов от Уфы до Москвы ходит'.

Вопросительная частица *а* – факультативный компонент модели, СФ могут получить реализацию без нее.

Малораспространенными являются предложения, в которых вместо наречия *молан* 'почему' выступает местоимение *мо* 'что': *А* ***мо тудлан служитлаш огыл:*** *ондак писарь, вара дивизий командирын ординарецше лийын, манеш* (31, с. 50) 'А чего ему не служить: сначала писарем, потом ординарцем командира дивизии был, говорят'.

За счет варьирования постоянных компонентов и наличия факультативного элемента схемы рассмотренные СФ реализуются в 4 вариантах.

Субъективно-модальное значение таких СФ можно описать так: согласие, осложненное оттенком решительности, или побуждение к совершению действия.

11. Модель «(чыла) + сущ. в дат. п. + сущ. в им. п.».

Свободные компоненты вышеуказанной схемы – имя существительное в дательном падеже, которое может выступать как в форме множественного, так и единственного числа, и то же имя существительное в именительном падеже единственного числа. Например: *Макаровым ужынам. Вот адмирал –* ***чыла адмирал-влаклан адмирал*** (32, с. 23) 'Макарова видел. Вот адмирал – всем адмиралам адмирал'; *А семык пайремже –* ***чыла пайремлан пайрем*** (33, с. 57) 'А семик – всем праздникам праздник'.

Компонент *чыла* 'всем' не претерпел полной десемантизации, и поэтому, на наш взгляд, он выступает как факультативный: *Икана Варлам Яковлевич ватыж дене сыреп. Ватыже тудын –* ***урядниклан урядник*** (34, с. 205) 'Однажды Варлам Яковлевич поссорился со своей женой. Жена у него – уряднику урядник'. Эта разновидность СФ может быть рассмотрена в составе экспрессивных конструкций, строящихся на основе постоянных компонентов-местоимений, условно.

Модель СФ существует в 2 вариантах.

Рассмотренные СФ передают значение превосходства предмета в ряду схожих, однотипных.

Таким образом, СФ, организованные местоименными постоянными компонентами, передают широкий спектр субъективно-модальных значений, среди которых значения акцентирования, выделения; множественности, разнообразия, распространенности; невозможности; оценки как соответствия норме и положительной оценки; отрицания; решимости субъекта совершить действие или возможность действия; согласия, осложненного оттенком решительности или побуждения к действию; превосходства предмета в ряду однородных.

СФ являются принадлежностью разговорной речи, однако они находят реализацию в художественном стиле (особенно в прозе и драме) и публицистике как экспрессивные конструкции. Благодаря употреблению фразеологизированных структур во много раз возрастает воздействующая сила как устной, так и письменной речи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Васикова Л.П.* Сложные предложения в современном марийском литературном языке. Ч. 1. Структурные схемы предложений. Сложносочиненные предложения. Йошкар-Ола, 1982.

2. *Учаев З.В.* Марий йылме. Мут вашталтмаш. Йошкар-Ола, 1995.

3. *Шведова Н.Ю.* О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2.

4. Русская грамматика: В 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю.Шведова. Т. 2. М., 1980.

5. *Шмелев Д.Н.* Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1958. №6.

6. *Меликян В.Ю.* Об основных типах нечленимых предложений в русском языке // Филологические науки. 2001. № 6.

7. *Кручинина И.Н.* Синтаксис разговорной речи // Русская речь. 1968. № 1.

8. *Волков А.* Удыр кумыл: Пьеса-влак. Йошкар-Ола, 1988.

9. *Алексеев Г.* Шочмо вер – чевер: лирический новелла-влак. Йошкар-Ола, 2001.

10. *Абукаев-Эмгак В.* Шывага. Повесть да ойлымаш-влак. Йошкар-Ола, 1995.

11. *Горохов В.М.* Канде кайык. Пьеса-влак. Йошкар-Ола, 1992.

12. *Алексеев Г.* Ушаным ужара конда. Повесть да ойлымаш-влак. Йошкар-Ола, 1993.

13. *Юксери В.* Кӱсле. Роман. Йошкар-Ола, 1978.

14. *Галютин Ю.* Георгий Пушкин. Роман-хроника // Ончыко. 1998. № 12.

15. *Шабдар Осып.* Удырамаш корно. Роман. Йошкар-Ола, 1957.

16. *Смирнов В.* Кок гана кокыт. Ойлымаш-влак. Йошкар-Ола, 2003.

17. *Арбан Н.* У муро. Комедий // Кугу толкын. Марий драматургий антологий. Йошкар-Ола, 1987.

18. *Герасимов О.* У курымлан – у салам // Ончыко. 2000. № 12.

19. *Колумб В.* «Умыремым арам шым эртаре». Шарнымаш-влак / Лайд Шемйэр чумырен. Йошкар-Ола, 1999.

20. *Волков А.* Каче-влак. Мыскара повесть. Йошкар-Ола, 1962.

21. *Майоров Ф.* Ошлансолаште. Повесть, ойлымаш-влак. Йошкар-Ола, 1993.

22. *Осмин Йыван.* Кава ден мланде коклаште. Роман. Йошкар-Ола, 1996.

23. *Абукаев-Эмгак В.* Шочмо тувыр: Роман, икымше книга. Йошкар-Ола, 1991.

24. *Ялкайн Я.* Онго. Роман. Йошкар-Ола, 1958.

25. *Анисимов* Э. Лышташ тӱтан // Ончыко. 2000. № 11.

26. *Галютин Ю.* Морко ситмыж // Марий Эл. 2000. 8 сентябрь, 15 сентябрь.

27. *Рыбаков Н.Ф.* Оза вате: Пьеса-влак. Йошкар-Ола, 1992.

28. *Галютин Ю.* Мужыр куэ. Ойлымаш-влак. Йошкар-Ола, 1986.

29. *Артамонов Ю.* Кайык ӱжын ужата. Повесть-влак. Йошкар-Ола, 1980.

30. *Асаев А.* Ошвичыжат, йӱксыжат. Роман. Йошкар-Ола, 1971.

31. *Алексеев Г.* Йотышнышо // Ончыко. 1998. № 9.
32. *Эсеней П.* Пьеса-влак. Йошкар-Ола, 1982.
33. *Илибаева М.* Вес тӱняш ямдылалташ. Роман // Ончыко. 2002. № 2.
34. *Чавайн С.Г.* Сылнымутан произведений-влак. Вич том дене лектеш. Элнет: Роман. Т.5. Йошкар-Ола, 1967.

Lubov Abukaeva

SYNTACTICAL PHRASEOLOGICAL UNITS BASED ON PRONOUNS IN MARI

Syntactical phraseological units are phenomena of expressive syntax. Apart from presenting objective reality in a sentence, above-mentioned units show speaker's attitude to the statement. As for model of syntactical phraseological units, they consist of fixed words and free words (components). Pronouns, pronominal pronouns, postpositions, conjunctions and particles perform the function of fixed words. In Mari eleven different models of syntactical praseological units with pronouns as a part of fixed component are distinguished.

Syntactical phraseological units can express a wide range of subjective and modal meanings such as meanings of emphasizing, plurality, variety, impossibility. evaluation, rejection, assent, superiority. Besides that, they can express the meaning of subject's determination to do something.

Syntactical phraseological units are mostly used in colloquial speech. In belles-lettres style (especially in prose and drama) they are treated s expressive constructions. Expressiveness of written and spoken language increases because of the usage of these constructions.

«Финно-угроведение», 2003, № 2.

СООБЩЕНИЯ

Владимир Рогачев
Саранск

ТИПОЛОГИЯ МОРДОВСКИХ СВАДЕБНЫХ ПРИЧИТАНИЙ

Из жанров мордовской свадебной поэзии наибольшее распространение получили свадебные причитания – один из наиболее развитых видов семейно-обрядового фольклора. В этом жанре свадебная поэзия эрзи и мокши достигает значительных художественных вершин. Таковой она исторически являлась у русских, татар-мишарей, чуваш.

Причитания – это народная обрядовая песня элегической тональности, приуроченная решающим, жизненно важным и поворотным событиям в жизни человека. В семейно-обрядовой поэзии эрзи и мокши различаются погребальные, свадебные и рекрутские причитания.

Мордовские похоронно-поминальные, рекрутские и особенно свадебные причитания занимали большое место в составе семейно-обрядовой поэзии, как по объему, так и по социально-бытовой и художественной их значимости. По степени художественного совершенства и силе эмоционального воздействия они не уступают другим произведениям мордовского устно-поэтического творчества. Роль и значение причитаний определяется не только их высокими поэтическими качествами, но и широким охватом, отражением в них жизненных явлений, процессов, быта народа, его мировосприятия социальных представлений, эстетических идеалов, нравственных установок (1, с. 5). Причитания, как один из древнейших жанров национальной фольклористики, берут свое начало в погребально-поминальных плачах – причитаниях древних финно-угров, восходящих к первобытнообщинной эпохе. Нас, исследователей нацио-

нальной фольклористики, давно привлекает такая особенность мордовских свадебных причитаний, как их исключительное сходство с похоронными.

Погребальный культ относится к глубокой древности и «засвидетельствован весьма ранними археологическими памятниками» (2, с. 157–158).

Реконструировать древнейшую традицию причитывать над умершими можно, обратившись к другим жанрам устного народного творчества эрзи и мокши (1, с. 9). Так, в Мордовии в с. Пермиси в свое время записана архаическая по сюжету сказка, в которой земная девушка оплакивает мужа-медведя, погибшего от упавшего на него дерева:

Паксяв молят – кснавт кандат,
Вирев молят – пешть кандат,
Каль курос совat – медь кандат (1, с. 9).

В поле пойдешь – гороха принесешь,
В лес пойдешь – орехи принесешь,
В роцу зайдешь – мед принесешь.

Это произведение, как и целый ряд других, указывает на исключительно древнее происхождение причитаний и первоначально тесную связь с обрядом погребения. Лишь по прошествии длительного времени в ходе эволюции происходит трансформация, перерастание и перевоплощение этих причитаний в свадебные.

Вопрос о сходстве похоронных и свадебных причитаний понятен. Гораздо более трудной этнографической загадкой является то, какова функция причитаний в свадебном обряде и как они попали туда? Попытка объяснить их происхождение тем, что они всегда были неотъемлемой частью свадебного обряда, «...первоначально были пояснением синкретического действия» (3, с. 141), не совсем убедительна, когда налицо прямое перенесение словесно-поэтической формулы из обряда похорон в свадьбу.

Как ни странно на первый взгляд, наблюдается и обратное перенесение элементов свадебного обряда в похоронный в случае смерти молодой девушки. В похоронной обрядности мордвы существует «свадьба по умершей» (4, с. 186–191). То же можно было наблюдать у славян (5, с. 64–99) . Эти обычаи существовали и у украинцев. «Покойницу-девушку наряжают, как под венец, – пишет П.П.Чубинский, – и к погребальной церемонии присоединяют и некоторые свадебные обряды» (6, с. 700). Об этом же обычае посмертного венчания сообщает К.Г.Червяк: «Дівку уібирают як до слюбу (как на свадьбу): заплитают у поплітки, гирдани, на голову кладут вінок

з барвінку...» (7, с. 106). Об обычае венчания покойников у немцев Поволжья сообщает С. Г. Кагаров (7, с. 106) .

Свадебный обряд по возрасту моложе погребального, и здесь вполне допустим перенос отдельных жанров и поэтических формул. Но почему это происходит? По своей природе и характеру – это, казалось бы, два диаметрально противоположных по смыслу обряда. Не наблюдаем мы здесь включение элементов других обрядов по аналогии, возможна и реминсценция некоторых обрядов жизненного цикла, связанных с молодежью. Ведь свадьба во всех отношениях – обряд, ориентированный на молодежь. Нет ли здесь связи с различными обрядами перевода молодежи в другую возрастную группу? У многих народов мира в древности и в средневековье были ритуалы из разряда инициаций, предшествовавшие брачному возрасту и означавшие переход в новое состояние, в более зрелую возрастную группу, что окружающими в ряде случаев воспринималось как «временная смерть». Этот обряд настолько связан с представлениями о смерти, что одно без другого не может быть рассмотрено (8, с. 78), – утверждает выдающийся русский фольклорист В.Я.Пропп. Во время посвятительных обрядов юношей и девушек оплакивали как умерших, отправившихся в иное царство. Отмечается, что после возвращения менялся их возрастной статус – это были они и уже как бы не они, т. к. часто они носили после возвращения другое имя и всегда другой тип одежды, головного убора и т.д. (9, с. 251). Все это в полной мере можно наблюдать по материалам мордовской свадьбы. Менялась одежда, ее покрой, прическа, головной убор, орнаментально-знаковая система, ее цвета, украшения и мелодическое звучание костюма, для чего использовался комплекс различного рода металлических привесок, поясных колокольчиков-пайгонят и т.д.

С мотивами временной смерти связано довольно много сказочных сюжетов у русских, в которых повествуется об оплакивании и обряжении в специальные ритуальные одеяния. Изучение современных афро-азиатских племен, задержавшихся на первобытно-общинной стадии развития, показывает, что обряду посвящения подвергаются не только юноши, но и девушки. Эти моменты находят отражение в типологически сходных волшебных сюжетах у многих народов мира.

Так, В.Я.Пропп отмечает по этому поводу: «В сказке она (девушка) неожиданно умирает и столь же неожиданно оживает и вступает в брак... Именно момент ухода из дома ради брака и

вызывал необходимость посвящения, т.е. умирания и воскресения» (8, с. 78). Выделяя символы условной смерти, В.Я.Пропп подчеркивает, что « ...если на девушку надевается рубашка, пояса, бусы и проч., то частично мы здесь имеем дело с обряжением мертвого. На посвящаемых одевали одеяния мертвых, после чего они считались умершими. Там, где одежда вообще неизвестна, посвящаемого в знак смерти обмазывали белой глиной. Рубашка, надеваемая на девушку, есть рубашка смерти» (8, с. 112). Кстати, у мордвы ритуальные рубахи и полотенца, которыми женщины повязывали головы в знак траура, были белого цвета. Выдвинутые аргументы позволяют предположить, что часть обрядовых элементов инициации молодежи предбрачного возраста в виде реминсценций проявляются в свадебном обряде, «именно это и можно считать ответом на вопрос, почему свадьба повторяет многие другие атрибуты похоронного обряда» (9, с. 251). Но и это объяснение, на наш взгляд, не окончательное. Возникает вопрос такого плана: если инициация была условным обрядом, игрой, пусть даже самой серьезной по большому счету, то откуда трагедийные ноты в плачах, откуда столь тяжелая человеческая драма? Ответ, на наш взгляд, в том, что на определенной стадии развития древнего общества во время обряда инициации происходило человеческое жертвоприношение. Группу юношей или девушек специально длительное время готовили к этому, коллективно оплакивали, затем в ходе обряда одного из них на выбор или по жребию приносили в жертву. Эти акты известны исторической науке. Они находят отражение и в фольклоре, в том числе и мордовском, в развитых сюжетах о приношении в жертву девушки при строительстве города, возведении крепости (10, с. 79, 83, 87–88, 97).

Обряд инициации мог проходить торжественно, в его основе мог быть какой-либо миф. На это предположение наталкивает этнографический материал, описывающий церемонию инициации у аборигенов Австралии, у которых в обрядовой церемонии «драматизируется миф, а речитация мифа в аккомпанемент действию раскрывает тайный священный смысл того, что воспроизводится действиями актеров» (11, с. 45).

Во время словесного сопровождения обряда могли использоваться произведения различных жанров: молитвы, заклинания.

В этих условиях вполне возможно было использование молитв, заклинаний, объяснимо и «появление причета в обряде, некоторые особенности данной поэтическо-музыкальной формы, такие, например, как большая протяженность текста, повторяемого на одну и ту же мелодическую формулу» (9, с. 249).

В фольклоре и этнографии мокши и эрзи есть и другие указания на то, что человеческие жертвоприношения, особенно девушек, имели место при строительстве городов, крепостей (12, с. 208–211; 10). В этих условиях вполне объяснимо появление в свадебном обряде причетов, используемых при оплакивании, а вместе с ними мелодики плачевых интонаций, соответствующих поэтических формул, устоявшихся образов, художественно-изобразительных приемов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кавтаськин Л.С.* Предисловие// УПТМН. Эрзянские плачи-причитания. Т. 7. Саранск, 1972.

2. *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М.,1964.

3. *Соколов Ю.М.* Русский фольклор. М., 1941.

4. См.: *Кавтаськин Л.С.* Мордовские обряды и причитания при похоронах девушки // Проблемы изучения финно-угорского фольклора. Саранск, 1972.

5. *Байбурин А.К., Левинтон Г.А.* Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М., 1999.

6. *Чубинский П.П.* Материалы и исследования, собранные П.П.Чубинским // Труды этнографической статистической экспедиции в Западно-Русском крае. Т. 1 – 4. СПб., 1877.

7. *Кагаров Е.Г.* Венчание покойников у немцев Поволжья // Советская этнография. 1936. № 1.

8. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л.,1946.

9. *Скворцова З.Р.* О причитаниях в свадебном обряде // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974.

10. *Евсевьев М.Е.* Избранные труды. В 8-ми т. Т.1. Саранск, 1961.

11. *Анисимов А.Ф.* Этапы развития первобытной религии. М.–Л., 1967.

12. *Смирнов И.Н.* Мордва. Саранск, 2002.

Vladimir Rogachov

TYPOLOGY OF MORDVA WEDDING LAMENTATION

From Mordva wedding poetry wedding lamentations got the biggest spreading. Wedding lamentation is one of the most developed type of family-retual folklore. Mordva wedding lametation has great similarity with the process of funeral. It points out to ancient origin of lamentations and its close connection with the ceremony of a burial.

«Финно-угроведение», 2003, № 2.

Людмила Христолюбова
Ижевск

О НОВЫХ ПРОФЕССИЯХ УДМУРТСКИХ ЖЕНЩИН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (ТРАКТОРИСТКИ)

В прошлые времена удмуртские женщины выполняли любую крестьянскую работу: пахали и сеяли, косили и жали, вели огород и ухаживали за скотом, одевали и кормили семью и т. д. К этому их готовили с малых лет, привлекая к посильному труду. К 14–15 годам девочки усваивали практически все виды крестьянских занятий, в дальнейшем лишь совершенствовали свои навыки. У девушки не было проблемы выбора профессии: она знала, что будет заниматься тем же, чем занимаются ее мать и бабушка.

Проблема выбора возникает тогда, когда появляются альтернативы. С созданием в 1920 году Удмуртской Автономной Области удмуртки получили широкий доступ к образованию и право обучаться разным профессиям и специальностям. Но для реализации права необходимы информированность о профессиях (в те годы знания удмурток о профессиях ограничивались, пожалуй, профессиями учителя, фельдшера и землемера), общественный спрос на избранную профессию, наличие учебных заведений в пределах пространственной досягаемости, материальные возможности и др. Спрос на специалистов в только что созданной автономной области был огромен, но возможности их подготовки были крайне ограничены: в год образования автономии в Удмуртии были две сельскохозяйственные школы, три учительских семинарии и ни одного высшего учебного заведения.

Надумав учиться, удмуртские девушки выбирали то учебное заведение, которое находилось ближе к дому. Ехать в далекие города не хватало решимости, уверенности в себе: мешали незнание русского языка, материальная стесненность. Те, кто решался, не всегда

ехали по собственному выбору, а по направлению руководящих органов области, которые посылали молодых людей учиться в приказном порядке, руководствуясь общественной необходимостью. И посланцы, как правило, были верными служителями той отрасли, для работы в которой выучились. Осознание реальных возможностей получения образования и иной, а не только крестьянской, профессии со временем повлияло на поведенческие стереотипы удмурток, повысило их уверенность в себе. От привычного крестьянского труда, требовавшего умения и навыков в любом деле (в пределах общепринятых мужских и женских занятий), они шагнули к нетрадиционным для удмуртов профессиям: учителя, фельдшера, врача, зоотехника, агронома, инженера и т. д.

Спрос на ту или иную профессию диктуется политикой государства в области экономики, науки, техники, образования и культуры. На расширение диапазона профессиональной подготовки девушек в 1930-е годы повлияли политическая ситуация в мире и международное положение СССР, подготовка к войне фашистской Германией. Женщины должны были освоить многие мужские специальности, чтобы в случае войны заменить мужчин.

В данном сообщении речь идет о женщинах-трактористках.

В середине 1930-х годов работающих девушек призывали овладевать второй профессией. Когда образовались колхозы и на полях появились тракторы, облегчавшие труд, выучиться на тракториста стало престижно. Интерес к технике возник и среди сельских девушек, который стимулировался не только возможностями трактора, но и лозунгом: «Техника в период реконструкции решает всё». Преодолевая страх, стеснительность и робость, на курсы трактористов стали записываться и удмуртские девушки. Работавшие до сих пор ручными и конными орудиями труда удмуртки решительнее русских сверстниц овладевали невиданной прежде техникой – «железным конем». Так, уже в 1935 г. в числе 1464 трактористов Удмуртии было 56 женщин, из них 44 удмуртки (17, л.17).

В решениях республиканского съезда женской молодежи, прошедшего в ноябре 1935 г., был записан пункт об организации курсов по подготовке из женщин специалистов сельского хозяйства. Выполняя решения съезда, Наркомзем республики организовал различные курсы. Согласно материалам проверок хода выполнения решений съезда, в марте – мае 1936 г. на курсах комбайнеров учились 10 женщин, на курсах трактористок – 600, шоферов – 50; 77 человек готовились для работы на льнотеребилке (18, л. 8).

Женская тракторная бригада Пышкетской машинно-тракторной станции (МТС) Ярского района в составе Дыбовцевой, Е.Булдаковой, А.Даниловой в период весенней посевной 1936 г. норму выполняла на 180–200% (18, л.10). Накануне Великой Отечественной войны повсеместно в стране, в том числе и Удмуртии, создавались женские тракторные бригады по призыву Паши Ангелиной. В 1939 г. в Удмуртии 27 женщин работали бригадирами тракторных бригад, 15 – механиками. В 1940 г. 55 женских тракторных бригад объединяли 258 трактористок. При всех машинно-тракторных станциях (МТС) были организованы курсы по подготовке трактористок. В годы войны они стали решающими в обеспечении фронта продуктами, показывали образцы труда в сельском хозяйстве.

Одна из первых в 1930-е гг. села за руль трактора и бессменно свыше 30 лет проработала трактористкой в родном колхозе «Борьба» Ярского района Васильева Фёкла Васильевна (1914 г.р.), удостоенная за свой труд званий «Герой Социалистического Труда» и «Заслуженный механизатор Удмуртской Республики». Из года в год выполняла и перевыполняла она сменные нормы, добиваясь при этом экономии горюче-смазочных материалов и средств на содержание и ремонт (3, с. 14).

Согласно архивному документу, из 742 тракторных бригад, работавших в республике в 1943 г., 416 были женскими; трактористками работали более 3,5 тыс. женщин и девушек (19, л.30). В документе не указано количество удмурток среди них, но с учетом национального состава сельского населения можно допустить, что их было более половины. Среди известных в те годы трактористок Удмуртии были удмуртки Анна Дьяконова из Пудемской МТС, Александра Петухова из Нылгинской, Нина Вахрушева из Якшур-Бодьинской МТС и многие другие. Все они были делегатами второго республиканского слета молодых передовиков сельского хозяйства, прошедшего 2–3 июля 1943 года.

Борисова Анна Андреевна (1921 г.р.) право на вождение трактора получила в 1940 году. Работала в одной из бригад Голюшурминской МТС. Когда началась война и её сменщик ушел на фронт, Анна работала по две смены и выполняла по три нормы в сутки при высоком качестве вспашки. Была в числе передовых трактористов МТС: за более чем 10 лет не было случая, чтобы она не перевыполняла задания. При этом умела экономить горюче-смазочные материалы, соблюдая правила технического ухода, продляла срок эксплуатации трактора. Опережала она и график ремонта тракторов.

Её имя не сходило с Доски почета. Именно за добросовестное отношение к делу и успехи в труде в 1951 г. А.А.Борисова была избрана депутатом Верховного Совета УАССР. Ей было присвоено звание «Отличник социалистического сельского хозяйства» (6).

Кириллова Ольга Игнатьевна (1919 г.р.) имела два класса образования и работала в колхозе там, куда пошлют, то есть была, как тогда говорили, рядовой колхозницей, труд которых был преимущественно ручным. Даже силосную яму копали вручную. В 1939 г. её послали на курсы трактористов, где готовили для работы на колесном тракторе. Потом её направили еще на другие курсы для изучения газогенераторного трактора, работавшего на дровах. (По словам Ольги Игнатьевны, одного мешка сухих деревянных чурок хватало на один круг, сырых – на полкруга. К куче чурок, сваленных в поле, с мешком обычно ходил прицепщик). 12 апреля 1940 г. получила газогенераторный трактор и проработала 7 лет. Было очень тяжело. Трактор часто ломался, сами же и ремонтировали, за запчастями в любую погоду (весной по воде) ходили пешком в МТС за несколько километров, неся в котомке туда сломанные детали, обратно – запасные части. В войну по три дня хлеба не ели, заводить трактор не хватало сил, каждый раз заводили со слезами. Весной пахали, сеяли, культивировали, в уборочную пору таскали комбайны (которые не были самоходными). Два раза горела, дважды преследовали волки. Ночью очень хотелось спать и, чтобы не уснуть, громко пели, и всё же случалось, что в ночную смену, уснув за рулем, заезжала в овраг*. Война отняла здоровье, из-за тяжелого труда осталась бездетной.

Одной из первых девушек-трактористок была Анисья Степановна Вахрушева. Работала в Якшур-Бодьинской МТС. Зимой она была механиком и руководителем курсов трактористов, а летом – бригадиром тракторной бригады. Немало трактористов подготовила она для района. Одна из них – Вахрушева Анна Прокопьевна из дер.Гожмувыр. После окончания 5 классов Анна начала работать в колхозе, тринадцати лет поступила на курсы трактористов при Якшур-Бодьинской МТС. После сдачи экзаменов девочке доверили колесный трактор СТЗ, на котором она проработала шесть сезонов. Учитывая её физическую слабость, прицепщиками обычно назначали парней, которые на девчонку-трактористку смотрели с уваже-

---

* Записано со слов Кирилловой О.И. 19.04.2003 г. в д.Нижние Юри Малопургинского района.

нием. Работала в разных колхозах. Весной пахала, летом, прицепив к трактору комбайн, убирала урожай. Когда началась война, парни ушли на фронт, помощниками стали подростки. Сил ни у неё, ни у помощников не хватало, трактор заводили вчетвером-впятером, привязав несколько веревок на заводную ручку. Работала, как все, не считая часов, днем на тракторе, ночью на уборке соломы. Непосильные нагрузки на неокрепший организм подорвали здоровье, и трактор пришлось оставить. В колхозе не было дела, с которым бы она не сладила (16, с. 128–130).

В числе передовых трактористок Якшур-Бодьинского района была и Вахрушева Нина Федоровна. После школы-семилетки собиралась поступить в педучилище, но судьбе было угодно распорядиться так, что стала трактористкой, а позже – дояркой. Была и молотобойцем. По судьбе её прошлась война, когда обычные понятия сместились и разрушились. В 1941 г. шестнадцатилетней девушкой она пришла работать в колхоз, у неё не было даже добрых лаптей, их она купила на вторую премию (первый раз её премировали платком), за 80 рублей. Так начиналась её трудовая биография.

Когда её послали в МТС учиться на трактористку, восприняла это спокойно. Надо – значит, надо. Не её одну – многих девчонок послали, потому что мужчины один за другим уходили на фронт. В дни учебы на курсах работала паяльщицей. Когда она первый раз самостоятельно села на трактор и выехала в поле, на первой же борозде подшипник расплавился. Испугалась. Бригадир-женщина испугалась не меньше её. Но в МТС подшипник заменили (баббитовые подшипники быстро выходили из строя) и опять в поле.

Нина Федоровна трактористкой проработала 20 лет, один сезон на газогенераторном тракторе, потом – на колесном, а последние годы – на ДТ-54. Тракторные бригады работали по колхозам. Жили все вместе. Питались тем, что хозяйка сварит. Хлеба почти не было. Бригадирами были в основном девушки и парни-подростки, чей черед в армию еще не подошел. Два механизатора на тракторе, который эксплуатировали 24 часа в сутки, работали посменно. Труднее приходилось, когда сменщик уходил на фронт. Некоторые сменщики-подростки были так малы, что до педалей не доставали, приходилось к ногам палки привязывать. «Очень трудно было заводить трактор. Крутишь, крутишь ручку – не заводится. Упадешь рядом, наплачешься – опять крутишь. Воды приходилось заливать на каждом загоне по 3–4 ведра», – вспоминала она.

Зимой Нина работала в кузнице молотобойцем. Руки у неё были большие, сильные, даже мужчина бригадир удивлялся её силе.

Когда технику из МТС передали колхозам, Нина Федоровна стала колхозной трактористкой. Так и работала до 1962 года, пока не перешла в доярки. Но и здесь было не легче. Именно за работу на ферме она награждена орденом Трудового Красного Знамени, медалями, значками «Победитель соцсоревнования».

Вся жизнь у Нины Федоровны состояла из работы, для личной жизни времени не хватило. «Жили так бедно, так лихо, что и вспоминать не хочется, – говорит она. – Пришли ко мне, помню, сваты, а у меня одна фуфайка. Какая я невеста? Что в дом мужа принесу? Не пошла, отказала. Потом, конечно, лучше стало, но война долго не давала встать на ноги. За тридцать мне было, дояркой уже работала. Дали спецобувь – литые резиновые сапоги. Надела и любуюсь собой, как девчонка. Пошла в них в гости и думаю, что я самая нарядная». И после выхода на пенсию, когда её просили, Нина Федоровна помогала колхозу (1).

Знатной трактористкой этого района была и Широбокова Елена Филимоновна. Выбор профессии за неё сделала война: в 1942 году, когда Лене было шестнадцать лет, она стала трактористкой, ей дали газогенераторный трактор. Пахала поля по всему району, в жатву таскала трактором комбайн. Трактористы летом и лес корчевали, а зимой вывозили. Кроме того, выполняла разные просьбы колхозников. С просьбой подвезти дрова, солому, сено и т.д. женщины-хозяйки предпочитали обращаться к ней, чем к мужчинам. О ней говорили, что дело сделает аккуратнее мужчин, с большим пониманием забот хозяек. По всему району её называли «тракторист Лена, Ленко». Она слыла честным, добросовестным человеком и работником, таких людей рекомендовали в партию, и она стала членом ВКПб. Е.Широбокова – участница ВДНХ 1959 года. В Якшур-Бодьинской средней школе пионеры давали клятву «учиться, работать и жить как Елена Широбокова». 22 года проработала Елена Филимоновна на тракторе и всегда дорожила своей доброй репутацией. Состояние здоровья заставило её уйти с трактора. Работала учетчицей, заведующей гаражом, бригадиром полеводческой бригады. Её труд отмечен медалью «За победу над Германией»* .

Война заставила сменить профессию и свинарку Олимпиаду Глушкову. Пройдя трёхмесячные курсы при Селтинской МТС, она стала первой трактористкой Селтинского района. Трудилась, как

---

* Записано автором со слов дочери Е.Ф.Широбоковой Вахрушевой Галины Афанасьевны в июле 2003 г.

все, от зари до зари. В тракторной бригаде было четверо женщин и двое мужчин. Было неимоверно трудно, девчата плакали, но задания выполняли. А когда война закончилась, Олимпиада Гавриловна вернулась в животноводство, где успешно трудилась 33 года и отмечена орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и медалями (15, с.34).

В годы войны попросилась на курсы и выучилась на тракториста Ипатова Анна Кононовна (1924 г.р.) из д. Кочуково Юкаменского района. Работала на колесном тракторе в Пышкетской МТС. При качественной вспашке задания перевыполняла. В 1944 г. дирекция МТС послала её на курсы для освоения трактора НАТИ. Научилась, скоро стала перевыполнять нормы и на этой машине. При этом умела экономить горюче-смазочные материалы. В соревновании трактористов МТС в 1950 г. заняла первое место. «Наше развитие – в стахановском труде»,– говорила она. В 1951 г. трактористка-стахановка стала депутатом Верховного Совета УАССР (4, л.129).

Колхозница Анна Григорьевна Перевощикова (1910 г.р.) из деревни Дэмен Шарканского района в тракторную бригаду пришла, когда началась война. Её прикрепили к трактористу из бригады, которому было поручено отремонтировать трактор «УНИ», а она помогала ему. В ходе работы он все ей разъяснял. Это и было её учебой. На том тракторе она и работала. В бригаде из шести трактористов было трое женщин. Двенадцать лет работала Анна Григорьевна в бригаде, кажется, в районе не осталось полей, которые она не пахала. Самым трудным для женщин, по воспоминаниям бывших трактористок, был ремонт тракторов (8).

Заслуженный механизатор РСФСР, Отличник социалистического сельского хозяйства Крылова Мария Григорьевна (1923 г.р.) из деревни Нижнее Асаново Алнашского района трактористкой стала в 1941 г., когда потребовалось заменить ушедших на фронт мужчин. В числе пятерых девушек из деревни она пошла на курсы трактористов. Начинала пахать на плохоньком тракторе, радиатор протекал, все время приходилось подливать воду. Рабочие смены длились по 12 часов. Когда приходил сменщик, идти домой сил уже не было, засыпала прямо в поле…

Закончилась война, подруги друг за другом выходили замуж и уходили с трактора, а ей не хотелось. Год за годом так и работала: весной и в начале лета на тракторе, а во время уборки хлебов – на комбайне. В 1950-е годы с трактора ушла, но с комбайном расставаться не хотела. Женщины спрашивали её, что она находит в этой

железной телеге, неужели не надоело. Она каждый раз говорила, что последний год поработает, но наступала пора уборки, и она вновь садилась за штурвал комбайна. Уже и дочь появилась, зимой, отправляясь на ремонт в Голюшурму, её брала с собой, а водиться с нею – младшую сестру. В 1955 г. вступила в компартию. На партсобраниях выступала с критическими замечаниями по организации труда и с разными предложениями.

Мария Григорьевна 32 года отработала на комбайне в колхозе «Молодая гвардия» Алнашского района. Её труд, помимо вышеуказанных званий, отмечен орденами Ленина и Знак Почета, бронзовой медалью ВДНХ, наручными часами. В 1977 г. она участвовала во Всероссийском слете ветеранов войны и труда. Имя М.Г.Крыловой занесено в Книгу почета трудовой славы и героизма Удмуртской АССР (13).

Заслуженный механизатор Удмуртии Петрова Лидия Егоровна помнит, как в её деревню пришел первый трактор «Фордзон» и весь народ вышел смотреть на диковинку, а она вместе с другими ребятишками бежала за ним в поле. Сесть за трактор её, как и многих других девушек, заставила Отечественная война: мужчины на фронте, а поля обрабатывать надо. Так, 19-летней девушкой зимой 1943 года она пришла в МТС на курсы трактористов. Изучали трактор по схемам, учебу закончили, так и не сев на трактор. В мае перед весенним севом вернулась в свой колхоз, дали ей газогенераторный трактор. Заводила с трудом. Машина была старой, сильно изношенной, ей казалось, что вот-вот развалится. Радиатор подтекал, за смену приходилось заправлять несколько раз. Нелегко было: и недоедали, и недосыпали, но знали – надо работать. Плакала, но сознавала, что всем трудно. К концу войны она так освоила профессию, что не захотела её менять даже тогда, когда хватало механизаторов-мужчин. После НАТИ работала на колесном «Универсале», потом на «Беларуси». Этот особенно ей нравился. Лидия Егоровна стала высококвалифицированной трактористкой. В 1970 г. она была награждена медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина». Свои высокие соцобязательства всегда выполняла.

Трактористка-стахановка Савинова Лукерья Николаевна (1918 г.р.) из д.Новая Казмаска Завьяловского района после начальной школы начала работать в колхозе, потом окончила курсы трактористов и пахала колхозные поля. Стала мастером: при качественной вспашке ежегодно перевыполняла нормы выработки. Имела

авторитет среди механизаторов. Не раз премирована дирекцией Ижевской МТС. Награждена орденом Трудового Красного Знамени. Избиралась депутатом Новомартьяновского сельского совета (9; 4, л.65).

Не перечесть всех трудностей, которые вынесли трактористки. Металл не выдерживал, трактора ломались, а женщины вытерпели. Были, правда, случаи, когда от тыловых трудностей бежали... на фронт, считая, что лучше погибнуть в бою, чем повседневно терпеть эти тяготы, да еще незаслуженные, несправедливые унижения и угрозы начальства.

В начале 2000 г. работники сельского Дома культуры деревни Средний Постол Завьяловского района решили устроить встречу с женщинами-трактористками военных лет. Задача оказалась непростой: девушки поменяли фамилии, адреса. Всё же им удалось собрать 13 трактористок, работавших в Норьинской МТС Завьяловского района* .

Вера Максимовна Сидорова, как и большинство сельских детей её поколения, уже в 12 лет начала работать в колхозе в родной деревне Средний Постол (Чӧжгурт) Завьяловского района. В 1939 г., когда ей было 16 лет, её послали на курсы трактористов в МТС. Работала на тракторе НАТИ, из-за неисправности которого часто приходилось останавливаться, а председатель кричал на них с напарницей за простои, грозился отдать под суд. Однажды бригадир, которому они пожаловались на неисправность трактора, проверил и убедился, что они правы. Но ничего не изменилось. В конце концов, Вера не выдержала и, уволившись из МТС, отправилась на фронт. Попала в зенитно-артиллерийский полк на фронте, которым командовал Г. К. Жуков, не раз видела его. Пройдя двухмесячные курсы водителей, получила «Студебеккер» и возила всё, что грузили на машину, случалось, была и под бомбежкой, но ни одна пуля не задела её. Войну закончила в Польше. Домой вернулась лишь осенью 1945 года. А её подруга Настя Андреева, оставшаяся в колхозе, в 22 года сгорела в тракторе во время ремонта. После войны Вера Максимовна работала на льнотеребилке, т.е. осталась механизатором.

Слова «отдать под суд» в те годы были не просто угрозой. Зоя Игнатьевна Сапожникова однажды утром не смогла завести трактор. Никто не помог ей в то утро и, выбившись из сил и отчаявшись, в слезах она ушла домой. Её судили и отправили на лесоповал. Там

---

* Ныне с.Норья входит в Малопургинский район.

было еще тяжелее. Работали, как рабы, вынося побои: когда не могли поднять бревна, их били.

Жизнь складывается из множества эпизодов повседневности, радостных и горьких, страшных и смешных. Веревкина Матрёна Федосеевна, направляясь однажды на ночную смену, встретилась с тремя волками. Было очень страшно, знала, что если побежит, тут же разорвут. Стала молиться и кричать благим матом, и волки отошли... Нередко и спали в поле... А вот когда трактор работал исправно, от радости пели, стараясь перекричать гул мотора (10).

Вспоминает Овчинникова Вера (Ирина) Игнатьевна (1924 г.р.): «В 1939 г. послали на курсы трактористов. Боясь, что не смогу, отказывалась. После курсов сначала поработала прицепщиком, в 1940 г. села на трактор. Позднее еще прошла курсы: осваивала трактор НАТИ. Огромный трактор, а работники одни девушки. Мучились заводить, сил не хватало, каждый раз со слезами. А директор Норьинской МТС Воробьёв А.И. был злым как огонь, ничего спросить было нельзя. Нынешним и не представить тех наших мучений, от которых ныне нестерпимо болят и спина, и поясница...» (12).

Никитина Таисия Николаевна трактористкой стала еще до войны. Выйдя замуж за первого в деревне тракториста, работала у него прицепщиком. Помогая мужу при ремонте, познавала механизм. Когда её направили на курсы трактористов, муж одобрил. Жизнь шла своим чередом: работали, растили детей, ждали третьего ребенка. Но началась война. На второй день мужа проводила и больше его не видела: в боях под Смоленском он погиб. Всю войну Таисия работала трактористом. Днем и ночью на полях или на ремонте за полкаравая хлеба. Детей мало видела. К концу войны подросший сын стал помогать матери, одно лето работал у неё прицепщиком. Таисия Николаевна проработала трактористом 19 лет, потом возглавила звено льноводов (11).

Байсарова Антонида Сергеевна (1927 г.р.) за штурвал трактора села в 1942 году, пройдя курсы трактористов в Кечевской МТС. Работали днем и ночью, без освещения, из-за чего случались неприятности и драмы. Работала не хуже других, но других хоть медалями отметили, а её, как дочь кулака, обошли. Пенсия маленькая, большая часть уходит на дрова, которые приходится доставлять за 30–40 км. Поэтому, можешь – не можешь, надо содержать огород и скотину. «Никому мы не нужны теперь»,– говорит Антонида Сергеевна (7).

Ветеран труда Иванова Надежда Михайловна из дер. Ляльшур Шарканского района (1924 г.р.) в годы войны участвовала в

строительстве железной дороги Ижевск–Балезино. На трактор села в год окончания войны и 14 лет пахала поля родного района и еще три года работала на комбайне. Упав с трактора, сломала ногу, пришлось поменять работу: с 1959 по 1964 год трудилась на свиноферме. На колхозном труде получила 1-ю группу инвалидности (5).

Фёкла Никитична Ильина (1931 г.р.) начала работать в колхозе после окончания четырех классов школы. Выполняла разные работы, в том числе и в лесу. В 1951 г. послали на курсы трактористов, где освоила дизельный трактор ДТ-54. Работали по два человека (тракторист и прицепщик), смены продолжались по 12 часов: с 6 до 18 и с 18 до 6. До места работы и обратно домой по 5–6 км ходили пешком. В 1956 г. попала под культиватор, покалечилась, стала инвалидом, и с трактора пришлось уйти. Потом работала кладовщиком, продавцом*

Из вышеизложенного понятно, что многие девушки стали трактористками не по собственному выбору, а как мобилизованные условиями войны, и исполняли работу как повинность. Многие из них трудились на колесных тракторах, у которых не было кабины, в любую погоду находились под открытым небом. В связи с тем, что хорошие трактора были увезены на фронт, в тылу, на полях, работали на изношенных машинах, нуждавшихся в постоянном ремонте, который был особенно труден для женщин и молодых девушек. Из-за нехватки мужского населения еще и в послевоенные годы женщин принуждали идти в трактористы. Освобождали от этой работы лишь с выходом замуж, позднее – когда стало достаточно механизаторов-мужчин. Те, кому полюбилась профессия, продолжали работать и при этих условиях.

Были, разумеется, среди девушек и такие, которые мечтали о профессии тракториста. Богатыревой Зое Александровне из деревни Сепыч Завьяловского района с детства хотелось стать трактористкой, но её мобилизовали в школу ФЗО, а оттуда – на завод. Когда закончилась война, вынуждена была работать в полеводческой бригаде. И лишь когда материально стало немного легче, пошла на курсы трактористов. 1952 год запомнился ей на всю жизнь: сбылась её мечта – она стала трактористкой. В первый же день она вспахала 12 га в один приём, без передышки. Еще в школьные годы тянуло к трактору Любу Дровосекову, на занятиях по профориентации дево-

---

* Записано автором со слов Ильиной Ф.М. 19.04.2003 г. в д.Нижние Юри Малопургинского района.

чек учили животноводству, а мальчикам преподавали «механизацию», её туда не взяли. Окончив школу, она поступила в Увинское СПТУ и получила желанную профессию. После нескольких лет работы её отстранили, ссылаясь на инструкцию, запрещающую допуск женщин к технике. Поработав некоторое время разнорабочей, Любовь Михайловна поняла, что не может без трактора, и стала просить, чтобы ей дали трактор, да так настойчиво, что руководство СПК согласилось, тем более что кадров механизаторов в СПК остро не хватало. Она вновь села на трактор и выполняла все необходимые работы. Еще и спортом занималась, она была одной из сильнейших среди женщин республики по армспорту.

Развитие сельскохозяйственного производства и техники обусловило появление различных специалистов, которых не знала старая удмуртская деревня. Женщины, в том числе и удмуртки, одни, отвечая на вызовы времени, другие, выполняя приказ, третьи – по зову души, успешно осваивали новые профессии и специальности. Массовое овладение трактором, продиктованное военной ситуацией, было ответом женщин на приказ Родины. И трудились они, как могли, выбиваясь из сил, часто во вред собственному здоровью.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева Л.* Трактористка // Рассвет (газета Якшур-Бодьинского района). 1984. 13 октября.

2. *Банникова Т.* У Любаши спорт и труд рядом идут // Земля Удмуртии. 2003. №15. С.3; *она же.* Удалтӥз Любалы телевизорен [Повезло Любе с телевизором] // Удмурт дунне. 2003. 17 сентября.

3. Герои Социалистического Труда – наши земляки. Ижевск, 1983.

4. Депутаты Верховного Совета УАССР. Третий созыв. Архив УИИЯЛ. 1951.

5. *Князева Н.* Синвуэз кисьтӥськиз [Пролились слёзы] // Удмурт дунне. 2000. 30 мая.

6. *Казаков К.* Оправдает доверие народа // Удмуртская правда. 1951. 4 февраля.

7. *Кузнецов К.* Шудо-а тон, Антонида Сергеевна? [Счастлива ли ты, Антонида Сергеевна?] // Удмурт дунне. 1993. 11 марта.

8. *Кузнецова З.* Руль сьӧрын – кышномурт [За рулем – женщина] // Удмурт дунне. 1997. 1 марта.

9. *Кутявин П.* Знатная трактористка // Удмуртская правда. 1951. 4 февраля.

10. *Ломагин К.* Синкылиоссэс ньылӥз музъем [Их слёзы впитала земля] // Удмурт дунне. 2000. 16 марта.

11. *Мосов М.* Вазен секыт вал но, шулдыр вал [Раньше было трудно, и все же веселее] // Удмурт дунне. 1992. 15 декабря.

12. *Овчинникова И.* Чидасез кема улэ [Терпеливый живет долго] // Удмурт дунне. 2000. 11 июля.

13. *Ушаков Л.* Музъеме усем тысь удатэк уг кыльы [Упавшее в землю зерно прорастает] // Сов. Удмуртия. 1990. 9 августа.

14. *Фролова Т.* Шуг-секытъёслы сётскытэк [Не поддаваясь трудностям]// Сов. Удмуртия. 1990. 2 мая.

15. *Христолюбова Л.* С. Удмуртские женщины. XX век. Ижевск, 2002.

16. Якшур-Бодья – сердцу милый уголок. 1929–1999. Ижевск, 1999.

17. Центр документации новейшей истории УР (далее – ЦДНИ). Ф. 92. Д. 136.

18. ЦДНИ. Ф. 92. Д. 123.

19. ЦДНИ. Ф. 92. Д. 381.

Lyudmila Khristolubova

ABOUT NEW PROFESSIONS OF UDMURT WOMEN IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY (TRACTOR DRIVERS)

In the 20th century Udmurt women mastered a lot of professions that were unusual for them. In the article the main consideration is given to the female tractor drivers. It is because of the Great Patriotic War women have to master this profession. In 1943, for example, there were 742 tractor brigades in Udmurtia; 416 brigades consisted only of women. Three thousand and five hundred women and young girls worked as tractor drivers. Their hard work is also presented in the article.

«Финно-угроведение», 2003, №2.

Игорь Поздеев
Ижевск

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ УДМУРТСКОЙ ДИАСПОРЫ В РЕСПУБЛИКАХ МАРИЙ ЭЛ И ТАТАРСТАН
(по материалам этнографической экспедиции 2003 года)

Процессы глобализации и унификации, происходящие в современном обществе, рост и активизация межэтнических контактов обострили проблему сохранения этничности, актуальную для народов всего мира. В связи с этим возрастает интерес к теме диаспор в научных и политических кругах, как за рубежом, так и в России.

Проблема диаспоры для финно-угорских народов является одной из злободневных. Особо остро она затрагивает удмуртский этнос, из общего числа которого 250,3 тыс. человек (33% от всего этноса) проживает за пределами своей титульной республики, составляя диаспору. Значительная её часть – 106,8 тыс. человек – расселена на территории Волго-Камского региона. Диаспора остро нуждается во внимании в сфере культуры, печати, школьного образования, в вопросах кадровой политики и форм представительства в органах управления на местах. Для разработки практических программ по оказанию помощи периферийным группам удмуртов необходимы глубокие знания ситуации по вопросам межнациональных отношений в местах их проживания, проблем материального и духовного жизнеобеспечения.

Исходя из актуальности изучения удмуртской диаспоры, Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН одним из основных направлений своей научно-исследовательской деятельности поставил задачу: обследовать локальные группы удмуртов, что легло в основу концепции монографического исследования «Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа» (на примере удмуртской диаспоры Кировской и Пермской областей,

республик Башкортостан, Татарстан, Марий Эл). В рамках реализации данной концепции в 2002 году в Пермской области и Республике Башкортостан была проведена этнографическая экспедиция по комплексному изучению современного состояния удмуртской диаспоры. С 25 по 31 августа 2003 года экспедиция состоялась на территории Мари-Турекского района Республики Марий Эл, Балтасинского и Кукморского районов Республики Татарстан.

Мари-Турекский район широко известен как в самой Республике Марий Эл, так и за её пределами. Район прославлен многими именитыми выходцами, среди которых можно назвать академика Мосолова Василия Петровича; профессора Ленинградского Института живописи, скульптуры и архитектуры им.И.Е.Репина Платунова Михаила Георгиевича; заместителя начальника госпиталя имени Бурденко, члена Нью-Йоркской Академии наук Ардышева Вячеслава Николаевича; бывшего Президента Марий Эл Кислицына Вячеслава Александровича. Стоит заострить внимание на двух обстоятельствах, выделяющих район в истории финно-угорских народов: в 1891, 1894 годах район посещал финский ученый Ю. Вихманн, собравший здесь богатый фольклорный материал, а в 1895 году удмурт Андреев Кузьма Андреевич открыл в Большом Карлыгане первую вотскую школу.

Районная администрация старается налаживать связи с Удмуртской Республикой и Республикой Татарстан. Так, Мари-Турекский краеведческий музей дружит с музеем «Дружбы народов» Балтасинского района, Национальным музеем УР имени К.Герда (Ижевск). Идёт активный обмен выступлениями творческих коллективов, не первый год дети из Мари-Турека ездят летом отдыхать в «Шундыкар», многие выпускники школ выбирают для поступления вузы Удмуртии. Немалая заслуга в этом принадлежит «Центру удмуртской культуры», финансируемому из районного и республиканского бюджетов. Постоянные контакты сыграли положительную роль и для нашей экспедиции – районная администрация обеспечила нас всеми необходимыми сведениями, документами, а также взяла на себя решение бытовых вопросов.

Основной источник дохода местного населения – индивидуальные хозяйства. Респонденты из деревень Лом, Сизнер, Большой Карлыган, Малый Карлыган, в которых проживает преимущественно удмуртское население, сообщали, что практически каждая семья имеет по две коровы, откармливают бычков, свиней, выращивают много овощей, особенно картофеля. Таким образом, в деревне

стараются обеспечить себя всеми необходимыми продуктами питания. Но полностью на самообеспечении хозяйство находиться не может. На что-то надо покупать одежду, лекарства, отправлять детей в школу, платить за газ, потребляемое электричество. В колхозах зарплату не выдают месяцами. Большой удачей считается, если кто-либо из членов семьи работает в бюджетной организации. Крестьяне вынуждены производить как можно больше продукции на продажу. Для того, чтобы обеспечить себя самым необходимым, крестьянская семья работает с утра до вечера. Но и это не является гарантом материального благополучия. Проблема диспаритета цен на сельхозпродукцию актуальна для всей России, а в Мари-Турекском районе усугубляется удаленностью от основных потребителей – городских жителей – и отсутствием у большинства населения транспорта для перевозок. Поэтому перекупщики скупают продукты по низким ценам. Это приводит к тому, что на продажу идет даже продукция, необходимая самим крестьянам. По словам директора Ломовской ясли-сад-школы Д.А.Овчинниковой, в деревне многие вынуждены сдавать всё мясо, практически не оставляя ничего для себя.

Тяжелый ежедневный труд, небольшая заработная плата, отсутствие возможностей культурного проведения досуга (на несколько деревень всего один клуб), неуверенность в завтрашнем дне приводят к следующим последствиям: увеличивается количество уезжающих в райцентр и города (особенно активна в этом плане молодежь), растёт пьянство, наблюдается нежелание заводить семью. Так, в деревне Лом свыше сорока мужчин репродуктивного возраста не женаты. При беседе с одним из них выяснилось, что основная причина сложившейся ситуации – отсутствие потенциала для достойного обеспечения семьи.

Интересным было знакомство с жителями деревни Малый Карлыган. Деревня считается зажиточной – на 28 хозяйств имеется 11 тракторов. Окрестные жители прозвали её деревней «новых удмуртов». Среди людей, проживающих в ней, сильны традиции коллективизма и взаимовыручки. Так, в разгар сельскохозяйственных работ (особенно на сенокосе) они бесплатно помогают друг другу. Крупные праздники традиционно справляют вместе. Правда, молодежь старается отмечать отдельно от взрослых, но это не вызывает нареканий со стороны старших. Молодое поколение здесь с ранних лет приучается к труду. Видимо, поэтому многие после учёбы приезжают обратно, хотя и не стремятся устраиваться в колхозы, а больше стараются работать на себя.

В Мари-Турекском районе компактно проживают представители четырех национальностей: удмурты, марийцы, русские, татары. Сохранение диаспоры удмуртов возможно лишь путем передачи этнокультурных особенностей подрастающему поколению, его этнической социализации. Социализация ребенка начинается в семье, и здесь особую роль играет язык, на котором разговаривают родители. Отметим, что в исследуемых деревнях удмурты между собой разговаривают практически только на удмуртском языке. В школах изучают удмуртский и марийский языки по подгруппам. Обучение удмуртских детей затруднено отсутствием современной учебной и методической литературы. По словам директора Карлыганской средней школы, ученики между собой предпочитают общаться на русском языке, на родном языке разговаривают лишь дети из малых деревень.

В беседах люди часто сетуют на то, что в библиотеках мало книг на удмуртском языке, книжные новинки практически не поступают. Так, в библиотеке Большого Карлыгана всего 106 книг на удмуртском языке, а периодику из Удмуртии не выписывают. Лишь в школе получают «Вордскем кыл», что явно недостаточно. Простому крестьянину что-либо выписать достаточно сложно, и причина одна – отсутствие денег. В Мари-Турекском районе «не ловятся» теле- и радиопередачи на удмуртском языке, поэтому среди удмуртов существует огромная потребность в усилении информационных контактов с Удмуртией, люди хотят быть в курсе событий, происходящих в титульной республике.

Следующий пункт пребывания экспедиции – Республика Татарстан, Балтасинский район. В районе была горячая пора – шла уборочная кампания, представители администрации разъехались по колхозам. Но членам экспедиции удалось пообщаться с заместителем главы администрации по социальным вопросам Р.И.Шакировым. По его словам, удмурты принимают активное участие в жизни района, республики. Выпускается газета «Азьлане» на удмуртском языке, проводится праздник «Гырон быдтон», строятся новые школы. 10 лет подряд актив удмуртских представителей приглашают в Казань на празднование Дня суверенитета. В районных масштабах есть немало известных людей–удмуртов. Но наиболее активные всё же стараются уехать в Ижевск.

В районе удмурты проживают в 20 деревнях, основная часть – в Ципьинском и Кушкетском сельсоветах. По словам опрашиваемых удмуртов, жизнь у них лучше, чем в соседней Кировской области и

Марий Эл. Сельскохозяйственные кооперативы твердо стоят на ногах, помогают колхозникам, обеспечивая по льготным ценам зерном, сеном. Заработную плату стараются выдавать регулярно. Все населенные пункты газифицированы. Кроме того, население получает доход, занимаясь выращиванием домашних животных и птицы. За мясом часто приезжают из города Иваново и Республики Коми. За счет продажи мяса люди активно строятся. Молодежь через администрацию может получить ссуду на строительство жилья сроком на 15 лет. Кроме того, через сельские советы организован прием молока от населения. Расплачиваются за него каждые 10 дней. Это относительное благополучие привело к тому, что в районе наблюдается прирост населения, за годы реформенных потрясений сохранились все деревни.

Отдельно хочется рассказать о школьном образовании. Удмуртские дети в основном посещают школы в Ципье и Среднем Кушкете. При первом посещении Ципьинской средней школы нам показалось, что мы попали в санаторий. Чистые асфальтированные дорожки, ухоженные клумбы, огромное количество роз, новое здание школы – всё рождало в душе чувства восхищения и зависти к тем, кто здесь учится и работает. Интересной была беседа с директором школы В.Ф.Трофимовым, удмуртом по национальности. По его словам, современное здание школы построено в 1997 году. В ней находится 2 спортзала, актовый зал, рабочие мастерские для юношей и девушек, компьютерный класс, оснащенный 11 компьютерами. Каждый кабинет оборудован телевизором, видео- и аудиомагнитофоном. В школе имеется автобус, легковой автомобиль «Жигули», трактор «Беларусь», грузовик ГАЗ-66.

Основную прибыль школе приносит пришкольный участок. Благодаря ему, детей обеспечивают бесплатными обедами, на вырученные от продажи продукции деньги были куплены «Жигули», а также проводятся все внеклассные мероприятия. Летом все дети обязательно проходят на пришкольном участке практику: ученики начальных классов – 3–4 дня по 1 часу, 5–7 классы – 10 дней по 3 часа, 11 класс – 18 дней по 4 часа. Кроме того, осенью дети работают в колхозе по договору – собирают картофель. За это школа получает 4% от количества собранного картофеля, а школьникам ещё выдают зарплату.

В школе ежегодно учится 420–450 человек, из них 195 детей удмуртов, 181 – татар, 37 – мари, остальные – дети от смешанных браков. Сюда приходят учиться из 13 деревень. Обучение идет на

русском языке, по 2 часа в неделю все изучают татарский язык, который является в Татарстане государственным. Удмурты и марийцы посещают уроки по изучению удмуртского и марийского языков. Ученики охотно изучают родные языки и в неформальных группах разговаривают на них, а с представителем другой национальности – на русском.

Учительский коллектив состоит из 47 человек, из них большинство – удмурты. Правда, мужчин-удмуртов среди учителей только двое, что объяснили бытующим стереотипом среди удмуртов: настоящий мужчина должен работать руками, физически. Учителя удмуртского языка при беседе с нами жаловались на нехватку учебников, методичек для работы, в библиотеках мало книг на удмуртском языке. Дети сами выписывают журналы и газеты: «Зечбур», «Кизили», а школа получает из периодических изданий «Кенеш», «Вордскем кыл», «Инвожо».

Несколько лет удмурты из деревень Турья, Кушкет, Карык-Серма добивались строительства нового здания школы в деревне Средний Кушкет. Родители посылали письма Президенту Татарстана, обращались с наказами депутатам. Во время экспедиции в новом здании школы шли уже заключительные работы. До момента открытия оставался один месяц, здесь разместятся актовый и спортивный залы, учебные кабинеты, оборудованные всем необходимым. Завозились станки, учебная мебель, бытовая техника – холодильники, швейные и стиральные машины. Уже построены электроподстанция, гараж, котельная, футбольное поле, хоккейная коробка. Директор школы И.В.Ермаков очень просто и вместе с тем ёмко выразил своё отношение к той победе, которую одержал он, учителя и родители: «Я очень рад, мы все очень рады».

В основном удмурты заняты в сфере физического труда. Никого из удмуртов не смущало то, что председателями колхозов, в которых большинство работающих удмурты, являются татары. Считается, что татарину проще добиваться чего-либо у районных и республиканских властей.

По мнению председателя Общества удмуртской культуры «Кенеш» Л.Д.Сапожникова, народ удмуртский здесь довольно замкнут. Многие живут по принципу: «не выделяться (не возникать), довольствоваться отведенным местом». Это может привести не только к общественной, но и духовной самоизоляции. Так, люди не хотят даже ходить на бесплатные концерты, например, Валентины Пудовой. Как метко заметил Леонид Дмитриевич, «нашему народу работу да-

вай – хлеба не надо». Интересная ситуация складывается в области межнациональных отношений. Смешанные браки есть, но в последнее время, по словам опрашиваемых, среди татар верующие родители не желают, чтобы их дети брали удмуртов в супруги. Да и среди удмуртов среднего и старшего поколения бытует мнение, что в татарских семьях их ребенку будет неуютно: уж лучше пусть вступают в брак с удмуртами или русскими.

К событиям, происходящим в Удмуртии, все удмурты проявляют живой интерес. Но многие из них дистанцируются от удмуртов титульной республики, считая себя «более» удмуртами, потому что они сохранили свой язык, учат ему детей и он остаётся востребованным. Кроме того, стараются сохранять и элементы традиционной этнической культуры. Например, свадьбы стараются проводить по устоявшимся канонам, соблюдая традиционные обряды.

Заключительный этап экспедиции проходил в Кукморском районе Республики Татарстан. Удмурты проживают во всех сельских советах, составляя значительную часть населения района. Администрация района в связи с подготовкой к новому учебному году не могла уделить достаточно времени, поэтому членов экспедиции передали на попечение председателю Ош-Юмьинского сельского совета Г.Н.Тихонову и директору средней школы В.П.Иванову. Даже на первый взгляд была видна разница в уровне жизни по сравнению с Балтасинским районом. Дороги находились в плохом состоянии, во многих деревнях нет газа. По словам Геннадия Николаевича, основная причина – отсутствие средств у населения (за подключение газа нужно платить 12–15 тысяч рублей). Колхозы из-за слабого экономического положения не могут помочь в газификации. Заработную плату колхозникам выдают не полностью, часто – фуражом и сеном. Поэтому, чтобы выжить, приходится «крутиться». Как сказал один из колхозников, «даже табак курить некогда». В основном деньги выручают от продажи мяса и картофеля, сдачи молока. По указанию главы районной администрации приём молока ведется через сельсоветы. Кроме того, много людей ездит на заработки в соседние Вятские Поляны, Казань, Кукмор, но связи с деревней не теряют.

В разговорах часто высказывалась мысль, что при желании человек может зарабатывать деньги. И люди стараются это делать, пытаются искать дополнительные источники для поддержания своих хозяйств. Пусть в небольших масштабах, но идет строительство индивидуальных домов. Интересный факт отметил председатель Ош-

Юмьинского сельсовета: прежде, чтобы увезти больного в райцентр, всем «миром» искали транспорт, а сейчас автомобили имеются чуть ли не в каждом третьем дворе. Но не все оказались готовы к переменам. По мнению фельдшера Ош-Юмьинского медпункта, татары более предприимчивы, чем удмурты. Те в свободное от работы время катают валенки, вяжут шали, удмурты же этим не занимаются. Вообще удмурты в Кукморском районе живут достаточно замкнуто, в браки стараются вступать с представителями своей этнической среды, даже если для этого нужно искать партнера в соседних сельсоветах. При посещении удмуртов Мари-Турекского и Балтасинского районов радовало большое количество местных фольклорных ансамблей, как детских, так и взрослых. В Кукморском районе нет постоянного фольклорного коллектива, люди даже на концерты удмуртских артистов ходят неохотно.

При анализе руководящего состава районного уровня выявляется следующая картина: во главе всех колхозов в районе стоят татары, даже в тех, где работают только удмурты. И когда районное начальство, игнорируя пожелания удмуртов, назначает председателем татарина, который живет в другом месте, не умеет разговаривать с людьми на их родном языке, то это вызывает недовольство жителей. По их мнению, с таким руководителем нет перспективы. Кроме того, зачем приезжему руководителю проводить газ, асфальтировать дороги, открывать какое-либо производство? Он приехал и уехал. Всё перечисленное подтверждается тем, что видна большая разница между татарскими и удмуртскими деревнями: татарские деревни газифицированы, дороги заасфальтированы, а перед удмуртскими деревнями асфальт обычно заканчивается за километр. В результате, невозможность изменения ситуации рождает апатию и недовольство среди удмуртов.

В целом, по результатам этнографической экспедиции можно проанализировать социально-экономическое положение удмуртов в республиках Марий Эл и Татарстан. Безусловно, необходимы дальнейшие исследования, а также нужно отметить, что независимо от экономической ситуации, в которой находятся диаспоры, они нуждаются в заботе со стороны руководства Удмуртии. При этом следует обратить внимание на следующие моменты, наиболее остро стоящие перед удмуртами в настоящее время: реализация сельскохозяйственной продукции, содействие в получении специального образования.

Igor Pozdeyev

UDMURT PEOPLE MODERN CONDITION IN THE TATAR AND MARI-EL REPUBLICS
(on the materials of anthropology expedition during 2003)

An article is based on the materials collected during anthropological expedition in Mari-Turekskiy district of Mari-El Republic and Baltasinskiy and Kukmorskiy districts of Tatar Republic in 2003. The analysis of the data gives the possibilities to make conclusion that rural Udmurt people in the Tatar and the Mari-El Republics have difficulties which connected with agricultural reforms in the Russian Federation and problems connected with their localization in the area where the most population are Tatar and Mari people.

«Финно-угроведение», 2003, №2.

Надежда Федосеева
Йошкар-Ола

ЛАГЕРНАЯ ТЕМА В МАРИЙСКОЙ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ (1970–1990-е гг.)

Сегодня, когда мы переступили порог XXI века, многие обращают свой взор к так называемой мемуарной прозе. Вспоминать стало модно. Во-первых, такой интерес можно объяснить тем, что в исторически сложившихся условиях демократизации общества дана свобода слова, т.е. появилась возможность рассказать о неизвестных страницах жизни, которые находились под запретом. Во-вторых, автору приятно поделиться накопленным опытом.

Любой мемуарист старается достоверно рассказать о значимых событиях жизни, которые, по его мнению, были ярче, живее сегодняшних. Для мемуаров характерна интеллектуальная напряженность, обдумывание серьезнейших современных и вечных проблем. Они ценны для нас, прежде всего, работой мысли, заставляющей задуматься о прошлом, об ответственности за происходящие события. Мемуарный жанр – это еще и эстетическая структура, подчиняющаяся тем же законам, какие характерны для художественной литературы, но в то же время имеющая свои типологические черты.

Каждый писатель открывает нам духовные ценности своего времени в индивидуально-личностном восприятии, отображает свое отношение к воспроизводимому. Сюжетом произведения становится история жизни автора или ее важные фрагменты, а стилевая доминанта определяется особенностями характера повествователя.

В мемуарной литературе преобладает субъективизм, несущий на себе отпечаток личности автора, его вкусов, симпатий, антипатий. В произведениях такого характера автор не просто рассказывает об увиденном или услышанном, он сам становится участником изображаемого, главное то, что он сам это пережил.

Повествователь, подводя итог своей жизни, не просто рассказывает, а оценивает, не повествует, а исповедуется, не делится увиденным, а извлекает уроки, не гордится, а кается или оправдывается. В большинстве случаев можно заметить, что автор в марийских мемуарах оправдывается (И.Осмин, В.Любимов). Автор выступает не только как сочинитель, но и как действующее лицо, персонаж, несущий основную смысловую и художественную нагрузку, герой, чье самосознание является организующим центром произведения.

В мемуарах повествование ведется от первого лица. По своей форме изложения они напоминают дневник, а по материалу, содержащему сведения об эпохе и авторе, относятся к исторической прозе. Любое мемуарное произведение оценивается с точки зрения того, насколько точно автор помнит события и описывает их. В связи с этим возникают проблемы жанра: достоверность и нравственность, которые трансформируются в сфере личностных отношений и оценок. Писатель идет от впечатления к событию. Личность автора, его субъективное отношение является стилевой доминантой в мемуарах. При этом одним из важнейших факторов художественного восприятия является атмосфера подлинности.

Жанрово-стилевые искания мемуаров определяются индивидуальным воссозданием авторского «я», они зависят от избранного аспекта изображения событий. Мемуарист не просто «вспоминает» факты из личной жизни, а анализирует поступки, чувства, переживания. При раскрытии духовного мира писатель пользуется методом психологического анализа, приемом «внутреннего монолога». Психологический анализ внутреннего мира определяет жанрово-стилевое своеобразие мемуарных произведений. Здесь автобиография, документальность и исповедь воссоединяются в одно целое, только одно из этих составляющих выражается сильнее.

В мемуарах марийских писателей преобладает автобиографизм, когда автор пытается осознать значение своей личности в соотношении с обществом и эпохой. Авторы пишут о том, что сами видели, выбирая из своих впечатлений и наблюдений типичное, характерное для изображаемой эпохи и своего поколения. Они не раз подчеркивают это: «я так помню», «мы так жили».

Марийские мемуары созданы на материале личной биографии, взятой как момент истории. С первого взгляда как бы охватывается временной пласт, в котором жил автор, но в то же время этот период характеризуется как факт внутренней жизни человека, запечатлевшийся в его памяти. Каждое описанное событие связано с преды-

дущим и с тем, что должно свершиться в дальнейшем эпизоде. Это помогает установлению связи времен, «которая ценима и обязательна в мемуарной литературе» (1, с. 20).

В литературе народов России в последнее время особое место занимает так называемая *лагерная тема*, раскрывающая нам неизвестные страницы жизни репрессированных людей в 30–50-е годы XX века. В мемуарах марийских писателей так же, как и в известном произведении А.Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ», арестовывают ничего не подозревающего, занятого домашними делами человека, затем доставляют в тюрьму, ведут следствие, судят, увозят в лагерь. А лагерь – это целый мир, где человек превращается в особое существо со своим образом жизни, мыслями, представлением о ней. Но основным объектом художественного исследования является не просто человек, а его душа, изображение того, что видит, чувствует, переживает человек. Нельзя не согласиться с мнением О.Павлова о том, что лагерная тема «закрытой или завершенной быть не может, потому что это святой тон и голос наших мертвых, праха земли нашей. Донести правду о пережитом, увиденном дано было немногим – выжившим, оставшимся людьми». Но эта проза «сложнее мемуарной, сложнее документа и свидетельства», т.к. она состоит прежде всего «не из воспоминания, а из страдания» (2, с. 176).

В то время, в 30–50-е годы, страдали многие, особенно интеллигенция. Тысячи ни в чем не повинных людей погибли в лагерях и тюрьмах. Это началось сразу после революции. В.И. Ленин еще летом 1918 года подписал правительственные распоряжения, которые были направлены на массовый террор классовых врагов. Сам он высказывался так: «Сомнительных запереть в концентрационный лагерь...». Концентрационные лагеря называют «чумой XX века». Они стали высшим проявлением тоталитаризма, породившего феномен «административного массового убийства. Гражданская война способствовала росту численности лагерей. Уже к концу 1921 года на территории РСФСР функционировало 122 лагеря» (3, с. 5–6).

Исследователь Т.И. Иванова (3, с. 6) отмечает, что, по официальным данным на 1 января 1953 года, в лагерях и колониях СССР содержалось 2 472 247 человек, только за 1930–1931 годы в ссылку на спецпоселения было отправлено 1 803 392 человека.

Вот что принес этот виток истории в судьбу российского народа. Чуть не погубил всю культуру, литературу, искусство народов Рос-

сии. Как это происходило, как люди чудом выживали, какие прошли испытания в нечеловеческих условиях, рассказывают мемуары. Были сосланы и убиты самые яркие таланты марийской литературы: И.Шабдар, Н.Игнатьев, Я.Ялкайн, С.Чавайн, О.Ипай, А.Эшкинин, В.Мухин и другие. В каждом номере газеты «Марий коммуна» кого-нибудь да подвергали критике. Одним словом, проводилась кампания по уничтожению «врагов народа», которыми были в основном молодые марийские писатели: «Конец вредительству в литературе» (6 мая, А.Эрыкан), «Из собрания писателей, состоявшегося 6 мая» (9 мая, третья полоса газеты), «Покончить с буржуазным национализмом в марийской литературе» (11 сентября, В.Элмар).

В 90-е годы XX века в журнале «Ончыко» («Вперед») появилась рубрика «Эртыме корно» («Пройденный путь»). Статьи и очерки, опубликованные под этой рубрикой, рассказывают о политической жизни в 1920–1930-е годы в Марийском крае, о репрессированных писателях. На основе документов авторы статей (Сануков К.Н., Зайниев Г.З. и др.) восстанавливают факты из жизни знаменитых деятелей республики. Эта тема также нашла освещение в художественной литературе. Такие произведения известны под жанром *документальная повесть* или *повесть, написанная на основе документов* и т.д., например, «*Ача дек эрге*» («*Отец и сын*») *Ф.Майорова*.

Первым произведением о периоде проявления тоталитаризма в марийской литературе, наверное, является повесть *«Ава шӱм» («Сердце матери») В.Иванова*, написанная еще в середине шестидесятых годов прошлого столетия, но опубликованная лишь в восьмидесятых. Нужно отметить, что подобные произведения нашли своего читателя лишь в перестроечное время. Об истории создания этой повести подробно рассказывает известный переводчик В.Муравьев (4, с. 63–65). В феврале 1965 года произведение было завершено и рукопись отдана в редакцию журнала «Ончыко» с целью дальнейшей ее публикации. Но работники обкома партии отклонили издание повести, объясняя тем, что надо публиковать материалы, посвященные пятидесятилетию Великого Октября, а не писать о культе личности.

Главные герои – Варвара Ивановна Садаева и ее сын Эдик. По своей форме повесть является дневником-воспоминанием Варвары Ивановны. Исследователь Н.И. Кульбаева отмечает особенности данного произведения: «Писатель не предпринимает каких-либо попыток широкого осмысления культа личности, его историко-

философского анализа. Им точно отмерены как доля осведомленности, так и круг событий, которыми может располагать героиня – библиотекарь сельской школы. Источником ее информации были письма от мужа (одно письмо в год) и рассказ человека, отбывавшего с ним срок в одном лагере и вышедшего на волю в середине пятидесятых годов» (5, с. 47). Прототипом Эдика Садаева является автор первой марийской оперы Эрик Сапаев. Повесть наполнена чувством ожидания, предчувствием торжества правды. Тяжелая атмосфера витает над судьбами героев, оказывая влияние на их будущее.

О мастерстве писателя свидетельствует своеобразная манера изложения – лирико-философское повествование в форме дневника. Но нельзя не сослаться на мнение Г.Сандакова (6, с. 143–144) о том, что повесть эта не документальный биографический очерк-портрет, а художественное произведение со всеми присущими ему свойствами и чертами.

Одним из первых к жанру мемуаров на тему лагерной прозы обратился *Василий Ошэл,* его повесть *«Айдеме илаш шочеш» («Человек рождается жить»)* вышла отдельной книгой в 1990 году. Вот как пишет об этом произведении и его авторе известный марийский писатель Ю. Артамонов: «В разных лагерях Ошэл Василий какую работу только ни делал? Рубил лес, строил бараки, хоронил умерших, мыл золото, строил дорогу... всего не перечислить. Но где бы ни был, когда бы то ни было, оставался человеком. Жил с одним: если человек рождается жить, он должен оставаться человеком, а не превращаться в дикого зверя» (7). С первых страниц воспоминания мы узнаем о тревожных тридцатых годах периода культа личности Сталина. Книга состоит из трех глав. Первая посвящена следствию. Допрашивали в основном ночью, не давали спать, изматывали человека до тех пор, пока тот не подписывал протокол о признании вины. Вот как сам автор пишет об этом: «Ночью и днем, утром и вечером горит лампа Ильича. Хоть пиши новую книгу, хоть читай старую. Но читать не дают, не дают ни бумагу, ни ручку, не дают отдохнуть. К чему пришли? Слышал: когда Ленин был в ссылке, писал книгу, ходил на охоту, даже приезжала любимая и сыграли свадьбу. А Чернышевский? Сидя в тюрьме, напечатал свой роман. Когда это было? Во времена империализма. А мы когда живем? Во времена социализма»* (8, с. 35).

---

* Здесь и далее перевод наш – *Н.Ф.*

Вторая глава посвящена жизни в лагере, началу войны и радостному известию о Победе, возвращению домой. Третья глава повествует о пожизненном поселении в Красноярском крае и работе на лесоповале. В повести немалое место занимают впечатления об окружающем, изображение того, что происходит в душе героя, его переживаний, сновидений, открывающие его подсознание, то, что неведомо даже ему самому. Уже в начале произведения описываются вещие, страшные сны, которые предупреждают о надвигающейся опасности и сбываются в жизни героя.

В воспоминании В.Ошэла снова оживают трагические судьбы людей далекого и в то же время близкого прошлого (писатели Олык Ипай, Сергей Чавайн и другие). Автор рассказывает о проявлении чувства взаимопомощи в тяжелых условиях, начиная с начальника лагеря и заканчивая людьми, отбывающими свой срок. Все они в какой-то мере являются творцами истории. В произведении, кроме образа автора, нет других ярких личностей, которые можно было бы рассматривать в системе сюжета. Они, как и подобает в мемуарах, изображены поверхностно. Определяющим элементом произведения на первый план выходит описание жизни главного героя, т.е. автора.

Основная мысль выражена в названии произведения. Ошэл несколько раз повторяет это на страницах своей книги: «Поэтому нас, оставшихся, одним словом, неумелых, погнали рубить лес. Снег до пояса. Мороз – не мороз, метель – не метель, чаща – не чаща. Волк – не волк, мы сами превратились в стаю волков. Без топора и пилы, ломая ветки, мы очищали дерево и приносили сухую березу или ель. Сделав небольшой домик, разложили ветки так, чтобы можно было на них спать. Каждый хочет жить... Разве человек не рождается жить? А мы почти что все еще такие молодые...» (8, с.60). Риторический вопрос: «Разве человек не рождается жить?» выражает нравственную позицию автора и идейно-эмоциональное содержание произведения.

В связи с этим автор затрагивает проблему нравственности, изображает отношение людей разных социальных групп друг к другу в условиях лагерной жизни. Сначала смерть кажется ужасным явлением, но с течением времени она не так уж и страшна и перестает быть событием. Человек, одним словом, привыкает ко всему.

Воспоминание В.Ошэла открыло новый жанр в марийской литературе – лагерную прозу – и дало толчок дальнейшему ее развитию.

«Кыртни пичы кӧргышты» («Молодость в железной клетке») – так называется одно из первых воспоминаний Максима Шкеда.

Сквозь горькую правду мы узнаем, как в тревожный 1937 год уничтожали «врагов народа». Произведение условно можно разделить на две части. Первая – это арест и следствие, вторая – жизнь в лагере, а продолжением является *«Сибирьӹштӹ, ыжар сиремӓн сӓндӓлӹкӹштӹ («В Сибири, в отчуждении)*. Если в первой части уделено больше внимания политике репрессий, то в другой – раскрывается отношение людей друг к другу. Герой ищет успокоения в природе. Используя прием антитезы, противопоставляя парторга и партийца, автор ярко изображает различие их духовного мира. Он берет из жизни отдельные моменты, рассказывает о том, что больше всего тревожит его сердце, что запало в его душу. Его взгляд на окружающее открывает внутренний мир героя.

Главный герой – это автор, но в то же время он – повествователь. Мастерство писателя проявляется как при раскрытии внутреннего мира рассказчика, так и при описании окружающей обстановки. Характер героя изображается в связи с описанием событий, произошедших в реальной жизни, что и требует мемуарная литература. Автор пробует свое перо не только в качестве историка и свидетеля, но и как художник слова.

Швед Макси обращает внимание на красоту природы и происходящие в ней изменения. Эти описания пронизаны чувством добра и успокоения. Картины природы активно выполняют психологическую функцию и отражают лирико-философский характер мышления автора. Речь идет не об универсальной ее сути, а о том, что видимо, слышимо, ощущаемо именно здесь и сейчас, – о том в природе, что откликается на данное душевное движение и состояние человека или его порождает. Изображая трагические дни, автор передает настроение тревоги, а описывая природу, выражает чувства радости и восторга.

Повествователь по-своему осмысливает место Сибири в истории страны, основная мысль связана с ее образом: «Эх, Сибирь, Сибирь, кто тебя не знает?! В старину Сибирь была самой богатой, плодородной землей. Нынешняя Сибирь кажется уставшей, печальной – радость, вдохновение Сибири окутаны слезами. В Сибири во время коллективизации в лагерях и тюрьмах замучили самых лучших, добрых, умных невинных людей. Теперь вместо них нас посылают очищать оскверненную землю Сибири» (9, с.103).

По форме повествования эти мемуары близки к воспоминаниям-запискам. Автор-герой выступает как повествователь, это характерно и для других мемуаров.

Другой, не менее известный марийский поэт *Осмин Йыван* в своих мемуарах *«Кава ден мланде коклаште» («Между небом и землей»)* затрагивает эту же тему. Если автор каким-то чудом спасся от репрессий 30-х годов, то 40-е коснулись и его.

Как известно, в конце 1940-х – начале 1950-х гг. начались новые гонения на творческую интеллигенцию. Эти гонения были «политическими» (10), власти надо было снова задушить интеллигенцию. И.В. Кондаков подчеркивает, что «в этом состояла трагедия советской литературы – и в 20-е, и в 30-е, и 40–50-е гг., а на самом деле и много позднее, вплоть до недавней горбачевской «перестройки», что не отдельные перегибы и «перехлесты», не торопливость и небрежность исполнения, не ретивые супостаты и подхалимы определяли судьбы писателей литературы, а сам «политический замысел» – от Ленина до Сталина, от Хрущева до Горбачева – был основан на идее «сверчка и шестка». Она стала "служанкой политики"» (11, с. 570–571). Об этом и поведал И.Осмин в своих воспоминаниях. В это трудное время ему помогала жена и верная подруга, Марфа Степановна Степанова. Благодаря ей, писатель легче перенес выпавшие на его долю испытания. Отбывая свой срок, он написал немало стихов. Одно из них *«Вучо, вучо...» («Жди, жди...»)* напоминает строки из стихотворения известного русского писателя К.Симонова «Жди меня». В те злополучные времена многие отказывались от репрессированных друзей, родственников, спасая себя. И.Осмин видел это на примере своих сокамерников, которых забыли близкие люди в тяжелый период жизни. В этом цикле им тоже посвящены стихи *«Ваштaлтымаш» («Измена»)*. Немного позже автор напишет еще несколько стихотворений под названием *«Лагерьысе почеламут-влак» («Стихи, написанные в лагере»)*.

В данном произведении история осмысливается через биографию героя. Развитие действия определяется не исторической последовательностью, а авторским замыслом, т.е. воспоминаниями, переходящими из одного временного пространства в другое. И.Осмин не ограничивается охватом времени и событий, но и параллельно дает оценку. Поэтому воспоминания носят публицистический характер: автор рассказывает не только о себе, но и о людях, с которыми жил и встречался, в то же время он оправдывается.

Мемуары состоят из пяти книг. В конце каждой книги дается определенный переход к следующему событию в жизни автора, которое затем составляет стержень сюжета. Первая книга посвящена семейной хронике, детству и юности, учебным годам, становлению

на жизненный путь. Это своего рода пролог, вступительная часть мемуаров. Вторая – женитьба, размышления о жизни и событиях. Общественная жизнь больше отражена в третьей, четвертой и пятой книгах. Они охватывают разные стороны культурной жизни республики. Третья книга рассказывает о становлении И.Осмина на творческий путь, затем о войне и аресте героя. Четвертая книга – о лагерной жизни, ссылке и возвращении домой. Пятая – это встречи с друзьями и знакомыми после разлуки. Одной из особенностей воспоминания следует считать своеобразное развертывание сюжета и системы образов. Повествование развивается не в эпической размеренной последовательности, а в многократной прерывности, с экскурсами в прошлую жизнь вновь введенных героев. В изображении внутреннего мира человека, как и внешней обстановки, довольно активную роль играет многоликий рассказчик, выступающий в разных временных пластах. Часто повествование прерывается философскими рассуждениями и обобщениями по поводу общечеловеческих понятий.

Мастерство писателя проявляется в его умелом использовании художественных средств. Характер повествователя раскрывается в обращениях к читателю, в монологах. Они дают возможность оценить не только произведение, но и изображенные события, самого автора.

Нужно отметить одну важную деталь: автор сумел передать не только свой образ жизни, быт деревни, но и события эпохи тоталитаризма. Подробно рассказывается, как в то время сочиняли стихи на заказ – это письма-стихотворения, посвященные Сталину, написанные в соавторстве с другими марийскими поэтами.

В мемуарах И.Осмина соединились в одно целое литературная критика и исповедь, политические мотивы и оценки, философские размышления и письма. Это не просто воспоминание пережитого, как это было в вышеупомянутых произведениях, но художественно оформленное изображение времени, людей, с которыми встречался повествователь.

Сам автор свои мемуары называет романом, но в марийской критике нет единого мнения о жанре данного произведения. Одни считают его романом (12, с. 135), другие утверждают, что оно не достигло высоты этого жанра (13, с. 135). Второе утверждение, на наш взгляд, более точное. Ведь изображение жизни, окружающего мира главного героя представлено в авторских суждениях и оценках, для романного жанра явно не хватает объективности.

Размышления писателя переплетаются с народной мудростью. Это является его отличительной чертой. Опираясь на фольклорный материал, И. Осмин выражает свои мысли, не раз подчеркивая тем самым смысл названия произведения.

Главный герой мемуарной прозы – это автор, рассказывающий по схеме «я это видел» (14, с. 21). Сначала читатель знакомится с фактом, затем с выводами о рассказанном. Это свойственно мемуарам И. Осмина. Такое направление говорит о лирико-философской стороне произведения. Но в то же время любые мемуары можно назвать «авторской прозой» (14, с. 87; 15, с. 214).

Марийские мемуары по своему идейно-тематическому содержанию близки к известным произведениям А.Солженицына, Ю.Домбровского, И.Головкиной и других. В первую очередь, это объясняется тем, что воспоминания М.Шведа, И.Осмина, В.Ошэла объединены лагерной темой.

Выше мы отметили, что отличительной чертой жанра является умение автора отбирать из впечатлений и наблюдений типичное, характерное для изображаемой эпохи и своего поколения. Авторы часто используют фразы типа «я так помню», «мы жили так». Это связано с темой, которую они затронули в своих воспоминаниях, занимающей одно из ведущих мест в истории XX века. Круг вопросов заметно расширяется. Воспоминания стали своеобразным вкладом в понимание жизни лагерей и тюрем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Шайтанов И.О.* Как было и как вспомнилось. М., 1981.

2. *Павлов О.* Комментарии к прочитанному // Москва, 1998. № 1.

3. *Иванова Т.М.* Как и почему возможен ГУЛАГ // ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. М.–СПб., 1998.

4. *Муравьев В.Б.* Уло чон дене // Ончыко. 1998. № 1.

5. *Кульбаева Н.И.* Вениамин Иванов: Очерк жизни и творчества. Йошкар-Ола, 1991.

6. *Сандаков Г.Н.* Эпос революции и современность: Марийская проза в контексте культур Поволжья. Йошкар-Ола, 1990.

7. *Артамонов Ю.* Ен языкым касарен // Марий Эл. 1994. 19 февраля.

8. *Ошэл В.С.* Айдеме илаш шочеш. Йошкар-Ола, 1990.

9. *Швед М.* Сибирьышты, ыжар сиремăн сăндалăкышты // У сем. 1993. № 3; У сем. 1994. № 4; У сем. 1996. № 2.

10. *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В.Сталине. М., 1989.

11. *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997.

12. *Логинович В.* Критике поро лийшаш (Марий Эл писатель ушем правленийын погынымашыже гыч) // Ончыко. 1997. № 2.

13. *Васинкин А.А.* Критике поро лийшаш (Марий Эл писатель ушем правленийын погынымашыже гыч) // Ончыко. 1997. № 2.

14. *Карцева З.И.* Особенности развития болгарской прозы 60–80-х годов. М., 1990.

15. *Иванова Н.* Вольное дыхание // Вопросы литературы. 1983. № 3.

Nadezhda Phedoseyeva

A BOOT-CAMP IN MARI LITERATURE

Last time, a boot camp problem takes a special place in the literature of peoples, living in Russia. This literature of presents us secret pages of the period from 1930 to 1950 of the 20th century.

Memories of writers such as V.Oshel, I.Osmin, M.Shved told us about cruel things, which had happened in the prison camps, about the ways people survived there and ordeals, prisoners experienced.

The most talented persons of Mari literature, such as I.Shabdar, N.Ignatyev, Y.Yalkain, S.Chavain, O.Ipaiy, A. Eshkinin, V.Muhin were exiled and murdered. Practically everybody criticized in an every issue of the paper "Mari Kommuna".

Typical feature is what the author saw himself and choose something typical and characteristic for describing epoch and his time. It is a distinctive feature of this literature. Authors very often used such phrases as "I remember" and "we lived that way" very often.

This topic is one of the leading themes in the history of the 20th century. New questions rise. Memories of people who was kept in boot camps is an answer and a valuable contribution to literature at the same time.

«Финно-угроведение», 2003, №2.

Алевтина Камитова
Ижевск

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В ЛИРИКЕ К. ГЕРДА
(на примере стихотворения «Керемет»)

Анализ поэтического творчества К. Герда позволяет говорить о множественности пространственных и временных представлений. В лирике поэта созданы образы времени: биографического (детство, старость), исторического (смена эпох, космического представления о вечности вселенской истории), календарного (смена времен года), суточного (утро – вечер, день – ночь), содержатся представления о соотнесенности времени прошлого, настоящего, будущего, представления о топосе. Эти понятия формируют в поэтике К.Герда «пространственно-временной» словарь поэтического текста, позволяющий говорить о поливалентном построении картины мира (как целой «совокупности» пространств) и философском видении мира. Следует отметить, что хронотоп в поэтическом творчестве является одним из композиционных стержней художественного пространства, «континуумом, в котором размещаются персонажи» (5, с. 134), а также средством моделирования индивидуально-авторской картины мира в пространственно-временном разнообразии.

Категории времени и пространства обладают изобразительными возможностями, ввиду их знаковой, пластической, символической природы; являются средством выражения конструируемого художественного мира и в конкретном своем выражении навеяны влиянием социальных, исторических противоречий, в которых создавались произведения. Поэзия К. Герда запечатлела в рамках художественного мышления такие события, которые имели важное место в жизни и истории удмуртского народа. Обращение поэта к прошлому или современности потребовало соблюдения определенных пространственно-временных законов в построении художественного мира в элегии «Керемет».

В стихотворении заложена богатая фольклорно-этнографическая информация. Сам К. Герд в авторском переводе на русский язык в затекстовой сноске расшифровывает национально-культурную информацию, заключенную в реалии: «Керемет – языческая молитвенная роща удмуртов на высоком холме в поле. В старину здесь происходили моления при участии тысяч человек. Эти собрания играли и общественную роль: здесь обсуждались важнейшие дела племени, решались вопросы войны и мира. Теперь языческие моления исчезли» (3, с. 46). Поэт пытается воссоздать декоративно-исторический колорит «эпохи Керемет», сохранить приметы ритуального действа:

Ортчем [...]
Вашкала дыръёсы,
Удмуртъёс
Кыче татчы лыктыса
Люкаськозы,
Курадӟонзэс вераса
Бӧрдозы вал...
Соку вӧсьлэн
Бадӟымесь, пиштйсь
Тылъёсыз,
Курадӟись калыклэн
Тыл кадь сюлэмез сутйсь
Кылъёсыз,
Востэм ныльёслэн кырӟанъёссы,
Шур жингыртэм кадь жингрес
куараоссы,
Туж кыдёке вӧлдйськыса,
Шуккиськыса,
Ӧукна шунды ӝжужатозь
Кылйськозы вал...

(4, с. 87)

А в годы,
Давние,
Забытые года,
Сюда
Семья
Удмуртов
Из далёких
Гуртов
Собиралась прежде
В одежде
Белой [...]
О радостях своих
И горе
Говорили [...]
Языческих мольбищ
Огромные
Костры
И порабощенного народа
Жгучие молитвы [...]
И слышались
До самого утра [...]

(3, с. 46)

В данном тексте изображена ситуация утраты локальных ценностей, потери национально-обрядовых традиций – того, что было дорого и свято для удмуртского народа. Обращение к традициям прошлого позволяет соединить не только временные параметры, обозначенные категориями: прошлое-настоящее, но и пространственные. Модель линейного времени представляет собой прямую, направленную в другую сторону, – в прошлое. Тяготение к прошлому, «древности» (по Герду) воспринимается как эпоха, которая

была лучше, но и обусловлена в сознании народа страхом перед этим прошлым, связанным с пространством «чужого». В народном сознании поэт обличает (свойственное удмуртам) языческое мышление, воспринимающее мир предков как потусторонний мир, инобытие, тем самым регламентирующее поведение людей (в связи с поверьями, основанными на вере существования мистических связей и сил в окружающем мире):

Табере Кереметэз
Вунэтйзы,
Огназэ куштйзы.
Уноез,
Солэсь кышкаса,
Татын периос, убиръёс
Каръясько шуыса,
Кӧшкеманы кутскизы.

Теперь уж
Керемет
Забыт,
Заброшен…
Молодежь
Бежит во страхе
Мимо.

Это тот пример традиционного представления о мире предков (умерших), об их значении как особой мировоззренческой структуры, т.е. на основе исторических представлений возникают поверья по отношению к этим локусам, в частности, приписывание негативных свойств «иному» пространству.

Изжиты и потеряны традиции, но пространство Керемета все еще хранит дух времен старины и передает настроение таинственной тишины сосен, олицетворяющих собой застывшее время: их покачивание – это проявление пассивного состояния:

Пересь пужымъёслэн
Пӧронлы улвайзы куасьмиллям,
Кызъёслэн
Моторесь, жужытэсь
Йыръёссы,
Бабылес йырсиоссы
Пурысьталлям.
Кудйз эшъёс
Арлыдлы чидатэк
Пограллям,
Музъеме выдыса
Кулйллям, сисьмиллям.
Сыло пересьёс, каллен чашето –
Валантэм выжыкылъёс вераса
Куашето

Посохли
Ветви
Уж у старых елей.
Седые сосны
Сгорбились немного –
Их головы курчавые […]
Покрылись мхом […]
Иные
Из деревьев-стариков
Не выдержали
Тяжесть древних лет:
Упали
И лежат […]
Иные […]
Как перегной,
Рассыпались
И стали пылью.

Сосны обладают здесь погребальной символикой: в роще погребена самобытная древность удмуртского народа. Подобная семантика позволяет говорить о сосне как надгробном, потустороннем дереве, сохранившем колорит волшебно-таинственного. В то же время таинственность, отчужденность от человеческого мира служит ассоциативному представлению Керемета как исторической экзотики. С другой стороны, К.Герд сохранил в образе Керемета значение факта документализма данного ритуально-обрядового континуума, но «не просто как предмет оценки, а в творческом синтезе с авторским отношением к ней, т.е. как творчески преобразованная характерность и потому как часть особой второй художественной действительности» (2, с. 72). Опираясь на культурные традиции, К.Герд организует «архитектурно-пространственный порядок ритуальных процессов» (1, с. 110). Сам образ Керемета в лирике Герда связан с представлением о замкнутом пространстве, восходящем еще к древним традициям и мировоззрениям. Средствами поэтического языка автор воссоздал и сохранил максимальную тождественность рощи с реальной объективной данностью, «деталями» ее пространственного размещения, сохранив в святилище Луда представление о сакральном пространстве с его своеобразным концентрированным построением, в котором сужение начинается с луга (поля), далее следует роща Керемет, деревья и замыкается цепь образом священного огня в центре. В фиксации точки, центра обнаруживается упорядочивание, структурирование пространства:

Синэз ворекъятйсь [...]	В широком
Туж паськыт ***лудын*** *–*	**Поле**,
Бусыын	Где такой простор [...],
Огназ куашетыса [...]	Горюет сотни лет
Чылкак огназ	По старине,
Керемет *сылэ, лулзылэ.*	Ушедшей и забытой,
Пересь ***пужымъёслэн*** *[...]*	Старинный **Керемет**...
Кызъёслэн	Посохли
Моторэсь, ӝужытэсь	Ветви
Йыръёссы,	Уж у старых **елей.**
Бабылес йырсиоссы	Седые **сосны**
Пурысьталлям [...]	Сгорбились немного [...]
Соку вёсьлэн	Языческих мольбищ
Бадӟымесь, пиштйсь	Огромные
Тылъёсыз,	**Костры**
Курадӟись калыклэн	И порабощенного народа

Тыл кадь сюлэмез сутйсь	Жгучие молитвы [...]
Кылъёсыз [...]	И слышались
Туж кыдёке вёлдйськыса,	До самого утра [...]
Шуккиськыса,	
Ӧукна шунды жужатозь	
Кылйськозы вал...	

(Слова выделены мной. – *А.К.*)

Подобная конкретизация служит выявлению изобразительных свойств хронотопа, является «приемом организации перцептивного пространства» (1, с. 115), оказывает эмоциональное воздействие и раскрывает границу двух миров. Образ табуированной рощи Керемет, как одной из уникальных национальных реалий, моделируется из нескольких «аллоэлементов»: в нашем примере в качестве таких составляющих предстает ритуальная сцена с обязательным пространством центра – огня и его участников. «Такого рода стереотипы, обусловленные [...] психическими [...] и культурно-символическими факторами организации пространства, являются базовыми, фундаментальными для восприятия и организации» хронотопа, моделируемого в поэтическом тексте – сохранением функции маркированного пространства» (1, с. 68).

Как мы видим, хронотоп отличается схематическим построением концентрических кругов: луг (поле) – Керемет – дерево – огонь. В других лирических произведениях К. Герда можно наблюдать хронотопы линейного, замкнутого образования. В рассматриваемой системе точка зрения в целом распределяется от общего к частному, т.е. пространство суживается до каких-то конкретных, частных моментов. В фиксации точки, центра обнаруживается упорядочивание, структурирование пространства. Подобного рода организация пространства (сужение или расширение) создает в переживаниях человека эффект пульсирующего движения. Созерцание объективного мира начинает приобретать характер целенаправленный, динамический и в то же время суживающийся и расширяющийся: от луга (поля) – до образа огня и, наоборот, от центра (огня) – к внешнему пространству (лугу, полю).

Круг, круговое (концентрированное) построение одновременно означает и наличие границы и круговое (сферическое) построение определенной модели пространства. В свою очередь, данная картина мира несет в себе информацию о модели мира, созданную определенной этнокультурной общностью людей (удмуртского народа), которая отражена и исходит из религиозных верований, закреплена

и реализована материально в самой планировке рассматриваемого объекта. Исходная модель мироздания послужила опорой для построения индивидуальной картины мира автора, то есть культурно-символический фактор организации пространства явился базовым элементом для построения и организации пространства в поэтическом тексте.

В элегии проявилось мастерство поэта в передаче атмосферы «времен старины», но временная формула неопределенности, давности отсылает нас к мифологическому времени, за счет чего достигается разрушение временной конкретности происходящего. В целом определением «древность» – давно (*Ортчем, / Вунэм аръёсы, / Вашкала дыръёсы* (В прошлые, / Забытые годы, / Давние времена), датируется прошлое время.

Таким образом обнаруживается историческая связь Керемета с древними традициями. Поэту удалось восстановить ритуальное перевоплощение рощи. Обрядовое исконное значение ее возрождается поэтом исходя из религиозно-обрядовой среды. Керемет, как элемент этнографической экзотики в поэтическом творчестве К.Герда, служит средством раскрытия противоречивой динамики мировоззрения удмуртского народа: *Табере Керметэз / Вунэтйзы,.../ Кӧшкемаы кутскизы /* (Теперь Керемет / Забыли,... / Стали бояться/). В системе пространственно-временных символов табуированная роща приобретает знаковую символику и выступает в качестве приметы переходного времени.

В континууме поэтического творчества К.Герда наблюдается многообразие хронотопического использования различных аспектов бытия, для которых свойственно определенное представление о времени и пространстве. Мы остановились на рассмотрении пространства, наделенного схематическим построением концентрических кругов и модели линейного времени. В данной системе точка зрения в целом распределяется от общего к частному, т.е. пространство суживается до каких-то конкретных, частных моментов. Керемет и отношение к нему выступают в качестве частного символа изменяющегося мира и мировоззрения народа. В этом образе выражены, с одной стороны, неизбежность новых взглядов на мир, с другой – романтическая тоска по ушедшим временам. Рассмотрение категорий времени и пространства в данном стихотворении поможет нам лучше понять особенности композиционного построения произведения, способствующие выражению основного эмоционального тона, – диалектического отношения лирического героя к объекту своего изображения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архитектура и эмоциональный мир человека / Г. Б. Забельшанских. М., 1985.

2. *Волков И. Ф.* Теория литературы: Учебное пособие для студентов и преподавателей. М., Владос, 1995.

3. *Герд К.* О ней я песнь пою... Стихи и поэмы, статьи и научные работы, письма. Ижевск, 1997.

4. *Герд К.* Та кырзанъёсы-турагайёсы: Люкам кылбуръёс, поэмаос / Дасяз но азькылзэ гожтüз Ф. К. Ермаков. Ижевск, 1994.

5. *Лотман Ю. М.* Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972.

Alevtina Kamitova

SPACE AND TIME IN K. GERDS LYRIC
(the poem "Keremet" as an example)

This work is based on analyzing of the original space and the time organization in K. Gerd's poem named "Keremet". The poet recreated the décor and historical peculiarity of the ancient period. The poem was built in accordance with the linear model of the time directed to the past. The space is distinguished by the schematic building of the concentric circles. So, the initial model of the universe served as the basis of building of individual understanding of the world.

«Финно-угроведение», 2003, №2.

ПЕРСОНАЛИИ

Илдико Лехтинен
Хельсинки

К ЮБИЛЕЮ АННЫ-ЛЕЕНЫ СИЙКАЛА

Профессор Академии наук Финляндии Анна-Леена Сийкала – известный ученый-фольклорист, внесший значительный вклад в изучение мифологии и верований финнов и других финно-угорских народов, в основном удмуртов и хантов.

Анна-Леена Сийкала родилась 1 января 1943 г. в городе Хельсинки. Она защитила докторскую диссертацию «Об обрядности сибирского шаманизма» (*The Rite Technique of the Siberian Shaman)* в университете Хельсинки в 1978 году. Ее научная деятельность связана с кафедрами фольклористики и традиционной культуры в разных университетах Финляндии: в 1971–76 гг. ассистент в университете Хельсинки, в 1979–82 гг. зам. профессора в университете Турку, в 1988–95 гг. профессор традиционной культуры в университете Йоенсуу и с 1995 г. профессор фольклористики в университете Хельсинки. В 1999 году она читала лекции в университете Гамбурга. Как специалиста духовной культуры удмуртов Удмуртский государственный университет в 1998 г. назначил ее почетным доктором. В 1982–87 гг. Сийкала проводила исследовательскую деятельность в рамках Академии наук Финляндии, в 1999-м году ей присвоено ученое звание профессора при Академии наук Финляндии.

Анна-Леена Сийкала – ученый широких научных интересов. Об этом свидетельствуют ее поездки в разные концы мира. В 1983–84, 1988 и 1995 годах она была в экспедициях на острове Кука, в течение двух лет (1992–1993 гг.) на острове Гавайя и с начала 1990-го – среди финно-угорских народов России. В статье *Сплетающиеся миры*

Сийкала отмечает: «Полевые работы на островах Кука и Гавайя в 1983–1995 и поездки в 1980 и 1990 годах в Удмуртию, Карелию, Мордовию, на реку Обь являются учебным процессом, который основывается на долгих и беспрерывных контактах с людьми, живущими в разных культурах» (*Toisiinsa virtaavat maailmat*. Kaukaa haettua. Suomen Antropologinen Seura 1997).

Одно из основных направлений научной деятельности Анны-Леены Сийкала – проблема шаманизма. Диссертация *The Rite Technique of the Siberian Shaman* (FF Communications 220, Helsinki 1978) и сейчас является крупной классической работой, без ссылки на которую нет ни одного издания по теме шаманизма. Общество финской литературы вручило ей за книгу премию научных изданий. В числе многих других монографических исследований нужно назвать книгу по теме истории финского мировоззрения *Suomalainen shamanismi – mielikuvien historia* (*Финский шаманизм – история мышления жизни*, 1994). Тема широкая, и Сийкала обрабатывает ее уверенно и с большой компетентностью. На базе финских эпических рун, гаданий и заклинаний Сийкала открывает мир шаманистического мышления и мировоззрения, остатки которого сохранились в финском языке. В первой главе *Наследство шаманизма* Сийкала представляет шаманизм как явление культуры. Во второй главе *Сила слова* следует научный анализ устной культуры, гаданий, также содержится материал о социальной деятельности колдуна. В главах, касающихся потустороннего мира (*Потусторонний мир*) Сийкала отмечает, что культ умерших имеет элементы мировоззрения доисторических времен. В последней главе (*Знание шамана*) автор обращается к финской мифологии. Сийкала выделяет основные принципы финского шамана, ритуальную технику, путешествие в незнакомый мир и возвращение. Автор считает, что шаманизм основывается на модели культуры человеческого коллектива, на традициях. Профессор религии университета Турку Вейкко Анттонен отмечал, что работа продолжает серию таких крупных финских фольклористов по мифологии, как Каарле Крохн *Религия финских рун* (Suomalaisten runojen uskonto.1914), Уно Харва *Древняя религия финнов* (Suomalaisten muinaisusko. 1948), Лаури Хонко *Финская мифология* (Finnische Mythologie. Wörterbuch der Mythologie. Stuttgart. 1965) и Мартти Хаавио *Финская мифология* (Suomalainen mytologia. 1967). Сийкала является в этой почетной группе первой женщиной.

По инициативе профессора Лаури Хонко финские фольклористы начали возрождать совместные чтения лекций с учеными меж-

дународной фольклористики. Возникла идея – организовать летний международный университет по фольклористике в Финляндии для обсуждения общих проблем. Председателями этих курсов были в 1991 и 1999 гг. профессор Хонко, в 1993, 1995, 1997 и 2002 гг. профессор Анна-Леена Сийкала. Значение летнего университета огромное. С лекциями выступили ведущие молодые финские фольклористы и этнографы, а также ученые из разных университетов мира, из научных исследовательских институтов. Во время курсов обсуждали новые идеи, разные аспекты, методы и виды фольклористики, кроме того, участники знакомились с явлениями и традициями других культур. В течение 10 лет в работе курсов приняли участие приблизительно 200 ученых из разных стран Европы. Штатов и, например, Индии.

Анну-Леену Сийкала назначили в 1996–2002 гг. директором Общества финской литературы и членом Научного комитета университета Хельсинки, финского комитета при ЮНЕСКО и почетным членом Этнографического общества Венгрии. Сийкала является главным редактором научного фольклорного периодического издания *Folklore Fellow's Communications* и плодотворно работает с 1986 г. в составе редколлегии финского журнала *Studia Fennica*. Анна-Леена Сийкала является членом авторских коллективов таких крупных проектов, как серия *Энциклопедия религии* (*Encyclopedia of Religion*).

Анна-Леена Сийкала – одна из крупнейших исследователей сибирского шаманизма. Но среди трудов теоретического и научно-практического плана можно упомянуть статьи о сохранении традиций религиозных обрядов и мифологии удмуртов.

Сийкала – глубокий ученый, участвует в полевых исследованиях в России среди разных финноязычных народов. У нее две основные темы. Она руководит международным проектом *Энциклопедия уральской мифологии* (*The Encyclopedia of Uralic Mythologies*) вместе с учеными Венгрии, Эстонии и финно-угорских научных институтов в России. Вторая тема *Традиция и глобализация* тоже очень актуальна. Национальные проблемы в настоящее время стали значительными вместе с глобальными проблемами мира. По мнению профессора Сийкала, сохранение этнической религии или так называемой «природной религии» в построении национальной идентичности стало актуальным для местной интеллигенции. Близость финноязычных народов к природе отражается на мировоззрении и в мифах. Сийкала отмечает, что «мифы использовались для построения

этнического и национального самосознания». Исследователю интересна судьба языков, народов и традиций в нашем мире, где все изменяется очень быстро.

Многогранна и общественная деятельность профессора Сийкала. Она является членом Международного общества фольклорных исследований *International Society for Folk Narrative Studies*, правления Общества финской литературы и Международного комитета Европейского университета города Санкт-Петербурга.

К 60-летию Анна-Леена Сийкала издала книгу о дипломатике традиционной культуры на основе устной поэзии и фольклорных представлений *Dynamics of tradition perspectives on oral poetry and folk belief. Essays in honour of Anna-Leena Siikala on her 60th birthday 1st January 2003* (edited by Lotte Tarkka, Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura).

«Финно-угроведение», 2003, № 2.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: ВОРОНЦОВА О.П., ГАЛКИН И.С. Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола, 2002. 424 с.

Марийская топонимика – относительно молодая наука, занимающаяся исследованием происхождения, развития и использования географических названий на территории Республики Марий Эл, а также географических названий марийского происхождения в смежных регионах былого расселения марийских (древнемарийских) племен. Хотя изучение марийских топонимов было начато еще во второй половине XIX века, подлинно научное исследование географических названий Марийского края и сопредельных территорий началось лишь в 60-х годах прошлого века. Важное значение в дальнейшем развитии марийской топонимики и ономастики в целом имело создание в 1978 году по инициативе И.С. Галкина специального периодического сборника научных трудов «Вопросы марийской ономастики». Появились монографии и популярные книги, десятки статей в журналах и сборниках, посвященные различным вопросам марийской топонимики.

Это свидетельствует об успехах марийской топонимики, о широком интересе к ней со стороны и ученых, и широких кругов читателей. Но практическое использование топонимической информации, рассредоточенной по множеству источников, представляет серьезные трудности. Стала очевидной необходимость создания свода материалов по марийской топонимии и представления его в виде историко-этимологического словаря.

Без всякого преувеличения событием в истории марийской (и не только!) топонимики стало появление в свет исследования О.П. Воронцовой и И.С.Галкина «**Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ» (Йошкар-Ола, 2002. 424 с.)**, представляющего собой прекрасно исполненный историко-этимологический словарь топонимов, собранных по всей территории республики.

Исследование О.П. Воронцовой и И.С. Галкина посвящено историко-этимологическому анализу топонимов Республики Марий Эл, оно включает в себя названия практически всех видов географических объектов – сел, деревень, городов, рек, лесов, гор, озер, болот, оврагов и т.п. В этом труде, представляющем собой первый опыт подробного историко-этимологического анализа географических названий Республики Марий Эл, рассмотрено более 8500 топонимов, собранных в полевых условиях, а также почерпнутых из опубликованных архивных и исторических источников.

Топонимия любого края складывалась необыкновенно долго – дольше, чем даже складывался каждый отдельно взятый этнос и язык на данной территории. Именно поэтому мы должны относиться к топонимии как к историко-культурному памятнику, как к выдающемуся произведению общественного сознания, принадлежащему многим эпохам и многим народам, как к системе, объединение и разрушение которой способно достичь критической черты, за которой начинается разрыв внутренних связей, выпадение элементов.

Именно поэтому важно стремиться к максимально полной фиксации и хранению, к максимально полному пониманию смысла топонимов, важно помнить, как назывались географические реалии в прошлом, важно не забывать названия исчезнувших деревень, лесов, речек, лугов, озер, полей и т.п., потому что они продолжают нести полезную для науки информацию, полноценно раскрывающую современную топонимическую систему, смысл. Во всех этих отношениях трудно переоценить источниковедческое, научно-теоретическое и практическое значение капитального труда О.П. Воронцовой и И.С. Галкина «Топонимика Республики Марий Эл». Эта работа вносит весомый вклад в наши сегодняшние представления о марийской топонимии как системе, объясняет географические названия на основе обращения к документам истории, к народным преданиям.

Топонимы представляют собой в целом сложную систему, само описание которой, даже самое краткое, оказывается многоуровневым и требует введения в словарные статьи различных критериев. Любая структура, если она однажды сложилась, ценна и функционирует благодаря разветвленной системе связей, чрезвычайным различиям – функциональным, генетическим и интерлингвистическим ее элементам.

Накопленные марийской и, шире, финно-угорской топонимикой знания давно нуждались в обобщении, тем более что давние

публикации в малотиражных сборниках, старинные книги и, тем более, архивные материалы оказались просто недоступными для многих читателей – ученых, краеведов, учителей, журналистов, аспирантов, студентов и школьников – для всех тех истинно любознательных людей, которым интересна топонимика.

При подготовке данного издания О.П. Воронцова и И.С. Галкин подробно изучили всю доступную литературу не только по географическим названиям Республики Марий Эл, но и по топонимике других регионов России и зарубежных стран, а также по общим вопросам топономастики.

Материал для историко-этимологического словаря топонимов Республики Марий Эл авторами собирался в различных архивах и рукописных фондах, были использованы материалы подробных географических карт республики и местных карт землеустройства, ценные данные были почерпнуты из ряда документов прошлых веков, хранящихся в Центральном государственном архиве древних актов России, архиве Академии наук России, государственных архивах Нижегородской и Кировской областей, Удмуртии и Республики Татарстан, а также привлечены материалы из опубликованных документов, главным образом, по Республике Мордовия и Башкортостан. К большому сожалению, авторы почему-то оставили в стороне материалы по топонимии Чувашии, которые очень часто имеют решающее (!) значение при этимологизации целого ряда местных географических названий Республики Марий Эл.

Выборка репрезентативного эмпирического материала проводилась на основе нескольких изданий по административно-территориальному делению республики и его истории, по топографическим картам километрового и двухкилометрового масштаба и т.д.

Прежде чем приступить к составлению историко-этимологического словаря топонимов, само собой разумеется, необходимо собрать и систематизировать по возможности полный фактологический материал. Авторам-составителям рецензируемого труда пришлось расписать на карточки все имеющиеся списки топонимов территории Республики Марий Эл, подвергнуть их предварительной систематизации, классифицировать по тематике и топоформантам, составить словник. С этой целью авторы-составители рецензируемого труда ежегодно проводили полевые исследования для сбора дополнительного материала.

Во время экспедиций проводился опрос местного населения, шла совместная работа с краеведами, изучение их личных архивов, архи-

вов районных и школьных музеев, выявлялись и копировались краеведческие рукописи, карты землепользования сельхозпредприятий. Помимо географических названий, участники экспедиций собирали местные предания и легенды, на местах проверяли данные, почерпнутые из архивных документов, рукописных фондов и научных публикаций. Поэтому достоверность вынесенных в заголовок словарных статей топонимов не вызывает никакого сомнения у специалистов в данной области.

Уже само собрание огромного объема топонимов и приведение их в словарный порядок представляет чрезвычайную информационную ценность и придает данному изданию характер справочника первостепенной важности по географическим названиям Республики Марий Эл. Это справочное издание долгие годы будет служить незаменимой и бесценной настольной книгой не только для местных краеведов, но и для всех специалистов, в той или иной мере причастных к исследованиям географических названий, – ономастов, вообще, и топонимистов, в частности, историков, этнологов, географов, фольклористов и т.д.

Рецензируемая работа марийских топонимистов послужит важным справочником для исследователей истории и этимологии географических названий Чувашской Республики. Это обусловлено тем, что географические карты двух соседних республик буквально пестрят множеством идентичных, однокоренных, одноформантных, а также близких по звучанию (паронимы) или однотипных по оформлению топонимов. Добрая половина материала может быть использована в той или иной степени при составлении историко-этимологического словаря топонимов Чувашии, Татарстана, Нижегородской и Кировской областей, а также целого ряда других сопредельных территорий. Более того, любой исследователь топонимии России впредь не может обойти своим вниманием это великолепно изданное справочное пособие историко-этимологического характера. Научно-теоретическая и практическая ценность рецензируемой работы обусловлена, прежде всего, тем, что собранный и проанализированный в ней материал имеет прямые и опосредованные связи не только с топонимами финно-угорского, но и индоиранского, тюркского и русского происхождения на огромных просторах нашего Отечества.

Актуальность сравнительно-исторического изучения географических названий, высокая научная и практическая ценность подобного рода исследований очевидна. Всего драгоценнее свидетельства

топонимии для определения регионов древнего расселения народов. По языковой принадлежности географических названий и их ареалам удается выяснить былые границы расселения народов и пути их исторических миграций.

Много ценного дают топонимы для истории языка, сохраняя черты, давно утраченные живой речью. От многих древних языков практически ничего не сохранилось, кроме географических названий, по которым только и можно воссоздать представление об этих языках. Компаративное изучение марийской топонимии дает определенное представление о языках давно вымерших волжско-финских племен – мери, муромы, мещеры и др., а также позволяет уточнить границы территорий обитания древнемарийских племен.

Так, например, северная половина современной Чувашской Республики сплошь усеяна гидронимами марийского происхождения. Особо плотно распределены они в междуречье Суры и Цивиля. Это является красноречивым свидетельством былого расселения древнемарийских племен на указанной территории, где в настоящее время проживают исключительно чуваши и нет ни одной марийской деревни. Только «язык земли» свидетельствует о том, что на северной половине Чувашии до прихода сюда чувашей простирались охотничьи угодья марийцев.

Литература по топонимике необъятна, но разрозненна и разбросана. Ежегодно появляются тысячи топонимических статей во всем мире, издается несколько специальных топонимических словарей. Но, несмотря на это, топонимика, к сожалению, решила слишком малую часть своих задач. До сих пор остается крайне слабо изученной топонимия чрезвычайно интересного в этнолингвистическом аспекте многоязычного Волго-Уральского региона. Здесь, на Великом Волжском пути, испокон веков происходило столкновение и смешение целого ряда языков самых разных систем – финно-угорских, индоиранских, тюркских и еще бог весть каких. И каждый из них оставил свой заметный след на карте региона.

Из тысяч названий местных географических объектов только немногие ясны по своему происхождению и понятны по значению. Переживая века, географическое название так сильно видоизменяется, что часто даже специальные исследования не могут разгадать, какому языку оно принадлежало изначально и через какие языки прошло в своей истории.

Историко-этимологическое изучение древних домарийских пластов топонимов чрезвычайно затруднено из-за того, что они в

современном своем виде представляют собой не просто результат различных напластований или наслоений на некое древнее ядро, которое можно было бы найти после снятия всех поздних напластований, – русского, тюркских, марийского и др.

Древнейшие топонимы нередко полностью видоизменили свой фонетико-морфологический облик в результате ряда сложнейших модификаций – отсечения тех или иных компонентов; скрещения данного географического названия со словами других языков (гибридизация); путем субституции исконных звуков первоначального языка звуками языков более поздних пришельцев; путем наращивания новых топоформантов, морфем или целых слов (географической номенклатуры) в соответствии со строем языка последующих мигрантов; путем полного или частичного переосмысления первоначального названия в целом или частично и т.д., и т.п. Все это влечет за собой в той или иной степени кардинальные изменения во внешнем облике первоначального топонима и создает большие затруднения на историко-этимологическое изучение топонимов.

Рецензируемая работа О.П. Воронцовой и И.С. Галкина является первой попыткой обобщить и сопоставить знания, накопленные марийской топонимикой за последние два века, показать уровень достигнутого, выявить слабые места, обнаружить «белые пятна».

Топонимика как учение о географических названиях исследует условия их возникновения, судьбу и смену, а не только происхождение, как представляли еще недавно и некоторые представляют еще теперь. Выяснить этимологию названия, где это возможно, – одна из важных задач топонимического словаря, но не единственная. Нередко история географических названий помогает раскрывать историю народа и его языка, хотя подчас остаются неизвестными слова, из которых образован топоним.

Что касается этимологической интерпретации конкретного ономастического материала, то здесь всегда возможны расхождения во взглядах, и задачей топонимистов-этимологов является дальнейшее углубленное изучение предполагаемых авторами версий путем тщательного анализа совокупности всех доступных фактов и с учетом этих разных точек зрения. Наука не стоит на месте, а потому прекрасно изданный свод марийской топонимии еще долгое время будет служить катализатором свежих идей для дальнейшего развития топонимики в целом.

В ряде словарных статей вместо однозначного ответа авторы предлагают несколько гипотез. Это, конечно, может и раздражать

неискушенного читателя, но как быть, если топонимическая наука еще не нашла единственного ответа на спорную проблему? Выбрать одну из существующих этимологий по собственному усмотрению? Только самонадеянный невежда осмелится объявить себя судьей во всех спорах крупнейших ученых, посвятивших целую жизнь изучению определенной группы языков. Чтобы иметь право решать, который из двух спорящих прав, надо знать больше их обоих. Никто не мог бы стать специалистом по всем древним и живым языкам, когда-либо существовавшим на территории хотя бы Марийского Поволжья, а также одновременно по истории и географии Среднего Поволжья и обширных сопредельных территорий, так или иначе связанных с древней историей финно-угорских, тюркских, индоиранских и других народов.

Во всех случаях, где еще нет достоверного и единодушного решения, в предлагаемых читателю статьях так и сказано. Ошибочно полагать, будто честное признание нерешенности многих вопросов подорвет доверие к науке. Наоборот, как раз именно скороспелые домыслы, выдаваемые за окончательные истины, компрометировали науку, рушась при первом прикосновении критики. Рецензируемая работа в этом отношении отличается высокой корректностью и осторожностью подхода к существующим в науке высказываниям предшественников. Во многих словарных статьях авторы данного рецензируемого издания впервые дают ту или иную этимологическую версию происхождения описываемого топонима, подчас не претендуя на его достоверность.

Это вполне понятно не только специалистам, но и любителям-краеведам, ибо добрая половина местных географических названий по сути является иноязычной, а потому и асемантичной. Окончательное разрешение этимологических и семантических проблем любого, пусть даже и «прозрачного» на первый взгляд топонима (ср., например, истинную этимологию таких топонимов, как *Шупашкар, Пролей-каши, село Устье, Хоршеваши* и т.д. и т.п.) – дело будущего.

В типовой словарной статье, посвященной какому-либо географическому названию, авторы, по возможности, стремились раскрыть всю его историю: когда и при каких обстоятельствах возникло название, на каком языке оно дано, что означает, какие изменения оно претерпело в дальнейшем, как соотносятся между собой народное (марийское) и официальное (русское) названия и т.п.

Однако, справедливости ради, следует заметить, что в такого рода сводных историко-этимологических исследованиях топоними-

ческой лексики практически никогда не удается однозначно объяснить происхождение и значение всех существующих географических названий. Возникновение многих из них относится к глубокой древности. С тех пор могли исчезнуть и забыться языки, на которых были даны эти названия, а сами топонимы, вследствие смены народов и развития языков, подвергались подчас столь значительным фонетическим и структурным изменениям, что их исходная форма может быть установлена только путем сложных процедур фонетической, морфологической и т.д. лингвистической реконструкции. Все это вынуждает исследователей ограничиваться приведением лишь наиболее вероятных гипотез о происхождении названия и его значении. К сожалению, на современном уровне изученности топонимии Марийского края подобные случаи неизбежны и обусловлены спецификой топонимического материала, его все еще крайне слабой изученностью.

Вместе с тем наиболее известные названия, относящиеся к сравнительно крупным водным географическим объектам (*Юл* «Волга», *Шур* «Сура», *Какшан* «Кокшага», *Элнет* «Илеть», *Вӹтлӓ* «Ветлуга» и т.п.), нередко уже неоднократно попадали в поле зрения ученых-топонимистов и получали различные объяснения исходя из материала разных языков. Не считаться с таким положением, конечно, было невозможно. Перед авторами-составителями «Топонимики Республики Марий Эл» возникла достаточно сложная проблема отбора наиболее убедительных и достоверных объяснений. В тех случаях, когда разные варианты объяснения одного и того же топонима представляются в равной мере убедительными, авторы сочли правомерным включить их в корпус словарной статьи. Но при неравноценности различных толкований авторы ограничились приведением одного или нескольких заслуживающих серьезного внимания этимологических объяснений, а бездоказательные гипотезы и любительские домыслы, по вполне понятным причинам, или совсем не рассматриваются, или, при необходимости, подвергаются критической оценке.

Ограниченный объем издания заставил авторов прибегнуть к строгой системе сокращений, этимологические интерпретации топонимов даются в максимально кратком виде, опускаются многие приводимые авторами первоисточников аргументы и примеры. Ссылки даются также в самом кратком виде.

Чрезвычайно сложной проблемой этимологического анализа топонимической лексики является выяснение первоначальной язы-

ковой принадлежности географического названия. В топонимии Марийского Поволжья довольно легко выделяются хронологически относительно поздние верхние иноязычные напластования – русский, татарский, чувашский, а также собственно марийский. Однако после выявления всех этих поздних наслоений в топонимии Республики Марий Эл остается довольно мощный пласт гидронимов (названий рек и озер), не поддающихся однозначному этимологическому объяснению на базе апеллятивной лексики бытующих в крае живых языков. Этот пласт, как правило, состоит из наиболее трудно-понимаемых названий.

В таких затруднительных случаях, руководствуясь принятым всеми этимологами негласным правилом, логичнее всего обратиться в первую очередь к материалу родственных языков, начиная от ближайших в генетическом, а также географическом отношениях (в данном конкретном случае – финно-угорских), постепенно перебираясь от ближайших к более отдаленным. Применительно к марийской топонимике, естественно, взор этимолога должен быть обращен прежде всего к данным мордовских (эрзянского и мокшанского) языков, ибо в них могли сохраниться утерянные в свое время марийцами слова волжско-финского праязыка. Определенную помощь при этом могут оказывать также сходные (как по основе, так и по топоформантам) географические названия, сохранившиеся на территориях былого расселения мерян, а также муромы и мещеры. В эпоху существования волжско-финской, скорее всего, даже общефинской и, возможно, финно-пермской этноязыковой общности, судя по всему, еще не было четкого разделения языков, а было то, что специалисты называют этнолингвистической непрерывностью: племена говорили на своих диалектах и при этом понимали своих соседей, но чем дальше территориально расходились племена, тем сложнее становилось их взаимопонимание. Поэтому при историко-этимологическом изучении «несговорчивых» географических названий Республики Марий Эл (шире – всего Марийского Поволжья) необходимо привлекать материалы даже далеких, вроде бы и не имеющих прямого отношения к территории Среднего Поволжья, финно-угорских языков.

Языки древних финно-угорских народов были чрезвычайно близки друг к другу, и это позволяет при анализе глубинных пластов топонимии Республики Марий Эл с достаточной степенью уверенности использовать материалы мордовских (эрзянского и мокшанского), прибалтийско-финских (эстонского, карельского, финского,

ижорского, ливского, водского, саамского), пермских (коми и удмуртского), а при необходимости также угорских (хантыйского, мансийского и венгерского) и даже самодийских языков.

Многие гидронимы сближаются с апеллятивной лексикой пермских (коми, удмуртского) языков, ср.:

Аджим вуд – назв. правого притока р. Вятки – *Аджи* – топооснова пермского происхождения, ср. коми *адз* «пойма реки» + *-им* – гидроформант;

Азэгер – приток р. Казанки – *Аз* пермско-угорского происхождения и первоначально обозначал один из видов водных объектов, ср. хант. *ас* «большая река», коми *адз* «пойма реки» (не лучше ли сближать с тат. *аз* «малый, маленький»?);

Акпаттыэгер – речка в Звениговском р-не – *Акпай* – собственное имя... + *-ты* – гидроформант, ср. коми *ты* «озеро» + мар. *эгер* «река» (тут явно концы с концами не сходятся хотя бы потому, что личное имя – тюркского, «гидроформант» – пермского, а географический термин – марийского происхождения; во время сложения данного гидронима память о коми *ты* «озеро» в марийском языке вряд ли сохранилась);

Арде – назв. левого притока р. Волги в Килемарском р-не – ср. удм. *ардо* «трясина, озеро в болоте, полынья»;

Ашмашка – назв. речки в Горномарийском районе, судя по всему является русифицированной формой от *Ашаш/Юшмаш* (ср. чув. *Кашмаш, Кошмаш* – назв. речки Кошмашки и четырех населенных пунктов). Сближение с манс. *ош/уш* «огороженное место, запруда», а также с коми *ӧшмӧс* «колодец», «прорубь» требует серьезной аргументации;

Возармаш – назв. притока р. Ноли – квалифицируется авторами рецензируемого труда как некий гибридный «пермско-угорский» гидроним и сопоставляется с манс. *вас* «утка» + *ар* «русло, река» и коми *мӧс* «источник». Но такая «гибридизация» возможна только в головах исследователей, реально можно говорить только о сохранении в составе данного гидронима древнемарийских слов, родственных с манс. *вас* и коми *мӧс*. Между тем гидроним *Возармаш* стоит в одном ряду с довольно многочисленными топонимами на *–мас/-мес* (ср. чув. *Асламас*) *-маш/-меш* (ср. мар. *Ашмаш, Ашламаш* и т.п.). Однако сближение этого топоформанта с коми *мӧс* «источник» весьма проблематично;

Вишкӓр – назв. правого притока р. Рутки – сопоставляется с коми *вис, виска* «приток, соединяющий болото с рекой и озером» и *ӓр* «река» (мар. *ӓр* «лужа после весеннего разлива»);

Водэгер (Водонер) – назв. русской деревни в Мари-Турекском районе – скорее всего отражает русифицированный вариант типично марийского гидронима *Вӱдегер* (< *вӱд* «вода» + *эгер* «река»), о чем красноречиво свидетельствует официальная форма названия Водонер (ср. мар. *ӱ* ~ рус. *о*). Поэтому нет никакой необходимости искать некий пермский гидроним *Вод(о)* и связывать его с коми *вад* «топкая болотистая местность, топь, трясина».

Архисложной и вместе с тем чрезвычайно важной является проблема установления культурно-исторической принадлежности топонимов, этимологизируемых на материале других финно-угорских (не марийского) и иносистемных (например, индоевропейских) языков. Среднее Поволжье – регион с многотысячелетней историей. Через него прокатились племена, принадлежавшие к различным языковым группам и оставившие свои следы в виде археологических культур и географических названий. Важнейшей проблемой историко-топонимических исследований является разработка приемов и методов хронотопологической стратификации разнородных пластов древних топонимов по их фонетико-морфологическим, структурно-семантическим, ареально-географическим и т.п. признакам и критериев их привязки к определенным археологическим культурам.

По свидетельству археологов, заселение Среднего Поволжья начинается раньше IV тысячелетия до н.э., однако выявленные древнейшие памятники датируются временами, отдаленными от нас шестью тысячелетиями. Остались ли на карте следы столь ранних насельников края – покажет время.

Прародину уральцев в эпоху распада – в начале и середине среднего голоцена, в VI– IV тысячелетиях до н.э. – специалисты обычно размещают в Западной Сибири, к северу от среднего Урала, в бассейне нижней и средней Оби, включая также истоки Печоры. События финно-угорской эпохи протекали в западной части этой территории, однако оторвавшиеся от непрочной уральской общности финно-угры продвинулись в эту эпоху дальше в Западное Приуралье, к устью Камы. В III – II тысячелетиях до н.э. финно-пермская ветвь уже растягивается все дальше на запад.

Первоначальное финно-угорское население лесной полосы Северо-Восточной Европы следует усматривать в носителях восточной, урало-камской культуры гребенчатой керамики. По данным археологии в III тысячелетии до н.э. создатели этой культуры достигли на западе Волги и устья Камы, но дальше не распространялись.

Для конца III и начала II тысячелетия до н.э. археологические исследования фиксируют массовые переселения и сложные этногенетические процессы. В это время значительные массы финно-угорского населения Прикамья и Приуралья вторгаются в бассейн Оки. Они покоряют и растворяют в себе в качестве субстрата население восточной части Волго-Окской культурной области, создавая там волосовскую культуру (конец III – середина II тысячелетия до н.э.). Таким образом, в начале II тысячелетия до н.э. в нижнем и среднем течении Оки и на Клязьме появляются финно-угры и внедряются дальше в расположенные к северу от этих мест районы. Их распространение на запад шло как по Волге, так и по северному водному пути – с верховий Камы и Вятки на Северную Двину, откуда финно-угры по Сухоне могли достичь берегов Белого моря.

Археологические данные доказывают наличие довольно тесных контактов носителей волосовской культуры с пришедшими с юга и юго-запада носителями балановской, абашевской, срубной и др. культур, говорившими, судя по всему, на индоиранских языках. Последние оказали значительное влияние на финно-угров, что отразилось в языке в виде многочисленных индоиранских заимствований, а также в топонимии края. Значительная часть не поддающихся достоверной этимологизации на материале современных языков географических названий Среднего Поволжья легко объясняется при обращении к индоиранским языкам.

К индоиранскому (арийскому и иранскому) пластам местной топонимии можно отнести целый ряд названий сколько-нибудь значительных рек Среднего Поволжья, в том числе такие гидронимы, как *Сура*, чув. *Сăрă*, мар. *Шур*; *Ветлуга*, мар. *Вӹтлӓ*, *Парат*; *Илеть*, мар., чув. *Элет*; *Свияга*, мар. *Сӱйӓ*, чув. *Сĕве*; *Вятка; Уржумка*, мар. *Вӱрзым*; *Цивиль*, чув. *Çавал*; морд. *Рава, Раво* «Волга»; *Кама*, удм. *Кам*, ср. также мар. *Кем* – приток р. Шуя и т.д., и т.п. К сожалению, вопрос об индоиранском пласте в топонимии Марийского края в данном издании почему-то не получил надлежащего освещения.

Так, например, гидроним *Сӱвы (*рус. *Сюба*) – правый приток р.Буя – очень напоминает название реки Свияги на языках местных народов, ср. чув. *Сĕве*, мар. *Сӱйӓ*, тат. *Зөйә, Зуә Зуwа, Суә*. В специальной литературе была высказана идея об индоиранском происхождении данного гидронима.

К середине III тысячелетия до н.э. внутри волосовской культуры постепенно выделяются два самобытных ареала – восточный и западный. На востоке, в районах Среднего Поволжья и Прикамья,

в результате дальнейшего развития волосовской культуры, сформировалась приказанская культура, на рубеже II–I тысячелетий до н.э. распространилась далее на юг и достигла бассейна реки Белой. Приказанская культура непосредственно предшествует ананьинской культуре раннего железного века, то есть культурному наследию пермских финнов – общих предков коми и удмуртов. Из ананьинской культуры выделяется азелинская, которую обычно связывают с предками удмуртов.

В западном ареале – на Оке, Клязьме, Костроме и Верхней Волге – на базе волосовской культуры формируется поздняковская культура, которая впоследствии послужила общей основой дьяковской и городецкой культур раннего железного века. Дьяковскую культуру специалисты связывают с предками исчезнувшего в средние века народа мери.

Городецкая культура просуществовала как целостность на протяжении всего I тысячелетия до н.э. Затем создатели этой культуры распались на несколько близкородственных народов – марийцев, мордву и исчезнувшие в средние века мурому и мещеру.

Все эти археологические культуры, начиная с волосовской, в той или иной степени представлены в Марийском Поволжье. Поэтому есть реальные основания для поисков наследия создателей перечисленных археологических культур в многослойной топонимии Республики Марий Эл. Однако проблема эта упирается в краеугольный вопрос: доступны ли надежной реконструкции столь глубинные пласты топонимии Республики Марий Эл на современном уровне финно-угорской компаративистики?

Вместе с тем в топонимической литературе накопился значительный материал по финно-угорской (в том числе – по мерянской, а также марийской) топонимике Верхнего Поволжья и сопредельных территорий. Даже беглый просмотр гидронимов, например, бассейна Оки (по материалам Г.П. Смолицкой) показывает множество прямых схождений с топонимами Республики Марий Эл. Авторам рецензируемого труда хочется пожелать в дальнейшем больше внимания уделять топонимике смежных «исторически марийских» территорий.

Неоценимую помощь в историко-этимологической разработке топонимики Марийского края могут оказать географические названия соседней Чувашской Республики. Львиная доля топонимов Республики Марий Эл имеет в той или иной степени аналогии и даже омонимы на карте Чувашии, пренебрежение которыми очень часто ведет исследователей к ошибочным выводам.

Лимит объема рецензии не позволяет сколько-нибудь подробно останавливаться на этимологических разработках даже той части марийских топонимов, которые имеют прямые параллели в чувашской топонимике. Тем не менее в пользу общего дела нельзя пройти мимо таких интереснейших совпадений, которые могут пролить определенный свет на этимологию как марийской, так и чувашской части соответствий. В силу обстоятельств приходится ограничиваться приведением только наиболее интересных марийско-чувашских соответствий. Информированный в вопросах чувашско-марийских языковых соответствий читатель, надеюсь, поймет, о чем говорят приводимые ниже чувашские параллели к марийским топонимам (далее сначала приводятся марийские топонимы, а затем через тильду (~) – чувашские топонимические параллели): **Абажьяр** – Апаш (Абашево); **Абасэнгер** ~ Упаçнер; **Абланпочингга** – Эплес, Эплеç, Эпеç; **Адаръер** – Айдарово; **Аджим вӱд** ~ Аçамçырми; **Адмеке куп** ~ Этеккей варе; **Азаново** ~ Асанкасси, Асаново; **Азансола** ~ Асанкасси, Асаново; **Айпас куп** ~ Айбеси, Эйпеç; **Акозын** (Акозино) ~ Ак(к)озино; **Акрат вова корем** – Ахрат çырми; **Аксамат(ово)** ~ Азаматово; **Алдияр(ово)** – Алдиярово; **Алманчакъер** ~ Алманчино (Алманчăк); **Амашйäр, Амокйäр** – Амакçар и многие другие.

Чувашско-марийские и, если угодно, марийско-чувашские топонимические параллели, конечно же, тема для большого самостоятельного исследования, однако при историко-этимологическом анализе географических названий как Республики Марий Эл, так и Чувашии, игнорирование этого вопроса может привести к серьезным ошибкам.

Гидроним *Алгашка* – назв. правого притока р. Суры – возводится к мужскому имени *Алгаш*, однако обращение к чувашскому материалу вносит сомнение в правильность такой этимологии. В «Списке населенных мест Российской империи» (СПб, 1866) отмечены населенные пункты *Олгаш* (два околотка), *Олгаши* (*Шешкар-Сундырь*) при речке *Олгашке* в Козьмодемьянском уезде, *Алгаши* 3-я в Ядринском уезде. Под названием *Олкаш/Улхаш* на территории Чувашии известны, по крайней мере, семь населенных пунктов: *Лап Олкаш* (Верхние Олгаши), *Туçи Олкаш* (Пиление, или Березовые, Олгаши) Моргаушского р-на; *Олкаш* (*Алгаш*) (Средние, или Татарские, Кунаши) Цивильского р-на; *Улхаш* (Третьи Алгаши) Вурнарского р-на; *Мăн Улхаш* (Большие Алгаши), *Чăваш Улхашĕ* (Чувашские Алгаши), *Вырăс Улхашĕ* (Русские Алгаши) Шумерлинского р-на. Кроме того, есть еще три чувашские деревни

в Цильнинском р-не Ульяновской области: *Кив Улхаш* (Старые Алгаши), *Сĕнĕ Улхаш* (Новые Алгаши) и *Чăваш Улхашĕ* (Чувашские Алгаши), переселившиеся в свое время из Чувашии. Примечательно, что в Чувашии эти населенные пункты составляют три самостоятельных куста поселений и каждый из них размещается вдоль небольших рек под названием *Олкаш/Улхаш* (Олгашка, Алгашка). Следовательно, есть веские основания считать гидронимы первичными по отношению к названиям поселений, однако сами гидронимы пока еще не получили этимологического объяснения как на чувашском, так и на марийском материале. Поэтому есть основание считать их домарийским субстратным наследием. Фонетическое соответствие чув. лит. *у* ~ мар. л. *о*, чув. верх. *о* – мар. г. *а* является закономерным.

Абасэнгер – назв. правого притока р. Уржумки = чув. *Упаçнер* – назв. леса около с. Карамышево (чув. *Елчĕк*) Козловского р-на ЧР, рядом с долиной оврага. Фонетические корреляции между марийскими и чувашскими формами свидетельствуют о некорректности сближения этого гидронима с антропонимом татарского происхождения *Абаш* < араб. *Аббас*. Марийское *Абас* в фонетическом отношении как нельзя лучше соответствует чувашскому *Опаç (Обась)*.

Гидроним *Арбаш* в рецензируемой работе отмечен как название шести рек: 1) самостоятельная р. в бассейне Илети; 2) в бассейне р.Волги (Горномарийский р-н); 3) приток р. Кундыша; 4) правый приток р. Вятки; 5) р. в Котельническом р-не Кировской обл. в бассейне Вятки; 6) правый приток р. Шия в Татарстане. Аналогичный гидроним в чувашском фонетическом облике *Орпаш/Урпаш* довольно часто встречается и на карте Чувашии: 1) *Орпаш* (рус. *Орбашка*) – левый приток р. Вылы, впадающей в Суру; в «Списке населенных мест Российской империи» (СПб., 1866) по этой реке отмечены населенные пункты: *Юванова* (*Орбаш, Сюльди-касы*), *Качаба-касы* (*Орбаш*), *Орбаш* (*Емель-касы*), *Орбаш* (*Адига-касы*). По моим материалам, деревень с таким названием было здесь еще больше: *Орпаш* (*Качебап*), *Орпаш* (*Сюльдикасы*), *Орпаш* (*Муной*), *Орпаш* (*Юваново*), *Орпаш* (*Окашево*), *Орпаш* (*Осинкино*), *Орпаш* (*Емелькасы*), *Орпаш* (*Эдигей*) – все в Ядринском р-не. Кроме того, гидронимы *Орпаш* отмечены под дер. *Орбаши* Аликовского, дер. *Орбаши* Цивильского, дер. *Тувси* Цивильского района. В фонетическом варианте *Урпаш* этот гидроним встречается под дер. Питишево (*Питĕшкасси Урпаш*) Аликовского р-на, а также под дер. Орнары Урмарского р-на. Вариант *Орпа* сохранился в названии деревни *Орба-Павлово* (чув. *Орпа*

ялĕ) Ядринского р-на, вариант *Орпай* – в чувашском названии деревни Едегейкасы Юваново Ядринского р-на.

Гидроним *Арйынгы* (рус. Малая Юнга) – правый приток Волги на территории Горномарийского р-на, несомненно, состоит из двух компонентов *Ар* «малый» и *Йынгы* «Юнга», причем мар. г. *ар* «малый» является чувашским заимствованием. В современном чувашском языке слово *ур/ор*, продолжающее древнетюркское *аз* «малый», «маленький», не сохранилось, но оно представлено в составе топонимов (ср. *Ур Пасна* «Малая Бездна» в Алатырском р-не ЧР). В горномарийский это слово проникло в верховом звучании чув. верх. *ор* > мар. г. *ар*), в луговом оно должно отражаться в окающем виде *ор* (< чув. ср., низ. *ур*). Чувашский топоним *Ар Сĕнтĕр* отражает горномарийское звучание этого слова. Что же касается собственно гидронима *Йынгы* (чув. *Юнкă*, рус. *Юнга*), то он, несомненно, находится в родстве с такими речными названиями, как чув. *Ункă* (рус. *Унга*) – левый приток Цивиля, а также многочисленной серией гидронимов типа *Унга, Унка, Унжа, Уньжа* и т.п., широко представленной на территории исторического расселения волжско-финских народов. В основе таких гидронимов, несомненно, лежит древний финно-угорский апеллятив со значением «река».

Топонимия живет и развивается по своим законам, одним из которых является то, что семантика апеллятива, ставшего основой географического наименования, строга и регламентирована. Время меняет фонетический, морфологический и даже структурный облик топонимов. Знание законов и принципов топонимики дает исследователю возможность провести реконструкцию топонима и сделать правильный выбор семантики.

Целый ряд названий озер трактуется как лимноним антропонимического происхождения, ср. *Абажъяр* – от собственного имени *Абаш*; *Агашъер* – от собственного имени *Агаш* + мар. *ер* «озеро»; *Адаръер* – от собственного имени *Адар, Айдар* < тат. *айдар* «длинные волосы, оставленные при бритье на макушке» (на самом деле антропоним в конечном итоге через тюркское посредство восходит к арабскому *хайдар* «лев» – прозвищу халифа Али); *Аксартъер* – от личного имени владельца *Аксарт; Аксарт* – от личного имени *Аксарт; Алгаер* отантропонимный лимноним, где *Алга* – мужское личное имя марийцев; *Аманйăр и Аманъер* – от собственного имени *Аман; Амокйăр* от уменьшительной формы собственного имени *Аму, Амук* (скорее производное от мар. г. *ăм* «плесень на жидкости», *амаш/ăмаш* «плесневеть», «заплесневеть», «цвести», отсюда же *Амашйăр*,

а также чув. *Амакçар* – озеро на левом берегу Волги и известное кереметище < мар. **амакш йăр* – букв. «цветущее озеро», ср. рус. «Гнилое озеро»); *Аркитъер* – от собственного имени *Аркит* < *Аркип; Атиер* – от личного имени *Ати* – ласкательное от *Атай; Ашпартъер* – где *Аш* – компонент марийских имен, *парт* < *Парат* – гидроним, *ер* «озеро» и т.д., и т.п. Однако типология лимнонимов показывает, что названия озер очень редко образуются на базе личных имен, а потому возведение нескольких десятков лимнонимов к личным именам вызывает определенное сомнение в корректности предлагаемых этимологий. Озера в наших условиях обычно не являлись чьей-либо частной собственностью и поэтому вряд ли могли называться «по имени владельца». К тому же практически все «отантропонимные лимнонимы» возводятся к дохристианским марийским личным именам. В языческую старину марийцы вряд ли могли считать природные объекты чьей-нибудь частной собственностью. По крайней мере, в Чувашии отантропонимные названия озер не распространены.

Наибольшая по объему часть марийских ойконимов имеет патронимическое происхождение, то есть образована от личных имен, прозвищ, фамилий первопоселенцев и владельцев. Особый интерес представляют в этом плане дохристианские (языческие) марийские личные имена, которые сегодня могут быть выявлены в основе значительной части топонимов (не только ойконимов!) и интерпретированы с определенным трудом. Еще недавно, до выхода в свет «Словаря марийских личных имен» С.Я. Черных, эта работа просто была бы неосуществима в таком значительном объеме. При этимологизации отантропонимических топонимов Республики Марий Эл, конечно, большую помощь оказывают также справочные труды Г.Ф.Сатарова по татарской, М.Р.Федотова по чувашской, Н.Ф.Мокшина по мордовской, М.Г. Атаманова по удмуртской антропонимии. Обращение к этимологическим справочникам по антропонимике соседних народов, прежде всего, обусловлено тем обстоятельством, что основной корпус дохристианского антропонимикона у чувашей, марийцев, удмуртов и мордвы имеет тюркское или, точнее, татарское происхождение. В сложении марийского дохристианского антропонимикона значительную роль сыграло чувашское посредство. К сожалению, исследователи дохристианских личных имен финно-угорских народов Урало-Поволжья не всегда учитывают это обстоятельство. Так, например, в названной выше работе С.Я. Черных значительная часть марийских личных имен совершенно некор-

ректно сближается с апеллятивной лексикой отдаленно родственных финно-угорских языков вплоть до обско-угорских и самодийских.

Действительно, историко-этимологическая интерпретация тюркских (прежде всего, татарских, чувашских и башкирских) антропонимов сопряжена с большими трудностями, что обусловлено, прежде всего, лингвистической неоднородностью антропонимикона указанных народов. Антропонимикон тюркоязычных народов Урало-Поволжья, помимо собственно тюркских образований, содержит значительное число арабских, персидских и иных заимствований, а также многочисленные гибридные композиты. Подавляющее большинство тюркских антропонимов по своему происхождению является двухкомпонентной синтагмой с различными типами изафетных связей. В повседневном обиходе подобные довольно длинные лексикализованные образования, как правило, секвестируются, причем обычно оставляется только первый слог антропонима. Затем к этой усеченной части имени прибавляются или различные уменьшительно-ласкательные, или вокативные суффиксы, а нередко и те и другие в определенной последовательности. В результате этих специфических процедур первоначальная структура этимона изменяется до неузнаваемости. Так, например, арабское по своему происхождению татарское личное имя *Кашшафетдин* (букв. «Первооткрыватель веры») уже в самом татарском языке трансформируется в *Кашап (<Кашшаф)*, *Кашук (<Каш-* + диминутивный суффикс *-ук*), *Кашам (<Каш-* вокативный суффикс *-ай*) и т.п., и уже в таком модифицированном виде проникает в чувашский (*Кашук, Кашай*), марийский (*Кашук, Кажук, Кашай, Кажай*) и другие языки. Аналогичные процессы широко распространены и в русском языке – личное имя *Владимир* может преобразовываться в такие усеченные варианты: *Влад, Влада, Владя, Лада, Ладя, Вадя, Вава, Вавуля, Вавуся, Володя, Володюня, Володюха, Володька, Володюша, Володюшка, Вова, Вовуля, Вовуня, Воваша, Воля* и т.д., и т.п. При этимологизации собственно антропонимов и, само собой разумеется, отантропонимических топонимов крайне необходимо учитывать эти специфические закономерности образования усеченных диминутивно-вокативных форм личных имен, так как в случае их игнорирования этимолог неизбежно попадает впросак.

На территории Чувашии еще очень много гидронимов и отгидронимических ойконимов, не получивших никакого этимологического объяснения. Многие из них теперь уже имеют в той или иной степени правдоподобные объяснения, благодаря рецензи-

руемому труду марийских исследователей топонимики Чувашско-Марийского Поволжья. В дальнейших исследованиях по чувашской ономастике, в целом, и по топонимике, в частности, нельзя будет обойти результаты работ марийских коллег.

В заключение необходимо особо подчеркнуть, что предпринятая в рецензируемом издании попытка систематизации известных ранее, а во многом впервые вводимых в научный оборот этимологических разработок, внушительного объема топонимов Республики Марий Эл, является первым опытом такого всеохватывающего, глубокого и разностороннего историко-этимологического анализа местных географических названий. Научно-теоретическое, источниковедческое и прикладное значение этого замечательного исследования трудно переоценить: вооруженные современной методикой сравнительно-исторических и этимологических исследований топонимии авторы смогли полно и достоверно отразить современное состояние марийской топонимики, и эпитет «малоизученный» применительно к марийскому топонимикону теперь уже можно смело заменить на «наиболее глубоко и полно изученный».

Заключая рецензию, хочется сказать еще раз о большой востребованности книги марийских исследователей «Топонимика Республики Марий Эл: Историко-этимологический анализ» для всех специалистов, занимающихся географическими названиями нашего Отечества. Работа эта значительно продвигает топонимические исследования и ставит новые вопросы. Надеюсь, что этот фундаментальный труд О.П.Воронцовой и И.С.Галкина вполне заслуженно получит достойную оценку со стороны научной общественности и руководства Республики Марий Эл.

Николай Егоров

Чебоксары

«Финно-угроведение», 2003. №2.

Рец.: КУКЛИН А.Н. Олык-эрвел марий орфоэпий: Туныктышылан полыш. Йошкар-Ола, 2003. 144 с.*

В 1988 г. постановлением Совета Министров Марийской АССР при Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М. Васильева была создана орфоэпическая комиссия по марийскому литературному языку в составе: доктор филологических наук профессор Л.П.Грузов (руководитель), кандидаты филологических наук З.К.Иванова, А.Н.Куклин, Г.С.Патрушев и кандидаты педагогических наук А.Ф.Веденькин, В.Ф.Сапаев. Из-за преждевременной смерти Л.П.Грузова, Г.С.Патрушева, А.Ф.Веденькина и В.Ф.Сапаева работа не была доведена до конца. Был лишь опубликован в октябре 1991 г. проект орфоэпии марийского литературного языка для широкого обсуждения в журнале «Ончыко».

Очень отрадно, что один из членов комиссии, ныне доктор филологических наук А.Н. Куклин, спустя десять лет продолжил эту работу и издал пособие для учителей по марийской орфоэпии, хотя в то время намечалось подготовить орфоэпический словарь не только для учителей, но и для работников СМИ и для всех граждан, владеющих марийским языком. К сожалению, новой орфоэпической комиссии больше не создавали, да и не было инициативы со стороны МарНИИ: он полностью был поглощен составлением толкового словаря марийского языка, поэтому А.Н.Куклин, проявив невероятную смелость, выполнил такую сложную работу один и несколько в ином плане – как учебное пособие. Образцом для написания автор взял книгу Р.И. Аванесова («Русское литературное произношение»: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов. М., Просвещение, 1984. 384 с.). Для характеристики фонемного состава

---

* По согласованию с автором перепечатка рецензии из журнала LINGUISTICA URALICA. XL. 2004. 1. С.61–64.

марийского литературного языка и принципов орфоэпии он использовал работы Л.П.Грузова («Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика». Йошкар-Ола, 1979. 211 с.) и «Марий орфоэпий нерген мут» («Ончыко», № 5. Йошкар-Ола, 1991. С. 94–104).

Работа состоит из десяти разделов и краткого заключения. В первом разделе раскрывается понятие об орфоэпии (с. 3–15). Здесь же он останавливается на вопросе о двух стилях произношения – полном (литературном) и неполном (разговорном). Разговорный стиль – это произношение слов и постановка ударений при разговоре двух или нескольких лиц между собой (с. 3). Полный же стиль – это выступление перед группой людей по радио, телевидению, на собрании, съезде, конференции, в классе или в аудитории с речью или докладом (там же). Однако, мне кажется, вряд ли выступление на собрании можно отнести к полному стилю, ибо при выступлении на собрании человек может отойти от литературных норм произношения и постановки ударения. В работе по орфоэпии неуместно говорить о синтаксических и морфологических различиях разговорной речи и литературной нормы, а также о мимике и движениях рук при разговоре (с. 4). Совершенно не относится в орфоэпии проблема обогащения лексики литературного языка диалектной лексикой (с. 13–14).

Второй раздел (с. 15–22) посвящен связи орфоэпии с орфографией. Здесь автор кратко останавливается на истории развития марийской орфографии и приходит к выводу, что нормы марийской орфографии и орфоэпии были уже установившимися в конце 80-х годов XX в., но орфографический словарь 1992 г. внес много трудностей в написание русских заимствований. Причина, по мнению автора, заключается в том, что различия в написании их не изучены и не проанализированы, поэтому одни периодические издания пользуются орфографией 1972 г., другие – 1992 г. (с. 15–16). А.Н.Куклин предлагает почти полностью вернуться к орфографии 1972 г. Но это опять же не вопрос орфоэпии. Я полностью согласен с автором в том, что орфографические правила нужно обосновывать орфоэпическими нормами (с. 17). Но как быть, если, к великому сожалению, установившихся орфоэпических норм марийского литературного языка до сих пор нет, что подтверждается его же материалами. Например, на стр. 5 он пишет, что смычная аффриката ***ч*** перед щелевым ***с*** ассимилируется с ним, т.е. произносится вместо ***чс > сс***: *тӱчса > тӱсса, почса > посса, шичса > шисса*. Я думаю,

автор здесь сильно ошибается. Такое произношение чуждо марийскому литературному языку, ибо среднеязычный *ч* в данном случае, на мой взгляд, сохраняет свое качество, полной ассимиляции здесь нет. Таким образом, вряд ли можно говорить об окончательном установлении норм произношения марийского литературного языка.

Рецензируемая работа написана одним автором, нигде не обсуждалась, поэтому, на мой взгляд, ее можно считать лишь книгой, в которой ученый высказывает свое личное мнение по поводу марийского литературного произношения, а не принимать за норматив. Много внимания автор уделил слитному написанию названий частей речи, которое рекомендовано орфографической комиссией в 2003 г. (с. 18). Он считает, что старшему поколению придется забыть раздельное написание и нужно будет учиться новым правилам. Это якобы вместо любви к родному языку вызовет лишь охлаждение, так как сложные слова будут очень длинными, например: *огартышмут* – подражательное слово, *палымут* – имя прилагательное. Здесь автор задает вопрос: почему названия частей речи в марийском языке нельзя писать как прежде? Ведь в русском языке они пишутся раздельно (с. 17–18). Возникает ответный вопрос: разве каждый язык должен следовать правилам русского языка?

По мнению А.Н.Куклина, русские заимствования женского рода, обозначающие профессию и национальность, нужно писать как в оригинале, т. к. они так прижились, а в орфографии 2003 г. этого не учли. В доказательство приводит стихи М.Казакова, В.Горохова, В.Колумба (с. 19), написанные по правилам 1972 г. К тому же, рассматривать правописание, как мне кажется, не дело орфоэписта, хотя влияние орфографии на произношение несомненно.

Третий раздел характеризует процесс развития разговорных норм. Автор совершенно прав в том, что нормы не постоянны, они со временем изменяются, но, как создавать литературные нормы произношения для всего марийского народа, конкретно не говорит. Здесь он также рассматривает фонетические варианты русских заимствований в отдельных диалектах марийского языка.

Совершенно правильно отмечает, что в современном марийском литературном языке стало закономерным произношение двух согласных звуков в заимствованных словах: *бланк, блокнот, гранат, грипп, значок, крокодил, плащ, прожектор* и т. д. (с.24). Это он считает установившейся орфоэпической нормой. Но эта норма еще не охватывает все возрасты марийского населения и все диалекты марий-

ского языка. На следующей странице он прекрасно подтверждает это своими примерами. В разделе снова много внимания уделяется лексическим и грамматическим нормам. критике проекта орфографии 2003 г. Даже приводится выражение профессора З.В. Учаева: «язык что не нужно сам выкинет, что нужно выберет. Конечно, литературные нормы должны быть. Но самое важное – это в умении чувствовать душу каждого слова и в умении им пользоваться» (с. 26–28). Так можно сказать о лексическом составе литературного языка, но не о нормах произношения.

Прав А.Н. Куклин, когда не соглашается с Л.П. Грузовым, который предлагал считать за литературные нормы произношения и звонкий, и глухой диалектные варианты согласного ***-т*** в сочетании согласных ***-лт***: *йолдаш – йолташ* «товарищ», *шолдаш – шолташ* «варить». За норму нужно считать вариант на ***-лт***: *йолташ, шолташ,* ибо омоформы вызывают изменение семантики: *йолдаш* «наматывать нитки на мотовило» – *йолташ* «товарищ» (с. 27).

В четвертом разделе «История становления лугововосточной марийской орфоэпии» автор кратко описывает развитие печати на марийском языке, начиная со второй половины XIX в. – с переводов братства св. Гурия, при котором была переводческая комиссия и в руках которого находилась издательская деятельность. Далее он останавливается на «Марла календаре» как первом периодическом издании на марийском языке. Основатель и редактор «Марла календаря» В.М. Васильев ставил благородную задачу создания для марийского народа единого литературного языка. Однако эта задача осталась невыполненной до сих пор из-за противодействия части горномарийской интеллигенции.

Весьма справедливо мнение А.Н. Куклина о роли средств массовой информации, театра, радио и телевидения, а также художественной литературы в становлении единых орфоэпических норм и в овладении ими всем марийским народом (с. 32–35).

В пятом разделе рецензируемого пособия для учителей дана фонетическая транскрипция на кириллице.

Шестой и седьмой разделы (с.37–56) посвящены артикуляционной характеристике гласных и согласных марийского языка, содержат фотографии, рентгенограммы и рисунки.

В восьмом разделе (с. 54–55) автор описывает долготу гласных под ударением и в безударном положениях и завершает палатально-велярной гармонией гласных (с. 56). В целом все вышеназванные разделы непосредственного отношения к орфоэпии не имеют: они относятся к фонетике марийского языка.

Девятый раздел (с. 56–108) посвящен характеристике гласных фонем марийского языка. Вокализм лугововосточного марийского литературного языка, пишет автор, состоит из 8 гласных фонем: ***и, ӱ, э, ӧ, ы, а, у, о*** (с. 56). Он не согласен с профессором И.Г.Ивановым в том, что в марийском литературном языке в словах, заимствованных из русского языка, закрепилась фонема ***ы*** (***i̯***), считая ее лишь вариантом марийской фонемы ***ы̆*** (с. 57–59), хотя с ним можно и поспорить, ибо смыслоразличительная функция этих гласных явно наличествует. Далее автор дает описание палатальной (палатально-велярной по автору) и лабиальной гармонии гласных (с. 59–65), различий в употреблении гласных в диалектах марийского языка (с. 66–72), ударения и его постановки в разных частях речи и их морфологических структурах. Завершается раздел 13 правилами постановки ударения в словах (с. 104–108). Однако на стр. 100 он утверждает, что при изменении по лицам в деепричастии на ***-шыла*** с притяжательными суффиксами ***–ем, -ет, -ыж, -ышт*** деепричастный суффикс ***-шыла*** берет на себя ударение, а не притяжательный суффикс. Мне кажется, здесь автор допускает ошибку, особенно относительно притяжательных суффиксов 1 и 2 лица ед. числа, ибо они в любом положении являются ударными: *1.коштше́мла, 2. коштше́тла, 3. ко́штшыжла.* А во множественном числе ударение падает на основу деепричастия: *ко́штшыштла* «когда они ходили».

В десятом разделе автор дает систему и характеристику согласных фонем марийского языка. Мнение А.Н. Куклина отличается от мнения Л.П. Грузова, который на основе экспериментальных данных установил в марийском литературном языке (в его луговом варианте) 22 согласных фонемы: ***п, т, к, в, д, г, ш, ж, с, з, ф, х, ч, ц, м, н, н', ң, л, л', р, й.*** Фонемы ***ч, т', с', з'*** он считал диалектными. А.Н. Куклин к этому числу добавил еще 6 фонем: ***т', д', с', з', р', б*** (с.111). Однако, к сожалению, ни одним примером не подтвердил. Если он фонему ***ы*** (***i̯***) в русских заимствованиях считает вариантом марийской фонемы ***ы̆***, то почему нельзя равным образом считать ***т', д', с', з', р', б*** вариантами фонем ***т, д, с, з, р, в*** ? Мне кажется, что профессор Л.П.Грузов был прав.

Автор описывает диалектные различия в употреблении согласных (с. 114–124), ассимиляцию (с. 124–128), замену звуков (йӱк алмашталтмаш по А. Куклину), т. е. переход глухого согласного в звонкий (с. 128–129). Здесь он допускает явную ошибку относительно исторической судьбы фонем ***т, д.*** Он пишет, что первоначальный звонкий согласный ***д*** в конце слова выступает в виде глухого

согласного *т*: *кит* «рука», но, оказавшись между гласными, он возвращает свое первоначальное звучание *д* и приводит парадигму склонения: И. *кит*, Р. *кидын*, В. *кидым* (с. 128–129). Праформа этого слова всеми этимологами представлена в виде **käte*. Это мы видим в книге «Основы финно-угорского языкознания» (М., 1972. 412 с.); в книге «Финно-угорская лексика в венгерском языке. Этимологический словарь» *(A magyar szókészlet finnugor elemei. Etimológiai szótár)* и др. Поэтому говорить о восстановлении первоначального звучания *д* между гласными никак нельзя.

Далее автор приводит несколько примеров на диссимиляцию звуков в диалектах марийского языка (с. 130), более подробно рассматривает диэрезу (с. 130–133) и кратко останавливается на эпентезе и метатезе (с. 134–135), но что в этих случаях считать литературной нормой – не говорит ни слова.

В кратком заключении (с. 136–137) автор пришел к выводу, что хотя марийский литературный язык, охватывая различные стороны жизни, заметно развивается, но местные разговорные различия ясно дают о себе знать (с. 136). Здесь он немного противоречит сам себе; сначала он утверждал, что нормы разговорной речи марийского литературного языка в целом установились (с. 22), а затем – что заметно развиваются. Далее он приводит большую цитату из газетной статьи Г.С.Патрушева о заимствованиях в марийском языке. Несомненно, Г.С.Патрушев был прав в том, что при наличии собственно марийского слова нет необходимости вместо него употреблять как в разговоре, так и на письме заимствованные из русского языка слова. Но это же не имеет отношения к орфоэпии. Лишь в конце заключения автор обращает внимание учителей на то, что в последнее время в речи учеников и даже молодых журналистов нередко можно услышать русский звук *ы (i̱): тыште,* вместо *тӹште*. Однако, не раскрывает причину этого явления. А она заключается в одинаковом написании и русского *ы (i̱)*, и марийского *ӹ*. При чтении марийского текста ученик автоматически марийскую букву *ы* читает как русскую. По-видимому, есть необходимость ввода в марийский алфавит марийского *ӹ*, чтобы не было подобной путаницы.

Автор рецензируемой книги в целом характеризует фонетику марийского языка, но мало говорит о нормах произношения. Хотелось бы, чтобы автор предложил читателям свое мнение относительно норм марийского литературного произношения и сформулировал эти нормы в правилах. Нельзя не согласиться с Р.И.Аване-

совым, когда он пишет в предисловии к 4-ому изданию своей книги «Русское литературное произношение», что «автору был сделан упрек в том, что при наличии произносительных вариантов он больше описывает современное состояние русского литературного произношения, чем устанавливает нормы. Упрек этот следует признать справедливым; но не менее справедливо и то, что ни один автор в качестве отдельного лица не может и не имеет права взять на себя функции «законодателя», предписывающего нормы произношения. Это дело авторитетных органов советской науки и культуры» (с. 5–6). Автору рассматриваемой мною книги, мне кажется, надо было бы учесть эту мысль Р.И. Аванесова, обсудить на орфоэпической комиссии рукопись или хотя бы дать авторитетному, знающему хорошо фонетику современного марийского литературного языка ученому на рецензию. Тогда бы, конечно, подобных упущений не было. Но, несмотря на это, надо выразить большую благодарность А.Н. Куклину за то, что он проявил смелость и величайшую ответственность выразить свое мнение по поводу марийского литературного произношения. Эта книга стала бы хорошим учебным пособием для студентов, а не учителей школ. Настала пора восстановить работу орфоэпической комиссии, включив туда свежие силы, и издать орфоэпический словарь современного марийского литературного языка.

Хочется пожелать автору, учитывая все недочеты, переиздать в скором будущем свою работу как учебное пособие для студентов марийского отделения Марийского государственного пединститута и Марийского государственного университета.

Иван Галкин

Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2003, №2.

Рец.: МИННИЯХМЕТОВА Т.М. «Традиционные обряды закамских удмуртов: структура, семантика, фольклор». Тарту, 2003. 257 с.

Диссертационная работа Татьяны Миннияхметовой «Традиционные обряды закамских удмуртов: структура, семантика, фольклор» посвящена обычаям семейного и родового круга достаточно изолированной, замкнутой и потому до настоящего времени сохраняющей в строгой неизменности систему языческих верований этнотерриториальной группы удмуртов, расселенной в северо-западных районах Республики Башкортостан и примыкающем к ним с севера Куединском районе Пермской области. Являясь носителем традиционной культуры закамских удмуртов и потому фактически с момента рождения ощущая ее изнутри, затем на протяжении более двух десятилетий осознанно изучая, постигая тайны, этноантропологическую фактологию, структурную целостность своей культуры в беспрестанных полевых исследованиях, текущих научных изысканиях, автор настоящей диссертации являет собой блестящего специалиста в избранной сфере знания.

Обрядовая культура удмуртов, как и других этносов, аналитически расчленима на *три типа ритуальных практик*: семейно-родовую, календарную и окказиональную, каждая из которых рассматривается, как правило, в соответствующих работах изолированно, вне ощущения внутреннего единства и нераздельности. Т.Миннияхметова, вопреки сложившейся традиции «несмешения», предлагает *собственный* новаторский подход с продуманным выбором в качестве репрезентанта отдельного *ключевого* обрядового комплекса в каждом из трех типов ритуальных практик с последовательным описанием его структуры, семантики, относящихся к каждому конкретному ритуалу фольклорных текстов и последующим нахождением их системных связей. Вербальное оформление обрядовых действ, впервые воспроизводимое в представленном к защите диссерта-

ционном исследовании, способствует глубинному осмыслению *самого феномена* невероятной сохранности этнической традиционной культуры и ее компонентов, обретающего колоссальную значимость в целях дальнейших разноэтнических сравнительных изысканий. Анализ акциональной стороны церемониалов закамских удмуртов позволяет, в свою очередь, распознать смыслы, назначение словесных текстов, их символику, также в необычайной мере показательных и для *иноэтнических*, менее сохранных традиций.

В работе задействован, наряду с основательно изученными отечественными и зарубежными научными первоисточниками, трудами, ставшими этнотеоретической классикой, и *новейшей* разноязычной этнологической литературой широкого профиля, гигантский, *бесценный* по своей значимости современный этнографический и фольклорный полевой материал, собранный диссертантом собственноручно в экспедициях, подаваемый с приведением конкретных обозначений на удмуртском и последующим их буквальным переводом на русский язык (что позволит ввести полевые этнологические материалы закамских удмуртов в *обиход* европейской и *мировой науки*), толкованием соответствующей семантики – и все это в сравнительном ракурсе с традиционными культурами восточных мари, русских, башкир, татар, чувашей, скандинавских народов, древнеиндийских представлений и т.д., что, безусловно, придает исследованию большую весомость.

В первой главе диссертации системно рассматривается обрядовость, связанная с рождением ребенка. Глава построена по принципу своего рода этнологического «детектива», последовательно вскрывающего глобальной значимости вопросы и внося все более очевидную ясность в существо представленной этнической картины мира. Ребенка «обнаруживают», «приносят», но поначалу остается неясным, откуда его «приносят» и где «обнаруживают». Имея четкое представление о естественных причинах беременности, современная удмуртка не исключает участия в названном процессе богов и духов –покровителя семьи, рода (воршуд), бога земли (мукылчин), бога (инмар), духов умерших предков, буквально «умерших стариков» (кулымьёс-пересьёс), в зарождении жизни, кроме того, могут принимать участие духи разных местностей, водоемов, а также домовой и банный хозяева (с.13). После рождения ребенка говорят о «принадлежности» его скорее матери, нежели отцу, в чем очевидны представления о матрилинейности рода. Последовательно углубляясь в проблему, автор рассматривает этикетные нормы поведения окру-

жающих в период беременности с акцентуацией на охранительные меры в связи с опасностью, исходящей от беременной и присутствующих в ней двух душ, близостью ее к мифологической границе жизни и смерти; поведение самой беременной женщины, предписания, направленные на защиту здоровья – ее и будущего ребенка; приметы о будущем новорожденного; роды: функции старухи-повитухи – гогыясь; капчи пыдо, т.е. «с легкой ногой», «легконогой»; причитающиеся для нее подарки, угощение за родовспоможение; обязательное протапливание бани, где по традиции принимаются роды; поведение мужа в период родов, близость его этикетного поведения к предписаниям для некровных родственников; обращение с новорожденным, поднесение его к очагу-печке, наречение первым или банным именем для защиты от злых сил; первое купание; обращение с плацентой, пуповиной; обозначение места рождения ребенка, вызывание души новорожденного криком в открытую печь: «Умершие, старики, дайте ему/ей душу!» В мифологии удмуртов, как и у многих других народов, дорога к потусторонним сферам ассоциируется с водной стихией. Баня – пограничное, переходное пространство между двумя мирами: и баня, и вода – явления одного семантического ряда: по традиции бани располагаются вблизи водоемов. Отсюда – осмысление бани как сакрального пространства, благопожелательного или вредоносного, в котором совершается таинство перехода в наиболее важные моменты жизненного цикла. Огонь – посредник между людьми и высшими богами: при проведении обрядов с жертвоприношением в огонь бросается часть пищи. Очистительные и охранительные свойства огня распространяются на свойства его производных, таких как дым, сажа, зола, уголь, камни в очаге. К устью печи ставят чашу с едой или поминальной пищей, предназначенной умершим в поминально-умилостивительных обрядах закамских удмуртов.

В главе присутствуют как устоявшиеся (на фоне иных этнических культур, в русле актуальных этнологических теорий) этнографические факты с их профессиональным, но успевшим стать традиционным осмыслением, так и мотивы менее известные с соответствующими новациями и уточнением функций. Родильный обряд предполагает, по изначальной установке, принятой диссертантом, именно ритуальное, а не ритуализованное, то есть игровое поведение. Все здесь происходит «на самом деле», в особой ритуальной реальности. При этом и будущая мать, и прибывающий на свет младенец наделены качествами «абсолютного бездействия» в происходящем

процессе. Бездействие – значимый элемент обряда, обозначающий бесстатусность инициируемых в качестве непременного условия обрядов перехода. Переходя из одного состояния в другое, роженица постепенно обретает новый статус (с.77). Поэтапная социализация ребенка как в профанном, человеческом мире, так и в сакральном мире богов и духов начинается с приобщения его к духу огня. «Бездействие» ребенка сохраняется во всех последующих обрядах социализации, каждый из которых преследует свою конкретную цель. В роли иницианта ребенок обретает качества, необходимые для продолжения жизни, «зарабатывая» своим участием в обрядах инициации статус человека.

Поскольку ребенок «приходил» из другого, потустороннего мира, его переход осуществлялся через пограничные зоны. Появление в земном пространстве сопровождалось представлением ребенка главному символу «этого» мира – огню. В ходе перехода из одного мифологического пространства в иное ребенок еще не меняет статуса, хотя почти все (за исключением роженицы) остальные члены родственной группы и шире – общины – свой статус изменяют. Роды принимает бабка-повитуха, не связанная кровнородственными отношениями с семьей роженицы. Самой роженице традицией предписывается роль пассивной участницы, медиума между земным и потусторонним мирами.

Специальный раздел главы отводится послеродовым обычаям и обрядам, когда на протяжении сорока дней после рождения проводятся обряды очищения, имянаречения с переменой имени, моление-куриськон в честь новорожденного, обрядовое угощение младенца, церемониал предохранения его от нечистых сил, свадьба новорожденного – уже в качестве заключительного ритуала всей предшествующей цепочки обрядовых действ, знаменующего долгожданное обретение младенцем статуса члена семьи, рода. В течение сорока дней после родов женщина считалась нечистой – она, как и ее ребенок, находится в лиминальном состоянии, в течение которого не имеет статуса и потому представляет опасность для окружающих. В этот период ей не разрешается шить, вязать, ухаживать за скотом, доить корову, посещать святилища (куалу, молельные и священные места). Т.Миниияхметова приводит в качестве дальнейших постулатов, работающих на глобальную идею единства представлений в разных обрядовых практиках аналогичные запреты (не заниматься рукоделием, не посещать священные места) в периоды похорон, при выполнении поминальных обрядов, поскольку «души усопших

находятся рядом с живыми» (с. 35). По истечении сорокадневного периода роженица возвращается в состояние обычного члена семьи, а новорожденный обретает социальный статус настоящего человека. Представления о взаимной «открытости» мифологических пространств в периоды рождения-умирания бытуют у громадного числа народов мира, однако в культуре закамских удмуртов они очерчены с невероятной отчетливостью и полнотой. Заметим, необходимо обладать подлинным исследовательским талантом, научной компетентностью, чтобы, прежде всего, этнографическую фактологию подобного рода добыть, а затем выстроить ее в столь убедительную целостную конструкцию, следуя при этом самым прогрессивным и последовательно проводимым универсальным этнологическим концепциям, одновременно предоставляя своим научным трудом доказательства их правомочности.

В представлениях удмуртов сохраняется вера в наличие у человека двух душ: душа-тень – урт – может покидать его при жизни в моменты сна, внезапного испуга, болезни. Душа-дыхание – лул – сохраняется в теле до самой смерти, уход ее означает конец жизни человека (с. 34). В течение первых сорока дней душа младенца находится «лишь на его макушке» и потому может «уйти», отсюда – необходимость максимального внимания к ребенку. По сей день существует запрет заходить на кладбище с детьми, в особенности – с недавно родившимися, поскольку, если на кладбище окажется похороненным безымянный младенец, он может забрать душу посетившего кладбище живого ребенка. Весьма показательно, что разделение детей по половому признаку начинается у удмуртов лишь с годовалого возраста – до этого времени «ребенок» обозначается понятием «нылпи»: *ныл* – девочка, *пи* – мальчик (с. 23).

Многие не совсем объяснимые (из-за неполной сохранности) в других культурах обрядовые действа родинно-крестинного цикла, сами по себе всегда уникальные, получают полную ясность только при сопоставлении их с подобными закамско-удмуртскими. Таково обрядовое моление имянаречения, проводимое после «трех бань» (в течение первых трех дней после рождения мать и дитя парились в бане. Для ребенка, имя которого называлось при этом только иносказательно, вязались специальные маленькие веники: попарившись, «ребенок растет здоровым, щеки его становятся круглыми, а руки-ноги – плотными») и включающее ритуал с кашей, когда пожилой человек, представитель семейного клана, молится с кашей во дворе дома. Позже, зайдя в дом, обмазывает кашей губы ребенка со

словами: «Вот твоя каша, люби свое имя». Наречение вторым (после банного) именем является дополнительным к первому, хотя имя, данное прежде в бане, в дальнейшем могло и не функционировать. Приводимые диссертантом сведения из марийской культуры еще более проясняют магическую сущность ритуала имянаречения, где каша – лишь заключающее обряд жертвоприношение: языческий жрец, высекая огонь из кремня, называл разные имена – именем, при котором загорался трут, нарекали младенца. Подобным же образом могли дать имя по имени каравая, наилучшим образом испекшегося среди караваев с иными именными обозначениями; по перечислению имен – то имя, в момент произнесения которого ребенок переставал плакать, также могло стать его именем (с. 38). Если по прошествии какого-то времени оказывалось, что данное имя не приносит ребенку счастья, его меняли на новое. Процедуру перемены имени у бирских удмуртов называли «ловлей души урт». Считалось, что имя, как оберег, помогало сохранению души урт при человеке.

У закамских удмуртов существуют специальные кладбища, называемые безымянными, где хоронили мертворожденных младенцев, детей, которым не успели дать имени. Здесь же находили последнее пристанище самоубийцы, убийцы, воры, умершие неестественной смертью. Новорожденные, не получившие человеческого статуса, в равной мере не принадлежали ни миру живых, ни сообществу мертвых – последние в большинстве традиционных культур являются объектом культа.

Обрядовым молением-куриськон в честь новорожденного руководил старший член семьи – это могли быть как женщина, так и мужчина. Взрослая семейная пара, муж и жена, становились «старшим отцом» и «старшей матерью» младенца на всю его будущую жизнь, сопровождая его затем и на его взрослой свадьбе. Нередко они же были «старшими родителями» реальных отца и матери новорожденного» – их функции старших в родовой группе передавались, таким образом, по наследству. Молились о жизни и здоровье новорожденного. Услышать, прочитать текст языческой молитвы (не считая древнегреческих) представляется сегодня невероятным. Тем не менее диссертант приводит многочисленные примеры подлинных молений закамских удмуртов, наших современников, которые с полным основанием следует отнести к уникальным «литературным памятникам». Для проведения обряда выпекали хлеб, варили кашу. После молитвы младенцу обмазывали кашей губы, все собравшиеся усаживались за стол трапезничать. В прошлом подобные моления

совершались в семейном или родовом святилище куале. Проведение моления означало представление ребенка земным и небесным богам, в результате чего ребенок получал новых покровителей, жизнь его становилась более защищенной. В день молений родители, дед и бабушка новорожденного обещают ему в подарок гусыню (буквально: «гуся объявляют»). Это означает, что весной с появлением птенцов-гусят, если приплод благополучно доживет до осени, одну из гусынь с именем младенца – его/ее (имя) гусыня – дарят ребенку (с. 45). В этом обычае вновь ощущается, как нам представляется, связь с актом первотворения, запечатленным в глубинах подсознания финно-угров и спроецированным на микрокосм жизненной программы индивида.

После проведения ритуального моления ребенка дозволялось представлять более широкому кругу людей. Женщины из соседних домов, подруги роженицы могут приходить на «угощение новорожденного». Гостьи приносят с собой еду, питье – обычно ритуальные, одаривают младенца подарком, монеткой. Этот обряд является сугубо женским, появление на нем посторонних мужчин считается неэтичным. Подобного рода обычаи, с привнесением в них отдельных эпизодов из предшествующих акций удмуртской традиции, являются, насколько нам известно, центральными в крестинных женских собраниях белорусов, латышей, кабардинцев и др. В целом обряды, обычаи, связанные с рождением ребенка, – явление надэтническое, чему свидетельством и представленное диссертационное исследование.

Кроме структурно обозначенных в соответствующие обрядовые церемониалы автор диссертации вводит в главу раздел «самонаблюдений» рожениц, дающий возможность углубить наши представления о вспомогательных природных и надприродных силах, разделы о символике времени рождения ребенка, о народных способах лечения новорожденных, о первом зубе, первой стрижке, первых шагах ребенка, о необычных детях, детских принадлежностях, об обрядах первого года жизни и их осмыслении в традиционных представлениях.

Результативными моментами диссертационного исследования Татьяны Миниияхметовой становятся: идея поэтапности в социализации роженицы и новорожденного, представляющей собой сложный долговременный, многосоставный процесс, а также рассмотрение родильного ритуала в качестве «двойного» переходного обряда, в ходе которого новый социальный статус обретают как ребенок,

так и мать. В тексте диссертации уточняется значение этнологических категорий «чистота», «подарок» («дар»), охватывающих взаимосвязанные пространственно-временные параметры. Понятия «чистота», «подарок», связанные с представлениями, поведением людей в ходе обрядов, проводятся красной нитью сквозь все главы диссертации Т. Минниахметовой, цементируя работу. Ритуальный контекст, полагает диссертант, вводит эти категории в специальные рамки, выход за пределы которых может полностью изменить их значение (с. 144). Понятие «чистота» несет такие семантические нагрузки, как здоровое, красивое, новое, священное, и обладает четко выраженной разграничительной функцией. Все преподносимые в обрядовой практике дары (учитывая прямое и переносное значение), в свою очередь, опосредуют получение ответного основного «подарка» в виде будущего с благоприятными природно-климатическими условиями, здоровым социумом, желаемым урожаем.

Сложный, многоликий материал, по большей своей части базирующийся на традиционных верованиях, практике конкретных семей и родовых групп закамских удмуртов, последовательно обследованных диссертантом, оказывается затем умело типологизированным, уложенным в четкие, конструктивно и семантически продуманные главы собственного научного диссертационного трактата. В качестве доминанты традиции автор видит не региональный, общеэтнический, но семейно-родовой признак, определяющий специфику бытования фольклора закамских удмуртов (с. 79). Диссертант сознательно вовлекает в исследование данные общественной жизни интересующей его этнотерриториальной группы последнего десятилетия, что способствует еще большей актуальности, злободневности представленной к защите диссертации.

Структура сохранившегося к настоящему времени праздничного комплекса Великого дня – начала нового года по народному календарю, изучению которого посвящена вторая глава исследования, в общих чертах едина для всех локальных групп удмуртов Закамья. Первый, подготовительный этап, длится от нескольких дней до недели и включает различные очистительные, в том числе магические процедуры (уборка, чистка утвари, стирка, проводимые строго в определенной очередности). Другая часть очистительных мероприятий, включая мытье в бане, очищение тела, символически «посвящаются» усопшим, которые возвращаются на «кулон потон» к своим потомкам. В следующую часть очистительных обрядов автором отнесены способы изгнания нечистых сил и духов при помощи

различных обрядов: прыжки через костер, сжигание оберегов-веток, протапливание печи, приготовление обрядовых блинов. Даже «угощение» усопших представляет собой своеобразный очистительный обряд: предки, удовлетворенные «приемом» потомков, должны покинуть мир живых. Два последних обрядовых комплекса, как заключает автор, ритуально более насыщены, чем первый. Возможно, причина этого – неполнота, осколочность современных обрядовых интерпретаций.

За подготовительным этапом следует основной день – Быдхынал, который сопровождается молениями-обращениями к богам, духам-покровителям. В этот день одновременно происходят различные по своему конкретному наполнению обряды, отличающиеся по возрастной дифференциации, каждый в своем месте и по-своему. Религиозные акты взрослых сменяются праздничными гуляниями и пиршеством. Обряды не сохранили строгой последовательности в своем движении, отнюдь не всегда границы между ними различимы, к тому же далеко не все обряды распространены повсеместно. Всеобщим знаком обрядовых систем в сегодняшней действительности является утрата ими целостности, самостоятельности, когда обычаи взаимозаменяются, редуцируются, а отдельные их элементы исчезают вовсе.

Пожалуй, самым впечатляющим моментом второй главы работы является колоссальная и разнообразнейшая фактология, добытая диссертантом собственноручно и «работающая» в объеме универсальной для всех традиционных культур системы. Однозначное обозначение празднично-обрядового периода Быдхынал – Великого дня – в сознании удмуртов как истинного начала нового года, доказанное диссертантом в прежней монографии «Календарные обряды закамских удмуртов» (Ижевск, 2000) деление всего годового круга на «годы» – летний и зимний, подробное рассмотрение этапов празднества Великого дня, совершенно недвусмысленные, незатемненные разновременными напластованиями толкования самими носителями традиции всего, что происходит наяву и в их собственном мифологизированном сознании, делает работу Татьяны Миниияхметовой неоценимым источником для любого компаративистского исследования.

Третья глава диссертации посвящена обрядовым действам, связанным с сооружением колодца, представлениям об этом объекте в обыденной и обрядовой жизни. Традиция сооружения колодцев занимает особое место в народной культуре. Во-первых, церемония

сооружения колодца – необходимое условие существования сельских жителей, поскольку колодец обеспечивает людей водой. Во-вторых, проводимые по случаю его сооружения церемонии аналогичны другим обрядам, бытовавшим в рамках данной культурной традиции. Обрядовый комплекс, выполняемый в процессе сооружения колодца, имеет свою последовательность, порядок проведения, включающий период подготовки, основной этап и завершение, связанное с рядом послеобрядовых действий (поиск, определение места для рытья нового колодца, очищение места, зачин, рытье ямы, обнаружение воды, установка сруба, угощение новой водой). В представлениях деревенских людей колодец не является обычным объектом в освоенном человеком пространстве, он амбивалентен, поскольку обладает одновременно как опасными, негативными, так и чистыми, сакральными свойствами. Подобное отношение к колодцу продиктовано представлениями о самой воде как основе мироздания.

Колодец как хозяйственный объект, необходимый в повседневной жизни сельского жителя и имеющийся в каждом населенном пункте, практически в каждой крестьянской усадьбе, впервые в удмуртской этнографии становится объектом специального исследования. Для представления целостной картины строительства колодца в контексте народной культуры закамских удмуртов в работе применяется метод комплексного анализа, включающий исторический, этнографический, фольклористический вербальный, лингвистический подходы. Основу исследования составили полевые материалы автора.

Традиция строительства колодцев у удмуртов Закамья поздняя, в некоторых деревнях колодцы начали строить лишь в 30-е годы XX в. (с. 153).Традиционно колодец располагался в отдалении от хозяйственных построек – в саду, на огороде, считающихся наиболее чистыми, на границе двух усадеб, как правило, родственных. Считают, что если пустить гусей на новое для них место, они направятся в сторону, где есть вода: так традиционно выбирали и место для колодца. Гусь в то же время – мифологический персонаж, создатель суши. Выбирают для колодца место, где растет густая трава или ива. Сюда включаются элементы программирования пространства (А.Байбурин). Искали удачное место и с помощью ветки ореха (лещина имеет отношение к области смерти). Благоприятный период для рытья колодца – промежуток времени с середины лета до конца сентября, когда количество воды в верхних слоях почвы умень-

шается. Приемлемыми для зачина считаются утренние часы после восхода солнца, фазы прибывания луны. Участок для колодца сначала подметают, что связано как с суеверными, так и с практическими соображениями. Автор, опираясь на труды российских ученых Л.Виноградовой, С.Толстой и др., склонен считать подметенный участок «отсеченным» от пространства живых, после чего можно соприкасаться с миром чужим, не навлекая негативных последствий (с. 159). Обратившись к богам и духам предков за поддержкой, очертив лопатой размер колодца, самый удачливый начинает копать землю. В ходе работы не говорят о воде – существует запрет упоминать то, что ищут. Вечером по окончании работы каждый раз символически закрывают яму во избежание попадания туда нечистых духов. С появлением воды в колодце говорят, что «у колодца глаз появился». После завершения строительства колодца первую пару ведер с водой следует отнести в дом хозяев с пожеланием: «Пусть самим суждено пить будет», при этом нельзя высказываться по поводу вкусовых качеств воды. Год после сооружения колодец считается новым.

Автор связывает в единый смысловой узел культ источников, воды как лечебного средства, жертвы водным духам для обретения здоровья, видя во всем этом как мифологические истоки, так и рациональные представления, многие из них сходны с характеристиками родника, источника или обычного водоема. Вода в традиционном мировоззрении символизирует потусторонний мир или дорогу в потусторонний мир, опасный для мира живых. Потому лучше меньше соприкасаться с водой и знать правила обращений с ней. Запрещается черпать воду до восхода солнца, в полдень и особенно в сумерки. Духи-хозяева местности контролируют «свои владения», это – их время. Нарушители рискуют заболеть или иметь неприятные последствия. По представлениям удмуртов, у каждого колодца есть свой дух-хозяин. Он имеет свое время появления и странствования, в которое лучше у колодца не появляться. Считается, что хозяин колодца может принимать облик лягушки, которая наделяется, как и в славянской традиции, различными демоническими свойствами и связывается, прежде всего, с духами водных стихий. Считается, что появление в доме жабы предвещает неприятность, но никто не спешит ее убить, но только прогнать. Появление любых духов-хозяев перед людьми предвещает им неприятности. Лишь в крепких и состоятельных хозяйствах покровителем является змея. Информанты убеждены, что перед несчастьями часто показываются домовой,

банный, хранитель хлева. Некоторые хозяева колодца, по описаниям информантов, по представлениям родственных народов, являют собой страшное лохматое шерстистое существо, подобным образом представляется и обычный водяной. Интереснейший раздел главы посвящен толкованиям и межэтническим параллелям о духе-колодезнике-медведе: у удмуртов Закамья есть обычай, зачерпнув из колодца, вылить немного воды снова в колодец со словами «медведя выливаю». Не вызывает сомнений, что акт «выливания медведя» связан с духом колодца, который должен обитать всегда в своей стихии. Когда летом в ясную погоду начинает накрапывать дождь, закамские удмурты (а вместе с ними и многие другие народы) говорят, что это «медведь женится» (согласно легенде, волк умыкает его невесту, медведь остается ни с чем и потому плачет), что подтверждает связь представлений о медведе и воде.

В главе рассматриваются случаи функционирования колодца в семейно-родовых, календарных, случайных обрядах; система поведенческих норм, правила и запреты, имеющие отношение к колодцу. Смотреть на свое отражение в воде – запрет, связанный со всеми водными пространствами. Это явление – в общем ряду зеркальных отражений. Зеркало в народных представлениях – символ удвоения действительности, граница между земным и потусторонним мирами. Оброненные в колодец предметы наделяются негативными качествами и становятся нечистыми. Предмет, естественным путем оказавшийся в колодце, обладает противоположными свойствами.

Сооружение колодца в определенной степени означало разрушение границы между этим и потусторонним мирами. Пограничное пространство тем и опасно, заключает Т.Минниахметова, что в нем нет своего духа-хозяина, которыми наделены другие объекты. Современным этнографическим материалом закамских удмуртов не подтверждается представление о колодце как о дороге в потусторонний мир. У родственных удмуртам коми колодец символизировал «ворота» в подводный мир. «Нанизывание» различных ритуалов в одну линейную последовательность придает большую силу всем совершаемым сакральным актам (Н.Толстой). Все составляющие обряда, манифестирующие его «сакральный, идеологический, персонологический, акциональный, предметный и формальный уровни» (С.Шиндин) обнаруживаются в традиции и теперь. Если данная традиция воспринималась народом, была востребована или исполнялась по необходимости, то она развивалась и становилась обычным явлением. Таковой, вновь и вновь актуализирующей ритуал как

символическое поведение, представляется автору традиция сооружения колодца (с. 184).

Четвертая глава диссертационного исследования – «Своеобразие жанров обрядового фольклора» – ставит своей задачей анализ ритуальной лексики, главенствующего компонента всех трех обрядовых комплексов, составляющих материал предыдущих глав. Это высказывания самих носителей культуры закамских удмуртов, та бесценная устная информация, которая знаменовала собой реализацию в самой диссертации полноценной фиксации и последующей классификации соответствующих обрядовых традиций.

Каждый обряд, вне зависимости от сферы, с которой он связан (семейной, общинной, производственной), обладает сакральностью в пределах этой сферы, несет в себе определенное содержание, идеи. Их отражением становятся конкретные обрядовые ситуации. До последнего времени в удмуртоведении обряд и сопровождающие его тексты рассматривались преимущественно раздельно в рамках таких научных дисциплин, как фольклористика, этнография. Данная работа представляет собой первую попытку рассмотрения всего корпуса произведений устного народного творчества в конкретном обряде. Изучение особенностей различных типов высказываний, по сути различных речевых жанров, необходимо, как считает М.Бахтин, в любом специальном исследовании. Одновременно с проблемой определения жанровых форм встает другая – определение этих жанров или жанровых форм самими носителями традиционной культуры и опосредованной задачи адекватного перевода этих словесных обозначений на другие языки. Подобные высказывания носителей традиции могут быть классифицированы как пословицы, поговорки, заговоры, заклинания, песенные формы. Но, скажем, запретами охватывается как языковое, так и неязыковое поведение. В пределах ритуала нет необдуманной, случайной спонтанной речи, поэтому в круг интересов диссертанта попадают любые высказывания, становящиеся словесными формулами внутри рассказов информантов об обрядах.

Своеобразие обрядовой традиции удмуртов Закамья, продемонстрированное со всей очевидностью в тексте диссертационного исследования, позволяет автору обоснованно считать ее отдельной микрокультурой с особыми условиями функционирования и развития (с. 218).

Диссертация Т. Миниияхметовой, представленная в виде монографии, включает в себя в качестве дополнений список использо-

ванной литературы на русском, финском, эстонском, английском и других языках, список принятых сокращений, список информаторов, впечатляющий своим объемом, географический и хронологический перечень полевой работы 1980–2002 гг., резюме на английском и финском языках.

Игорь Мациевский

Санкт-Петербург

«Финно-угроведение», 2003, №2.

Рец.: BEKE ÖDÖN. Mari nyeljárási szótár (Tscheremissiches dialektwörterbuch). T.1-9. Savariae. 1997–2001. 3332 с.

Государственной премии Республики Марий Эл в области гуманитарных наук им. М. Янтемира удостоен капитальный труд ушедшего из жизни 40 лет назад венгерского исследователя марийского языка академика Э.Беке «Mari nyeljárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch)». Богатейшее собрание марийской диалектной лексики по достоинству оценено правительством РМЭ и научной общественностью республики. Лауреатами Госпремии РМЭ стали также видные финно-угроведы профессора Г. Берецки и Я. Пустаи, кандидат филологических наук М. Кузнецова.

Труд этот действительно особый, необычный во многих отношениях. Во-первых, подготовлен он и издан зарубежными исследователями марийского языка. Во-вторых, это результат многолетней кропотливой работы академика, труд, которому его главный творец посвятил почти всю свою жизнь – 40 лет. Такого в истории присуждения госпремий РМЭ тоже не было. В-третьих, весьма неординарными были условия, в которых собирался материал для него, – информаторами явились марийцы, солдаты русской армии, оказавшиеся в немецком плену во время Первой мировой войны. Необычен он и тем, что остался незавершенным. Доработали и издали его уже современные исследователи марийского языка, его ученики: профессор Габор Берецки – ученый, также посвятивший всю свою жизнь исследованию марийского языка, и профессор Янош Пустаи – неутомимый организатор различных научных мероприятий по изучению и пропагандированию марийского языка за рубежом, большой друг нашей республики. Очень весомый труд в подготовку словаря к печати вложила кандидат филологических наук Маргарита Кузнецова, уроженка РМЭ, ныне сотрудник Сомбатхейского

пединститута. Удивителен он, наконец, своим объемом – состоит из 9 книг и содержит в общей сложности 3332 страницы.

Словарь не имеет себе равных в финно-угорской лексикографии, не говоря уже о марийской. Материалы для него Э. Беке собирал в 1916–18 годах от военнопленных-марийцев, которых он сам отбирал в лагерях по принципу диалектной принадлежности и, так сказать, профессиональной пригодности – искал знатоков языка. Так у него сформировалась группа из 29 информаторов, которые представляли все основные диалекты марийского языка. От них он записал необычайно богатый диалектологический материал: 281 сказку, 580 песен, 1117 пословиц и поговорок, 658 загадок, 1268 поверий, 270 различных текстов о верованиях, 76 языческих молитвенных текстов, 37 различных обрядовых, исторических рассказов и т.д. (Mari szövegek. I. – Budapest, 1957 – XIY). Часть из них впоследствии он опубликовал отдельными книгами, изданными в разных странах: в Норвегии (Осло, 1931), Австрии (Вена, 1934), Финляндии (Хельсинки, 1938), Эстонии (Тарту, 1939), Венгрии (Будапешт, 1951, 1957, 1967, 1995) – всего 8 объемистых томов. На основе этого же материала был подготовлен настоящий диалектологический словарь. Можно себе представить, какой титанический труд и терпение нужны были для того, чтобы научно обработать все это, систематизировать, перевести на два иностранных языка и с такой тщательностью подготовить к изданию.

Словарь представляет собой уникальное собрание лексического богатства диалектов марийского языка. Такого полного, научно систематизированного диалектологического материала в истории финно-угроведения, тем более марийского языкознания, не было, нет чего-либо подобного и сейчас, спустя 40 лет после смерти Э. Беке.

Научная значимость его очевидна. Словарь «законсервировал» состояние лексики марийского языка начала XX века. Именно этим привлекателен он для современников. В него не вошли многочисленные изменения, происшедшие в лексике в бурные 20–30-е годы и в трудный послереформенный (1938 года) период, существенно изменившие направление дальнейшего развития марийского языка и его лексико-стилистических параметров. Э.Беке зафиксировал еще не «испорченный» различными сознательными преобразованиями, «чистый» язык досоветского времени. Это очень важно для историков языка и культуры. Часть лексических единиц, зафиксированных в словаре Э.Беке, сейчас отошла в разряд архаизмов. В современном литературном языке они вышли из активного употреб-

ления, некоторые из них вообще забыты, их можно найти только в словаре Э.Беке. Многие из них неизвестны даже ученым. Благодаря ему они вновь «воскресли» для науки. Он ценен для современных исследователей и тем, что в нем сконцентрировано, можно сказать, все диалектное лексическое богатство марийского языка.

Словарь сохранил для современников также множество различных фразеологизмов, разнообразных выражений и оборотов. Нередко дается толкование их происхождения. Это также очень ценный материал для историков языка, диалектологов, лексикографов, этнографов. В подтверждение сказанного хотелось бы привести всего лишь один пример. В марийском языке с древних времен существовало выражение *Йыпше темын*, которое употребляется, когда хотят сказать, что неблаговидному делу всегда приходит конец – оно будет наказано. Однако происхождение его до последнего времени оставалось неизвестным, никто не знал, откуда и как оно возникло, история об этом молчала. Но, благодаря словарю Э. Беке, теперь мы можем четко сказать, откуда берет оно свое начало – ученый записал одно из преданий об этом и поместил в своей работе. Подобных примеров в словаре можно найти множество.

Важная привлекающая внимание лексикологов часть словаря – его иллюстративный материал. Он представлен в нем в виде многочисленных словосочетаний, предложений и нередко даже целыми объясняющими рассказами, которые дают весьма подробную характеристику объясняемому предмету, явлению, действию.

Поражает исключительная фонетическая точность и полнота раскрывания семантики зафиксированных лексических единиц. Слова и иллюстративные материалы даны в финно-угорской фонетической транскрипции. Они весьма точно отражают фонетические особенности диалектов, очень четко определены их междиалектные соответствия. Весь марийский материал в словаре переведен на венгерский и немецкий языки, что значительно расширяет границы его использования зарубежным финно-угроведением. К слову сказать, зарубежные исследователи уже обратили на него внимание: появились первые положительные отзывы о нем в Германии, в Финляндии, в Венгрии и т.д.

Словарь содержит огромный лингвистический, фольклорный и этнографический материал. Это собрание марийского лингвокультурологического, этнолингвистического материала по своей значимости для марийской науки можно сравнивать лишь со словарем В. Даля для русской культуры. Жаль только, что в нашей республике

он еще не дошел до широкого читателя, мало знакомы с ним и работники образовательных, редакционно-издательских и культурных учреждений. Много полезного почерпнули бы они из него для своей работы.

Словарь Э.Беке полезен не только лингвистам. В нем могут найти благодатный материал также фольклористы, этнографы, культурологи и другие специалисты, интересующиеся историей и культурой марийского народа. Он может послужить надежной опорой и для составления полного словаря марийского языка, может помочь в решении проблем развития лексики современного литературного языка, то есть он имеет не только чисто научное, но и практическое значение. И потому без всякого преувеличения можно утверждать, что выход словаря Э.Беке – важное событие в культурной жизни марийского народа.

Присуждение Государственной премии за данный труд – это не только справедливая оценка колоссальной исследовательской работы Э.Беке и его учеников в области марийского языка, оно также признание научной и культурной общественностью Республики Марий Эл существенного вклада венгерской школы исследователей в развитие марийского языкознания, что будет способствовать дальнейшему развитию научных и культурных связей между РМЭ и Венгрией. Великолепный труд венгерских ученых – новый крупный вклад в финно-угроведческую науку.

Иван Иванов

Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2003, №2.

ХРОНИКА

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ

II Международный исторический конгресс «Фенно-Угрика», проходивший в 1998 г. в г.Таллинн (Эстония), рекомендовал очередной III Конгресс провести в г.Йошкар-Оле (Республика Марий Эл).

29.03.2001 г. Распоряжением № 143-рп Президента Республики Марий Эл Л.И.Маркелова был образован организационный комитет по подготовке и проведению III Международного исторического конгресса финно-угроведов в октябре 2003 г. в г.Йошкар-Оле. 31.05.2002 г. Распоряжением № 183-рп Президента Республики Марий Эл Л.И.Маркелова организация и проведение III Конгресса возложена на МарНИИ им.В.М.Васильева, внесены изменения в состав организационного комитета, председателем которого назначен М.З.Васютин. Оргкомитет под председательством заместителя Главы Правительства, министра культуры и межнациональных отношений М.З.Васютина разработал план мероприятий по подготовке Конгресса, определил дату его проведения.

Всего для участия в Конгрессе была подана 241 заявка. Научная программа была утверждена оргкомитетом в июне 2003 года и размещена в Интернете на сайте Правительства Республики Марий Эл.

28 октября – 1 ноября 2003 года в г.Йошкар-Оле состоялся III Международный исторический конгресс финно-угроведов по проблеме: «Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов».

Проведено два пленарных заседания, докладчики выступили на заседаниях восьми секций:

- формирование и взаимодействие финно-угорских народов (эпоха камня, бронзы и раннего железа);
- финно-угорские народы в эпоху средневековья;
- проблемы исторического развития финно-угорских народов в новое время (XVI – рубеж XIX вв.);

- общие закономерности и особенности в историческом и социальном развитии финно-угров в XX веке;

- духовная культура финно-угорских народов в фольклоре, литературе, искусстве;

- религиозные и мифологические представления как форма проявления и воспитания духовности;

- материальная культура и хозяйство финно-угорских народов;

- межэтнические связи и культурные контакты финно-угорских народов.

Состоялась дискуссия в рамках «круглого стола» по теме: «Исторические особенности развития финно-угорских народов на современном этапе».

На заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы Конгресса. Заслушаны выступления руководителей секций и «круглого стола».

Общее число зарегистрировавшихся участников Конгресса составило 175 человек, в том числе с докладами выступили ученые из Финляндии, Эстонии, Венгрии, Гамбурга, Вашингтона, Йошкар-Олы, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Казани, Сыктывкара, Ижевска, Саранска, Перми, Чебоксар, Ростова, Архангельска, Тулы, Уфы, Петрозаводска.

Участники Конгресса отметили высокий научный уровень и актуальность заслушанных и обсужденных докладов, приняли решения:

1. Образовать Российский комитет историков-финно-угроведов с региональными подразделениями на местах;

2. Определить местом размещения штаб-квартиры Российского комитета историков-финно-угроведов г.Сыктывкар (Республика Коми);

3. Утвердить следующий состав Российского комитета историков-финно-угроведов:

1) Попов Александр Александрович, д.и.н., ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН – председатель комитета (г.Сыктывкар);

2) Сметанин Александр Францович, к.и.н., ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (г.Сыктывкар);

3) Жеребцов Игорь Любомирович, д.и.н., ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (г.Сыктывкар);

4) Куликов Кузьма Иванович, д.и.н., ИЯЛИ УдНЦ УрО РАН (г.Ижевск);

5) Загребин Алексей Егорович, к.и.н., УдГУ (г.Ижевск);

6) Юрченков Валерий Анатольевич, д.и.н., НИИ ГН (г.Саранск);

7) Мокшин Николай Федорович, д.и.н., МордГУ (г.Саранск);

8) Абрамов Владимир Кузьмич, д.и.н., МордГУ (г.Саранск);

9) Иванов Ананий Герасимович, д.и.н., МарГУ (г.Йошкар-Ола);

10) Никитина Татьяна Багишевна, д.и.н., МарНИИЯЛИ (г.Йошкар-Ола);

11) Казимов Александр Сергеевич, к.и.н., МарНИИЯЛИ (г.Йошкар-Ола);

12) Михайлов Вячеслав Александрович, д.и.н., Академия госуд. службы (г.Москва).

Региональным подразделениям внести предложения о введении кандидатур в состав Российского комитета историков-финно-угроведов до1 апреля 2004 года;

4. Российскому комитету историков-финно-угроведов согласовать вопрос о месте, сроках и тематике IV Международного конгресса историков-финно-угроведов;

5. Рекомендовать Правлению Международного общества «Фенно-Угрика» ввести в свой состав членов созданного Российского комитета историков-финно-угроведов.

Принято единогласно 31 октября 2003 года.

Заместитель председателя Оргкомитета
Александр Казимов

«Финно-угроведение», 2003, №2.

НАВСТРЕЧУ 10 МЕЖДУНАРОДНОМУ КОНГРЕССУ ФИННО-УГРОВЕДОВ

Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum

15–21 августа 2005 года

Уважаемые коллеги!

От имени Оргкомитета X Международного конгресса финно-угроведов выражаем искреннюю благодарность за заявки для участия в работе нашего научного форума. К нам поступило более 600 заявок из 17 государств мира.

Экспертная комиссия Конгресса предлагает следующие темы секционных заседаний, симпозиумов (см. Приложение 1).

Секретариат Конгресса просит выслать до 15 июня 2004 года тезисы докладов. Тезисы (1–2 стр.) пишутся согласно образцу на *рабочих языках* Конгресса – английском, немецком, русском или французском, а если этого требует тема доклада, могут быть представлены на венгерском, марийском, финском, эстонском языках. В конце тезисов нужно указать, на каком языке будет прочитан доклад. Просим также дать небольшую аннотацию (15–20 слов) к докладу. Публикацию тезисов ускорит оплата за участие исследователя, направившего нам заявку.

Работа Конгресса будет проходить в форме пленарных и секционных заседаний. Кроме того, будут организованы симпозиумы, «круглые столы», воркшопы по различным проблемам, постердоклады и выставки, культурные мероприятия.

Плата за участие составляет 200 евро для иностранных и для российских участников 35 евро в рублевом эквиваленте по курсу Центробанка России на день перечисления (часть расходов исследователей из России организаторы берут на себя). Сопровождающие иностранных ученых лица вносят плату в размере 100 евро. Эта сумма обеспечивает свободный вход на все научные мероприятия, участие в культурной программе, экскурсиях и покрывает расходы на печатную продукцию и другие материалы. Оплата за участие в Конгрессе производится на расчетный счет согласно Приложения 3. Срок оплаты до 31 марта 2005 г. Квитанцию об оплате просим сохранить и взять с собой на Конгресс.

Регистрационная карта выставлена на сайте Конгресса: http// www.fu 10.mari-el.ru

Регистрационные листы принимаются до 1 февраля 2004 года. Мы будем признательны, если Вы их размножите и передадите коллегам, которых, на Ваш взгляд, может заинтересовать Конгресс.

Третий циркуляр и приглашение на Международный конгресс финно-угроведов в г.Йошкар-Олу будут направлены тем, кто пришлет тезисы докладов, произведет оплату за участие.

Сроки:

15 июня 2004 г. – направление тезисов докладов в секретариат Конгресса;

осень 2004 г. – одобрение докладов; рассылка третьего циркуляра и приглашений всем участникам;

31 марта 2005 г. – оплата за участие, окончательная регистрация;

15–21 августа 2005 г. – Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum.

От имени Оргкомитета с пожеланиями успехов:

Юрий Андуганов
Президент
424001 Республика
Марий Эл,
г.Йошкар-Ола,
пр. Гагарина, д. 8, к. 305

Ксенофонт Сануков
генеральный секретарь
Тел./факс: (8362) 72-07-78,
Тел.: (8362) 72-07-77
E-mail: fu10@mari-el.ru
http//www.fu10.mari-el.ru

Виталий Макаров
ректор Марийского
госуниверситета
Тел: (8362) 42-59-20

Приложение № 1

Тематика секций

А – «Языкознание»

Проблемы праязыковой реконструкции.
Фонетика, фонология и морфология уральских языков.
Морфосинтаксис и синтаксис уральских языков.
Лексика и семантика уральских языков.
Ономастика уральских языков.
Контакты уральских языков с другими языками.
Проблемы развития и функционирования литературных языков.
Преподавание уральских языков в школе и вузе.

В – «Фольклористика и этнология»

Сохранение и развитие аутентичного фольклора уральских народов.
Традиционная культура уральских народов в современном социокультурном контексте.

Взаимодействие фольклора уральских народов и профессионального искусства.
Сравнительное исследование феноменов традиционной культуры уральских народов (типология, поэтика, музыкальные стили).
Этнокультурные и религиозные ценности финно-угорских народов: общее и особенное.
Информационные технологии и традиционная культура уральских народов.
Культурные контакты финно-угорских народов и их динамика.
Материальная культура и традиционный образ жизни уральских народов.
Мифология уральских народов.
Исполнители мифопоэтических и фольклорных произведений традиционной культуры уральских народов.

C – «Литературоведение»

История литератур уральских народов.
Литература уральских народов на рубеже XX–XXI вв.
Национальное мировосприятие и его воплощение в литературе уральских народов.
Культурная ориентация литератур уральских народов.
Литературные контакты и связи уральских народов.

D – «Археология, антропология и этническая история»

Сравнительные черты экономики, народонаселения и общества уральских народов: геополитическое положение как фактор, влияющий на народонаселение и культуру.
Происхождение и начальные этапы формирования уральских народов.
Этнокультурные процессы у уральских народов в эпоху бронзы и раннего железа.
Этническая история уральских народов в средние века.
Этническая история уральских народов в XVIII–XIX вв.
Этническая история уральских народов в XX в.
Современные этнические процессы у уральских народов (90-е годы XX в. – начало XXI в.).

Симпозиумы, воркшопы

Г.Ф.Миллер и изучение уральских народов.
Движение за обновление языка у финно-угров.
Марийский народ и этногенетические процессы в Поволжье и Приуралье.

Новые концепции в изучении синтаксиса уральских языков.
Проблема финно-угорских протогородов и протогосударств.
Проблемы компьютеризации в финно-угроведении.
Проблемы модернизации культур финно-угорских народов.
Религиозный синкретизм в жизни современных уральских народов.
Статус и функционирование финно-угорских литературных языков.
Теоретические и практические вопросы исследования национальных меньшинств (на примере уральских народов).
Традиционная культура и современная жизнь уральских народов в музеях.
Финно-угорская семиотика.
Уральская ономастика.
Цели развития финно-угорского языкознания в XX в.
Эротика в культуре уральских народов.
Atlas Linguarum: итоги становления.

Appendix 1

A – «Linguistics»

Problems of proto-language reconstruction.
Phonetics, phonology and morphology of the Uralic languages.
Morphosyntax and syntax of the Uralic languages.
Lexicon and semantics of the Uralic languages.
Onomastics of the Uralic languages.
Contacts of the Uralic languages with other languages.
Problems of development and functioning of literary languages.
Teaching of the Uralic languages at schools and Universities (Higher Schools).

B – «Folklore Studies and Ethnology»

Remaining and development of authentic folklore of Uralic peoples.
Traditional culture of Uralic peoples in modern social and cultural context.
Folklore of Uralic peoples and professional art: their interaction.
Comparative investigation of Uralic peoples traditional culture (typology, poetics, musical styles).
New technologies and traditional culture of Uralic peoples.
Ethnic, cultural and religious values of Fenno-Ugric peoples: common and peculiar features.
Cultural contacts of Fenno-Ugric peoples and the dynamics.
Material culture and traditional way of life of Uralic peoples.
Mythology of Uralic peoples.

C – «Literary Studies»

History of literature of Uralic peoples.
Literature of Uralic peoples at the end of the 20th and at the beginning of the 21st centuries.
National attitude to the world and its realization in literature of Uralic peoples.
Cultural orientation of Uralic peoples' literature.
Contacts in literature of Uralic peoples.

D – «Archeology, anthropology and ethnic history»

Comparative features of economy, population and society of Uralic peoples: geopolitical position as a factor influencing population and culture.
Origin and initial stages of development of Uralic peoples.
Ethnic and cultural processes of Uralic peoples in Bronze Age and early Iron Age.
Ethnic history of Uralic peoples in Middle Ages.
Ethnic history of Uralic peoples in the 17-19 centuries.
Ethnic history of Uralic peoples in the 20 century.
Contemporary ethnic processes of Uralic peoples (1990s of the 20th century – beginning of the 21st century).

Symposia and workshops

G.F. Miller and a study of Uralic peoples.
Language renovation movement in Fenno-Ugric peoples.
The Mari and ethic, genetic processes in the Volga and before the Urals region.
New concepts in syntax studies of Fenno-Ugric languages.
Problems of Fenno-Ugric proto-cities and proto-countries.
Problems of computerization in Fenno-Ugric studies.
Problems of Fenno-Ugric culture updating.
Religious syncretism in life of Uralic nations.
Status and functioning of Fenno-Ugric literary languages.
Theoretical and practical questions of investigating of national minorities.
Museum representation of traditional culture and modern life of Uralic peop»les.
Fenno-Ugric semiotics.
Uralic onomastics.
Aims of development of Fenno-Ugric linguistics in the 20th century.
Eroticism in the culture of Uralic peoples.
Atlas Linguarum: the results of development.

Приложение № 2

Я Сам
Город

Оформление тезисов

Тезисы пишутся на бумаге А4 (21x29,7 cm) на одной стороне. Маргиналы оставить следующие: Top: 2,3 cm, Bottom: 2,8 cm, Inside 3,17 cm, Outside 3,17 cm, Gutter 0 cm, Header 1,25 cm, Footer 2,3 cm. Величина шрифта (Times New Roman) 12 точек, заглавие – 14 точек.

На 1-ой строчке пишется имя и фамилия автора, на 2-ой строчке – город и государство, на 7-ой строчке – заглавие. Заголовок тезисов оформляется жирным шрифтом и первый знак заглавной буквой. Между заглавием и основным текстом оставить 2 свободные строки. Каждый абзац начинается с красной строки – 3 удара. Текст пишется через 1 интервал. Максимальный объем тезисов 2 страницы. Для выделения рекомендуем пользоваться **жирным шрифтом**, затем р а з р я д к о й. Не рекомендуем пользоваться подчеркиванием. Языковые примеры в тексте подаются *курсивом*, к ним прибавляются перевод или объяснение на языке тезисов между апострофами, напр. *holnap* 'завтра'.

Тезисы пишутся на английском, русском, немецком или французском языке. Тезисы докладов просим выслать организаторам до 15 июня 2004 г.

Тезисы надо обязательно **представить на бумаге**, кроме бумажной копии рекомендуем выслать текст на дискете персонального компьютера. В Марий Эл установлены компьютеры типа IBM (PC), в которых пользуются программой Windows 98 с западно- и восточно-европейскими алфавитами, а также кириллицей. Рекомендуем фиксировать текст в Word for Windows (любая версия). Вместе с дискетой надо выслать данные о программе и операционной системе и кодовый лист. Кроме того , надо отметить название файла, если на дискете более одного файла. Тезисы можно выслать организаторам и в виде Attachment по адресу fu10@mari-el.ru

В конце тезисов следует указать 3–5 ключевых слов, а также на каком языке будет прочитан доклад. Для примера ключевых слов рекомендуем Bibliographia Studiorum Uralicorum, напр. *этимология, названия грибов, хантыйский язык.*

О включении доклада в программу Конгресса Вам сообщат осенью 2004 г. Предпосылкой публикаций тезисов является оплата за участие.

Appendix 2

Full name:
City:
Title:

Abstracts should be written one the paper A4 (21x29,7cm). The marginal should be the following: Top: 2,3 cm, Bottom: 2,8cm, Inside 3,17cm, Gutter 0cm, Header 1,25 cm, Footer 2,3 cm. Type (Times New Roman) the text – 12, the title – 14.

Please include in the following order:

- the first line – your name
- the second line – your city and country
- the third line – the title.

The title of your abstract should be written in bold type, the first letter ought to be a capital one. Please leave double space between the title and the text of your abstract. Abstract text should be written in a 12 point with 1 inch margins. Abstracts must be limited to 2 pages. We advise you to use **bold type** and s p a c i n g for emphasizing. Try not to use underlying. Examples should be put in italics, as well as they ought to be translated, for example: *holnap* 'tomorrow'.

Send us printed version of your abstract as well as the disc. If there are several abstracts on your disc, please, name and save each separately.

Your abstracts may be sent electronically as Microsoft Word (any version) attachments. Our e-mail: fu10@mari-el.ru

Abstracts should be written in English, Russian, German and French.

Deadline for sending abstracts is June 15, 2004.

At the end of the abstract, please, indicate the language of your presentation and write down five key words of your report. We advise you to use Bibliographia Studiorum Uralicorum, for example: etymology, names of mushrooms, Hanty.

Notification of acceptance will be sent in autumn 2004.

«Финно-угроведение», 2003, №2.

КОНФЕРЕНЦИЯ ИСКУССТВОВЕДОВ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

5 декабря 2003 года в конференц-зале МарНИИЯЛИ им.В.М.Васильева состоялась научная конференция «Проблемы, тенденции и современное состояние искусства в Марий Эл». На нее собрались искусствоведы республики разных специальностей, изучающие изобразительное искусство, театроведы, музыковеды, литературоведы, специалисты по разным аспектам народной культуры, а также междисциплинарных взаимодействий, методики образования. Инициатором проведения этой конференции выступил отдел искусств МарНИИЯЛИ, второй год существующий как отдельное структурное подразделение института, он же предложил тематику научного форума искусствоведов.

Надо отметить, что такая широкая научная конференция по вопросам искусства проводится в республике впервые. Искусствоведческие силы в Марий Эл еще невелики, а потребность узнать, познакомиться с исследовательскими интересами и достижениями своих коллег существует и, безусловно, остро необходима. Конференция была достаточно представительной, на ней выступило 24 докладчика по различным вопросам профессиональной и этнокультуры. Наряду с уже известными в республике учеными, свои научные результаты показали молодые искусствоведы. Тематика докладов была достаточно разнообразной и, без сомнения, показательной в плане актуальности этих проблем для культуры и искусства нашей республики.

Многие доклады искусствоведов по изобразительному искусству были посвящены феномену этнофутуризма – яркому направлению в современном марийском изобразительном искусстве. Это доклады Колчевой Э.М., Илтубаевой Л.В., Кудрявцева В.Г., в которых отмечалось, что течение этнофутуризма наблюдается в изобразительном искусстве других финно-угорских народов. Новое явление в изобразительном творчестве связано с символизацией художественных образов и мотивов, с обращением к древним истокам, мифам и обрядам.

Доклад Новоселовой Л.К. был посвящен теме взаимодействия художественных музеев Поволжья, что особенно важно в контексте современной тенденции диалога культур. В выступлении Кувшинской Л.А. был затронут весьма перспективный вопрос использования новых компьютерных технологий в сохранении наследия народных культур. Участники и слушатели конференции с интересом просмотрели фрагменты двух видеофильмов, показанных аудитории искусствоведами Республиканского музея изобразительных искусств.

Своеобразным и заинтересовавшим многих было сообщение Сильдушкиной Н.Е. на тему «Опера «Алдиар» Э.Архиповой: психоанализ». Выступление посвящалось психологическим аспектам восприятия музыки, что, безусловно, связано с неоднозначным ее пониманием и поэтому вызывает спорные суждения. Интересными были выступления литературоведов Федосеевой Н.А. и Макаровой Г.А., предложившей этнолингвокультурологический подход к поэтическим текстам. К сожалению, вопросам театрального искусства был посвящен лишь один доклад Кульбаевой Н.И. «Современное марийское театральное искусство» (и это при наличии 6 профессиональных театров в республике, что, несомненно, является тревожным сигналом).

Несколько докладов было посвящено проблеме сохранения художественной культуры народа, которая стоит весьма остро в условиях глобализации культуры и урбанизации населения. Сохранение и возрождение традиций народного творчества, проблемы существования народных промыслов, марийского костюма в условиях современной жизни – эти темы заинтересованно обсуждались в докладах Майковой Л.Е., Молотовой Т.Л., затрагивались в сообщении Соловьевой Г.И.

Доклады музыковедов разделились по трем исследовательским направлениям: профессиональное музыкальное искусство, различные аспекты изучения музыкального фольклора и область методики преподавания. Цыкина Ю.Ю. в своем докладе затронула тему развития оперного жанра в РМЭ, выступление Кузнецовой В.Г. было посвящено теме «Деятельность марийского просветителя Т.Е.Ефремова». В докладе Мамаевой М.Н. рассматривались основные тенденции в марийской музыке последнего десятилетия. Отмечались некоторые кризисные явления в современной музыкальной жизни – спад творчества, отсутствие притока новых композиторских сил, неблагоприятная ситуация в музыкально-исполнительской области (в том числе и в Театре оперы и балета им.Э.Сапаева).

Активно выступили молодые этномузыковеды, темы их докладов были достаточно разнообразны: Мушкина Н.В. проанализировала музыкально-стилевые особенности сернурского музыкального диалекта,

Яковлева Ф.Н. затронула проблему отражения национального духа в песенном творчестве. Результат изучения русского песенного фольклора на территории республики был представлен в докладе Зинцовой О.Н. «Традиционный фольклор русского населения с.Ежово Медведевского р-на РМЭ».

Выступления Яшмолкиной О.Н. и Турченковой Р.Н. были посвящены проблемам методики преподавания марийской музыкальной культуры в различных образовательных учреждениях.

Подводя итоги конференции, надо отметить, что она прошла на достаточно высоком научно-теоретическом уровне, была весьма полезной для всех выступающих и слушателей в плане обогащения новыми мыслями, идеями и методами исследования.

Майя Мамаева
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2003, №2.

XIX МЕЖДУНАРОДНАЯ ФИННО-УГОРСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ IFUSCO

С 23 по 27 сентября 2003 года в г. Сыктывкар (Республика Коми) в очередной раз провела свою работу Международная финно-угорская студенческая конференция IFUSCO (International Finno-Ugric Students Conference). В первый раз конференция была организована в Германии студентами Геттингенского университета в 1984 году. С тех пор каждый год конференция проводится поочередно в различных финно-угорских республиках и государствах. Так, в 2001 году организаторами IFUSCO – XVII стали эстонские студенты (г. Таллинн), в 2002 году конференция проводилась в г. Хельсинки (Финляндия).

На этот раз (в 2003 году) финно-угорские студенты, аспиранты, молодые исследователи собрались в стенах Сыктывкарского государственного университета. Участники конференции представляли 18 учебных заведений Венгрии (Будапешт, Сегед, Секешфехервар), Финляндии (Хельсинки, Турку, Йоэнсуу), Эстонии (Таллинн, Тарту), а также городов и финно-угорских регионов России – Москвы, Санкт-Петербурга, Республик Карелия (Петрозаводск), Удмуртия (Ижевск), Марий Эл (Йошкар-Ола), Коми (Сыктывкар) и Коми-Пермяцкого автономного округа (Кудымкар). Всего участников было 141 человек, из них 24 – из Финляндии, Венгрии, Эстонии, 28 – из регионов Российской Федерации, остальные – студенты и аспиранты из Республики Коми и Коми-Пермяцкого автономного округа.

Конференция продолжалась 5 дней. В день заезда, 23 сентября, гости могли познакомиться друг с другом на «Вечере знакомств». Открытие конференции состоялось на следующий день, вначале были зачитаны приветствия ректора СыктГУ В.Н.Задорожного, заместителя Главы РК В.И.Скоробогатовой, министра культуры и национальной политики РК М.В.Кузьбожьевой. От имени Председателя Консультативного Комитета финно-угорских народов В.Маркова выступил Конюхов А.Н. Всех участников IFUSCO – XIX он пригласил принять участие в работе IV Всемирного конгресса финно-угорских народов в августе 2004 года в Эстонии, который будет посвящен общефинноугорским проблемам молодежи.

Работу конференции открыли пленарные доклады Свайкиной Евгении «История IFUSCO» (г. Петрозаводск, Карелия), Клементьева Андрея «О двух оппозициях в поэтическом мире А.Лужикова» (г. Ижевск, Удмуртия) и Синуткиной Ольги «Сотрудничество финно-угорских народов в области культуры в конце XX – начале XXI веков» (г.Йошкар-Ола, Марий Эл). Затем участники разделились по секциям. Было выделено 5 секций: 1) литература финно-угорских народов; 2) финно-угорское языкознание; 3) история и этнография финно-угорских народов; 4) искусство и культура финно-угорских народов; 5) фольклор и этнопедагогика финно-угорских народов. Рабочими языками конференции являлись все финно-угорские языки, а также русский, английский и немецкий.

Конференция показала, что молодежь волнуют такие актуальные и современные проблемы, как экология, политическое развитие, юридические проблемы финно-угорских народов. Сложную экологическую обстановку, сложившуюся на территориях проживания коренных народов России обрисовал в своем докладе Андрей Тентюков (г.Тарту, Эстония). Решение проблемы он видит в «помощи общественных организаций, правового регулирования (законодательство, контроль за его исполнением) с привлечением установления социального порядка (обычаев, морали, религий, корпоративных норм)». О значении и реализации Закона «О государственных языках Удмуртской республики и иных языках народов УР» от 6 декабря 2001 года рассказала Пушина Ольга (г.Ижевск, Удмуртия). Доклад Жеребцовой Ирины (г.Сыктывкар. Коми) был посвящен взаимоотношениям между репрессированными немцами и населением коми.

Работа секций продолжалась два дня – 24, 25 сентября. На закрытии конференции подведены итоги и в торжественной обстановке авторы лучших докладов были награждены подарками и грамотами, также высокую оценку заслужили пленарные доклады и участники, получившие призы зрительских симпатий. Руководители секций отметили серьезность и доброжелательность финно-угорской молодежи друг к другу, что является позитивной тенденцией в развитии их сотрудничества в различных сферах жизни. Было решено организовать официальный сайт IFUSCO в Интернете, который в данное время уже действует. После завершения конференции в качестве культурной программы участникам был организован выезд в коми деревни Визинга и Куратово.

По предложению венгерской делегации, следующая встреча молодых финно-угроведов будет проходить в г.Будапеште (Венгрия) в мае 2004 года.

Ольга Синуткина
Йошкар-Ола

ФИННО-УГОРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ КУЛЬТУРНОЙ И НАУЧНОЙ ЖИЗНИ 2003 года

27 января *Будапешт*	Международная конференция «Финно-угорские информационные технологии». Приняли участие более 300 участников из финно-угорских стран и регионов с целью обмена опытом по внедрению информационных технологий.
11 февраля *Москва*	А.П.Торшин, заместитель Председателя Совета Федерации встретился и провел беседу с председателем Общества «Финляндия-Россия» Хейкки Талвитие, генеральным секретарем Общества Мерьей Ханнус по вопросу подготовки к X Международному конгрессу финно-угроведов в 2005 году в Йошкар-Оле.
28 февраля *Йошкар-Ола*	Заседание финно-угорского комитета Российской Федерации с участием регионов-участников X Международного конгресса финно-угроведов, который будет проходить в Йошкар-Оле в 2005 году. В работе заседания принимали участие заместители Глав Правительств Удмуртии, Коми, Мордовии, Марий Эл, Карелии, Ханты-Мансийского автономного округа, а также ученые финно-угроведы.
6 марта *Саранск*	Заседание Молодежной ассоциации финно-угорских народов. Рассмотрены вопросы по подготовке к VI Конгрессу.
12 марта *Москва*	Заседание Консультативного комитета финно-угорских народов.
19–25 марта *Тарту*	IV литературный семинар по этнофутуризму.

19–20 марта *Йошкар-Ола*	Заседание Совета МАФУН. Принимали участие представители Финляндии, Эстонии, Коми, Удмуртии, Карелии, Марий Эл. Принято решение провести VI Конгресс МАФУН в г. Йошкар-Оле в ноябре 2003 г.
18 апреля *Ижевск*	Научный симпозиум «Основные направления работы по проблемам здоровья финно-угорских народов». Приняты рекомендации по изучению здоровья финно-угорских народов. В работе симпозиума приняли участие ученые и специалисты из Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Башкортостана, Ханты-Мансийского и Коми-Пермяцкого автономных округов.
29–30 апреля *Ханты-Мансийск*	Научно-практическая конференция «Ткачество, вышивка финно-угорских народов». С докладами выступили этнографы, преподаватели, искусствоведы, историки, сотрудники музеев, мастера-прикладники из Ижевска, Йошкар-Олы, Тюмени, Тобольска, Сургута, Ханты-Мансийска. Участники конференции ознакомились с основами удмуртской вышивки, посетили выставку по прикладному искусству.
15–16 мая *Йошкар-Ола*	Международный семинар «Межкультурные коммуникации в финно-угорском мире в условиях европейской интеграции». Участники семинара высказали предложения о необходимости подготовки специалистов в области межкультурных коммуникаций и художественного перевода.
4–7 июня *Саранск*	Международная научно-практическая конференция «Функционирование языков и этнокультура восточных финно-угорских народов: проблемы и перспективы развития». В работе конференции принимали участие ученые из Венгрии, Эстонии, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Москвы и Пензы.
10–17 июня *Гамбург, Германия*	Международная конференция «Национальное возрождение подверженных угрозе уральских народов», организованная Гамбургским университетом. С докладами выступили ученые из Германии, Франции, Италии, Эстонии, Финляндии, Австрии, Венгрии, России.

15–22 июня *Сыктывкар*	IV международный фестиваль театрального творчества для детей и юношества «Ен дзирд» («Божественная искорка»), на котором выступили творческие коллективы из Коми, Марий Эл, Мордовии, Ханты-Мансийского автономного округа, Эстонии.
16–17 июня *Ханты-Мансийск*	Заседание Консультативного комитета финно-угорских народов, на котором приняли участие представители 13 финно-угорских народов, в том числе представитель народа сету в качестве наблюдателя. Обсуждены вопросы подготовки к IV Всемирному конгрессу финно-угорских народов.
23–26 июня *Ханты-Мансийск*	Международная научная конференция «Сохранение традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и проблемы устойчивого развития». Более 200 ученых и специалистов обсуждали вопросы языка, литературы, культуры народов Севера.
июль *Саранск*	Курсы финского языка и культуры для представителей финно-угорских народов России, изучающих национальные языки и культуры.
3–6 июля *Ряккюля, Финляндия*	Кихаус – фестиваль народной музыки.
20–29 августа *Йошкар-Ола*	12 смена детского финно-угорского лагеря.
25–26 августа *Таллин*	Совещание координаторов Консультативного комитета финно-угорских народов о подготовке IV Всемирного конгресса финно-угорских народов 15–19 августа 2004 года в Таллинне.
18–21 сентября *Тверская область*	X Международный фольклорный фестиваль финно-угорских народов. Работала выставка «Карельский костюм и вышивка».
23–27 сентября *Сыктывкар*	XIX международная финно-угорская студенческая Научная конференция IFUSKO. Участвовали около 80 представителей Венгрии, Эстонии, Финляндии, Норвегии, Карелии, Мордовии, Марий Эл, Удмуртии.

27 сентября *Хельсинки*	Фестиваль финно-угорских фильмов.
7–13 сентября *Санкт-Петербург*	В рамках Недели Финляндии проведено более 40 различных мероприятий: выставки, концерты, семинары, конференции, литературные вечера, ярмарки.
1 октября *Будапешт*	Совещание рабочей группы по экономическому сотрудничеству финно-угорских народов.
2–6 октября *Будапешт*	Заседание Консультативного комитета финно-угорских народов. Обсуждены вопросы подготовки Всемирного конгресса.
17 октября *Саранск*	Традиционный праздник родственных народов «Шумбрат. Финно-угрия», посвященный юбилеям ученого-фольклориста М.Е. Евсевьева, автора первого мордовского букваря А.С.Юртова.
6 октября *Йошкар-Ола*	Открытие дней родственных народов. Международная фотовыставка финно-угорских народов «Корни».
23–25 октября *Йошкар-Ола*	X Международный фестиваль телефильмов «Финно-угорский мир. Мы в новом веке». Участвовали 25 телекомпаний, представлены более 40 фильмов и передач.
16–17октября *Йошкар-Ола*	I Всероссийский фестиваль финно-угорской прессы.
24–25 октября *Йошкар-Ола*	Заседание республиканского Оргкомитета Всемирного конгресса финно-угроведов с приглашением представителей Национальных комитетов Венгрии, России, Финляндии, Швеции, Эстонии.
28 октября – 1 ноября *Йошкар-Ола*	III Международный исторический конгресс финно-угроведов по проблеме «Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов». Проведено два пленарных и 8 секционных заседаний, на которых выступили 175 ученых, аспирантов из Финляндии, Эстонии, Гамбурга, Вашингтона, Йошкар-Олы, Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Сыктывкара, Ижевска, Саранска, Перми, Чебоксар, Ростова, Архангельска, Тулы, Уфы, Петрозаводска.

По итогам конференции проведен «круглый стол» «Исторические особенности развития финно-угорских народов на современном этапе».
Организаторами конгресса выступили Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М.Васильева и Марийский государственный университет.

10 ноября
Хельсинки
Международное совещание библиотекарей по вопросам авторского права при публикации в сети Интернет.

3–5 ноября
Йошкар-Ола
VI конгресс МАФУН.Обсуждение итогов работы за 2000–2003 год, проведены выборы руководящих органов, намечены перспективы деятельности на следующие два года. Председателем правления МАФУН избран Василий Петров (Республика Марий Эл).

10–14 ноября
Йошкар-Ола
Второй обучающий семинар и конференция по многоязычному образованию в полиэтническом регионе. Проведен по инициативе общества «Марий туныктышо» (Марийский учитель) при поддержке Министерства образования и Министерства культуры и межнациональных отношений.

26–28 ноября
Саранск
Всероссийская олимпиада по финно-угорской филологии.

В 2003 году:
Создан Ханты-Мансийский театр.
Издан первый коми-язвинский букварь.
В рамках программы «Узы дружбы» звучали в эфире еженедельные радиообзоры событий из жизни Финляндии на коми и удмуртском языках.
Проведен конкурс этнографических выставок, в котором приняли участие 22 музея. Победителями признаны выставки «Мы – удмурты», «Марийцы – последний языческий народ Европы», «Нить жизни» (Мордовия), «Жизнь, рассказанная льняным полотенцем» (Глазов, Удмуртия).
Электронная энциклопедия традиционной культуры финно-угорских народов «Музыкальные инструменты финно-угров» (поволжских народов) на финском языке.

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2003, №2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Чураков Владимир Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

Кульбаева Наталия Ивановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела искусств МарНИИЯЛИ при Правительстве Республики Марий Эл.

Коростелев Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором Поволжья Института этнологии и антропологии РАН.

Абукаева Любовь Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языкознания МарГУ.

Рогачев Владимир Ильич – кандидат филологических наук, доцент МГПИ им.Т.Е.Евсевьева.

Христолюбова Людмила Степановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

Поздеев Игорь Леонидович – аспирант отдела этнографии и социологии Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

Федосеева Надежда Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора МарНИИЯЛИ при Правительстве Республики Марий Эл.

Камитова Алевтина Васильевна – старший лаборант отдела литературы и фольклора Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН.

Лехтинен Илдико – доктор философии, доцент этнологии, старший научный сотрудник Музея культур Финляндии.

Егоров Николай Иванович – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики.

Галкин Иван Степанович – доктор филологических наук, профессор.

Мациевский Игорь Владимирович – доктор искусствоведения, профессор, заведующий сектором инструментоведения Российского Института истории искусств.

Иванов Иван Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой марийского языка МарГУ.

Казимов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, директор МарНИИЯЛИ при Правительстве Республики Марий Эл.

Мамаева Майя Николаевна – кандидат искусствоведения, заведующая отделом искусств МарНИИЯЛИ при Правительстве Республики Марий Эл.

Сипуткина Ольга Сергеевна – аспирантка кафедры региональной истории МарГУ.

Садовин Игорь Геннадьевич – начальник информационно-аналитического управления аппарата Госсобрания Республики Марий Эл.

CONTENTS

ARTICLES

Churacov V. Towards to critisism of Vorshud theory..... 3
Kulbayeva N. Towards to the problem of drama, theatre and audience..... 19
Korystelev A. Towards to the language correlation of Mountain Maris and Meadow Maris..... 31
Abukaeva L. Syntactical phraseological units based on pronouns in mari..... 40

REPORTS

Rogachov V. Typology of Mordva wedding lamentation..... 52
Khristolyubova L. About New Professions of Udmurt Women in the first half of the 20th century (Tractor drivers)..... 57
Pozdeyev I. Udmurt people modern condition in the Tatar and Mari El republics (on the materials of anthropology expedition during 2003)..... 70
Phedoseyeva N. A boot camp in Mari literature..... 79
Kamitova A. Space and time in K.Gerd's lyric (the poem «Keremet» as an example)..... 90

PERSONALS

Lehtinen I. To the anniversary of Anna-Leena Siykala..... 97

SURVEYS AND REVIEWS

Yegorov N. Rev.: Vorontsova O.P., Galkin I.S. Toponymy of the Republic of Mari El: Historical and etymological analysis. – Yoshkar-Ola, 2002, 424 p. 101
Galkin I. Rev.: Kuklin A.N. Meadow-East Mari orphoepy: Help for teachers. – Yoshkar-Ola, 2003. 144 p. 120
Matsiyevskiy I. Rev.: Minniyahmetova T.M. Traditional customs of Udmurts lived on the left (right) bank of Kama river: structure, semantics, folklore. Tartu, 2003, 257 p. 127
Ivanov I. Rev.: Ödön Beke. Dictionary of Mari dialects. V.1–9. Savaria. 1997–2001, 3332 p. 141

CHRONICLE

The Third International Historical Congress Finno-Ugrists..... 145
To the 10th International Congress of Finno-Ugrists..... 148
Mamayeva M. Conference of art consultants of the Republic of Mari El.. 155
Sinutkina O. The XIX International Finno-Ugric Student Conference IFUSCO.. 158
Sadovin I. Finno-Ugric calendar of culture and scientific life..... 160

«Финно-угроведение», 2003, №2

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360

Адрес редакции: 424036, г.Йошкар-Ола,
ул.Красноармейская, 44.
Телефон: 64-19-28

Редакторы *Т.А.Рыбалка, А.А.Крылова*
Корректор *А.А.Крылова*
Технический редактор *Т.А.Рыбалка*
Верстка *З.Г.Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П.Клюкина*
Английский текст *Э.И.Казаковой*

Подписано в печать 19.04.2004. Формат 60x84/16. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 9,6. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 1183. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ГУП «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424000, г.Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112

Издание журнала осуществлено
при финансовой поддержке
Фонда финской культуры